PG
3453
B2
1914a
t.9

Balmont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

т. 9

Томъ Девятый

Птицы въ воздухѣ

Изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1912

1778691
op 38434

К. Д. Бальмонтъ

PG3453
.B2
1907

408422
31

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА, МОСКВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

SCP 18 Sk

Птицы въ воздухѣ

СТРОКИ НАПѢВНЫЯ

Мы уйдемъ на закатъ багрянаго дня
Въ нашъ наполненный птичьими криками садъ.
Слушай ихъ, межь вѣтвей. Или слушай меня.
Я съ тобой говорю—какъ они говорятъ.

Миновала зима. И въ воздушность маня,
Это—сердце душь говоритъ черезъ взглядъ.
Эти птицы поютъ о дрожаньяхъ Огня.
Ихъ понять торопись. Пропоютъ, улетятъ.

ВЪ ЯРКИХЪ БРЫЗГАХЪ.

ДВАЖДЫ-РОЖДЕННЫЕ.

Мы вольныя птицы, мы дважды-рожденные,
Для жизни, и жизни живой.
Мы были во тьмѣ, отъ Небесъ огражденные,
Въ молчаньи, въ тюрьмѣ круговой.

Мы были какъ бы въ саркофагной овальности,
Все то же, все то же, все то жь.
Но вотъ всколыхнулась безгласность печальности,
Живу я—мой другъ—ты живешь.

Мы пьяность, мы птицы, мы дважды-рожденные,
Намъ крылья, намъ крылья даны.
Какъ жутко умчаться въ провалы бездонные,
Какъ странно глядѣть съ вышины.

СЪ ВѢТРАМИ.

Душа откуда-то приносится Вѣтрами,
Чтобъ жить, свѣтясь въ земныхъ тѣлахъ.
Она, свободная, какъ вихрь владѣетъ нами,
Въ обманно-смертныхъ нашихъ снахъ.

Она какъ молнія, она какъ буревѣстникъ,
Какъ ускользающій фрегатъ,
Какъ воскрешающій—отшедшихъ въ смерть—чудесникъ,
Съ которымъ духи говорятъ.

Душа—красивая, она смѣется съ нами,
Она поетъ на темномъ днѣ.
И какъ приносится, уносится съ Вѣтрами,
Чтобъ жить въ безмѣрной вышинѣ.

ХМѢЛЬНОЕ СОЛНЦЕ.

Лѣтомъ, въ мѣсяцѣ Іюлѣ,
Въ дни, когда пьянѣетъ Солнце,
Много странныхъ есть вещей
Въ хмѣлѣ солнечныхъ лучей.
Стонетъ лѣсъ въ громовомъ гулѣ,
Молній блескъ—огонь червонца.
Все кругомъ мѣняетъ видъ,
Самый воздухъ умъ пьянитъ.

Воздухъ видно. Дымка. Паритъ.
Воздухъ словно весь расплавленъ.
Въ чащу лѣса поскорѣй,
Вглубь, съ желанною твоей.
Въ мозгѣ нѣжный звонъ ударитъ,
Сердце тутъ, а умъ оставленъ.
Тѣло къ тѣлу тѣсно льнетъ.
Праздникъ тѣла. Счастье. Вотъ.

Ночь приходитъ. Всѣмъ извѣстно,
Ночь Иванова колдуетъ.
Звѣздный папоротникъ рви.
Мигъ поетъ въ твоей крови.
Пляшетъ пламя повсемѣстно.
Мглу огонь свѣтло цѣлуетъ.
Гдѣ костры сильнѣй горятъ,
Ройся глубже, вспыхнетъ кладъ.

ВИНО.

Хорошо цвѣтутъ цвѣты, украшая садъ.
Хорошо, что въ немъ поспѣлъ красный виноградъ.
Былъ онъ краснымъ, темнымъ сталъ, синій онъ теперь.
Хорошо, что входъ раскрытъ—что закрыта дверь.

Чрезъ раскрытый входъ бошелъ жаждущій намекъ.
И расцвѣлъ, и нѣжно цвѣлъ, между насъ цвѣтокъ.
Виноградъ вбиралъ огни. Будетъ. Суждено.
Счастье. Дверь скорѣй замкни. Будемъ пить вино.

ПЧЕЛА.

Пчела летитъ на красные цвѣты,
Отсюда медъ и воскъ и свѣчи.
Пчела летитъ на желтые цвѣты,
На темносиніе. А ты, мечта, а ты,
Какой желаешь съ міромъ встрѣчи?

Пчела звенитъ и строитъ улей свой,
Пчела принесена съ Венеры.
Свѣтъ Солнца въ ней съ Вечернею Звѣздой.
Мечта, отяжелѣй, но пылью цвѣтовой,
Ты свѣтъ зажжешь намъ, свѣчи вѣры.

ХАОСЪ.

Man muss noch Chaos in sich haben,
um einen tanzenden Stern zu gebären.
Nietzsche.

Пусть Хаосъ хохочетъ и пляшетъ во мнѣ,
Тотъ хохотъ пророчитъ звѣзду въ вышинѣ.
Кто любитъ стремительность пѣнной волны,
Тотъ можетъ увидѣть жемчужные сны.

Кто въ сердцѣ лелѣетъ восторгъ и бѣду,
Тотъ новую выброситъ Міру звѣзду.
Кто любитъ разорванность пляшущихъ водъ,
Тотъ знаетъ, какъ Хаосъ красиво поетъ.

О, звѣзды морскія, кружитесь во мнѣ,
Смѣшинки, рождайтесь въ разсыпчатомъ снѣ.
Потопимъ добро грузовыхъ кораблей,
И будемъ смѣяться надъ страхомъ людей.

Красивы глаза у тоскующихъ вдовъ,
Красиво рожденіе новыхъ цвѣтовъ.
И жизни оборванной бѣлую нить
Красиво румяной зарей оттѣнить.

Пусть волны смѣняются новой волной,
Я знаю, что будетъ чередъ и за мной.
И въ смѣхѣ, и въ страхѣ есть очередь мнѣ,
Кружитесь, смѣшинки, въ мерцающемъ снѣ.

СКРИПКА.

Скрипку слушалъ я вчера
О, какъ звонко трепетала,
Человѣчески рыдала
Эта тонкая игра.

Въ нарастающемъ ручьѣ,
Убѣдительномъ, разливномъ,
Такъ мучительно-призывномъ,
Духъ подобенъ былъ змѣѣ.

Брилліантовой змѣей
Развернулъ свои онъ звенья,
Вовлекалъ въ свои мученья,
И владѣлъ моей душой.

И пока онъ пѣлъ и пѣлъ,
Увидалъ я, лунно-сонный,
Какъ двойникъ мой озаренный
Отошелъ въ иной предѣлъ.

Былъ онъ въ морѣ бѣлыхъ розъ,
Съ кѣмъ-то бѣлымъ тамъ встрѣчался,
Съ яркимъ звукомъ оборвался,
И вернулся въ брызгахъ слезъ.

МЫСЛИ СЕРДЦА.

Умъ и золото хорошо, хорошо
Пѣсня игровая.

Золото лучистое я въ сказку хороню,
Серебро сквозистое пріобщаю къ дню.

Золото досталось мнѣ отъ Солнца, съ вышины,
Серебро—отъ матовой молодой Луны.

Пѣснь моя—разливная, цвѣтутъ кругомъ луга,
Сказку-пѣснь убралъ я всю въ скатны жемчуга.

Жемчугъ тотъ—изъ частыхъ звѣздъ, звѣздъ и слезъ людскихъ,
Мысли сердца—берега, сердце—звонкій стихъ.

ВЗВОДЕНЬ.

Взводень, бурное волненье,
Бѣломорскій вѣтеръ всталъ,
Волны взвелъ, затѣялъ пѣнье,
Загудѣлъ, зарокоталъ.

И волну на морѣ Бѣломъ
Въ валъ косматый превратилъ,
Въ торжествѣ освирѣпѣломъ
Взводитъ стаю водныхъ силъ.

Строитъ городъ многостѣнный,
Въ каждой каплѣ быстрый глазъ,
Взводень сталъ—и съ шумомъ, пѣнный,
Своды рушилъ, веселясь.

ХМѢЛЬ.

Я рѣшилъ своимъ весельемъ
Разрушать чужую грусть.
Вы, объятые похмѣльемъ,
Я васъ знаю наизусть.

Ваши дѣды были пьяны
Властнымъ хмѣлемъ смѣлыхъ грезъ,
Знали сказочныя страны,
Счастье имъ не разъ зажглось.

Счастье имъ всегда свѣтило,
Не гнела ихъ мысли мгла,
Оттого, что въ сердцѣ сила
Не подавлена была.

Вы же, въ хмѣлѣ видя зелье,
Видя въ грезахъ только ядъ,
Скучнымъ обликомъ похмѣлья
Заслонили вешній садъ.

Садъ смѣялся вамъ цвѣтами,
Здѣсь мы каждый мигъ въ саду,
Но кошмаръ владѣетъ вами,
Въ утомительномъ бреду.

Вы замкнули сердце въ клѣткѣ,
И дивитесь—нѣтъ цвѣтовъ,
Листъ сухой на мертвой вѣткѣ—
Символъ пасмурныхъ умовъ.

Мнѣ-то что! Я хмѣль веселый.
Мнѣ-то что! Я вьюсь и вьюсь.
Вкругъ меня мелькаютъ пчелы,
Съ каждой сокомъ я дѣлюсь.

Зыбко свѣтятъ крылья-краски
Мотыльковъ и пестрыхъ мухъ,
Нѣжный вѣтеръ шепчетъ сказки,
Пѣсней ласки входитъ въ слухъ.

Эй вы, хмурые, идите,
Ужь и васъ развеселю,
Хмѣль прядетъ цвѣтныя нити,
Всѣхъ пьяню я, все люблю.

ЦАРЬ—ЦАРЮ.

Царь царю послалъ подарокъ,
И сказалъ черезъ посла:
Край твой дальній пышно-жарокъ,
Мощь твоя свѣтла.

Я же—Сѣвернаго края
Бранно-льдяный властелинъ.
Буду—данникъ, только зная
Свѣтъ снѣговъ и льдинъ.

Даръ его былъ мѣхъ богатый,
Бѣлый царскій горностай,
Три копья, и шлемъ крылатый,
Брату, въ Южный край.

Счастливъ былъ властитель Южный
Слышать слово, видѣть даръ,
Въ ожерелье, въ кругъ жемчужный
Вдѣлалъ символъ чаръ.

Круговой изломъ рубина
Вдѣлалъ въ жемчугъ круговой:—
Два насъ, въ мірѣ, властелина,
Двое мы съ тобой.

Отослалъ онъ, благодарный,
Ожерелье въ царство льдовъ,
Въ дивный край луны полярной,
Царственныхъ снѣговъ.

И свершилося съ царями
Чарованье силъ иныхъ.
Южный край покрылся льдами,
Говоръ въ немъ затихъ.

Словно копья—льдовъ изломы,
Южный край воздушно-нѣмъ.
Стынутъ царскія хоромы,
Свѣтитъ царскій шлемъ.

Между тѣмъ, какъ камень красный,
Всталъ на Сѣверѣ закатъ,
Весь—живой, цвѣточно-страстный,
Всталъ, какъ пышный садъ.

И подъ облакомъ жемчужнымъ
Стынетъ тамъ другой одинъ,
Духъ полярный съ сердцемъ Южнымъ,
Царь свѣтящихъ льдинъ.

СТИХЪ ВѢНЧАЛЬНЫЙ.

Я съ мечтою обручился и вѣнчальный стихъ пою,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

Сладко грезѣ свѣтлой спится далеко отъ тьмы земной,
Тамъ, гдѣ звѣздный кустъ огнится многоцвѣтной пеленой.

Кустъ восходитъ, возростаетъ, обнимаетъ всѣ міры,
Слышны пѣсни отъ равнины, слышны громы отъ горы.

Жаръ-цвѣты и цвѣтъ-узоры смотрятъ внизъ съ вѣтвей куста,
Свѣтомъ помыслы одѣты, въ звѣздныхъ ризахъ Красота.

Брилліантовою пылью осыпается жаръ-цвѣтъ,
Манитъ душу къ изобилью сказка огненныхъ примѣтъ.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющъ, змѣись по Бытію,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

ЦВѢТНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ.

Мы недаромъ повстрѣчались въ грозовую ночь,
И дождались, чтобы сумракъ удалился прочь.
Мы сумѣемъ, какъ сумѣли, быть всегда вдвоемъ,
И въ разлукѣ будемъ вмѣстѣ въ яркомъ снѣ своемъ.

Мы сплетемъ, одинъ къ другому, серебристый мостъ,
Мы отъ Запада къ Востоку бросимъ брызги звѣздъ.
Мы надъ Моремъ, полнымъ темныхъ вражескихъ чудесъ,
Перебросимъ семицвѣтно радугу Небесъ.

Мы расцвѣтшими цвѣтами поглядимъ въ лазурь,
И лазурь дохнетъ отвѣтно дуновеньемъ бурь.
Мы красиво уберемся въ брилліанты грозъ,
Хороши цвѣтные камни въ темнотѣ волосъ.

БЛЕСТЯЩІЯ МУХИ.

Сколько блестящихъ мухъ
Въ нашемъ зеленомъ саду!
Радость—Весна. Я счастливый иду.
Повсюду медвяно-жасминный духъ.

Лучше что есть ли, чѣмъ цвѣтъ?
Есть ли что лучше, чѣмъ травы?
Травы—въ цвѣту! Знаю, бѣсы лукавы,
Но, при лукавствѣ, въ Аду—этого счастія нѣтъ.

МОЙ ДОМЪ.

Я себѣ построилъ домъ посреди дубравы.
Посадилъ вокругъ него шелковыя травы.
И серебрянымъ его окружилъ я тыномъ.
И живу теперь я въ немъ полнымъ властелиномъ.

Въ этомъ домѣ—терема, не одинъ, четыре.
Въ этомъ домѣ свѣтъ и тьма радостнѣй, чѣмъ въ мірѣ.
Свѣтитъ солнце съ потолка, за день не сгораетъ.
Мѣсяцъ съ звѣздами въ ночахъ серебромъ играетъ.

И когда я изъ окна брошу взоръ къ пустынямъ,
Въ небѣ свѣтится Луна, Солнце въ морѣ синемъ.
Свѣтятъ міру, но порой трауръ ткутъ имъ тучи.
А въ моемъ дому они безъ конца горючи.

И ворота у меня безъ замковъ желѣзныхъ,
Но закрыты какъ врата областей надзвѣздныхъ.
Лѣто, Осень, и Зима, съ нѣжною Весною,
Говорятъ душѣ: „Люби. Хорошо со мною".

Лѣто, Осень, и Зима смотрятся въ оконца.
Безъ конца поетъ Весна, что хмѣльное Солнце.
Нѣжно, шелково шуршатъ шепчущія травы.
Хорошо построить домъ въ тишинѣ дубравы.

ТРАВА-ХВАЛИХА.

Трава-Хвалиха взрощена пустыней,
Четыре цвѣта есть на ней,
Багряно-красный цвѣтъ, зеленый, черный, синій,
Четыре пламени огней.

Сорви ее, какъ будешь чистъ душою,
Четверократно ты поймешь,
Что можно, какъ своей, жить радостью чужою,
И правду расцвѣтить, какъ ложь.

Хвалить восторгъ, и восхвалить усталость,
За яркимъ раемъ жаркій адъ,
Понять, что въ бархатъ тьмы красиво входитъ алость,
Что Небо и Земля—горятъ.

СЕМИЦВѢТНЫЙ МОСТЪ.

Расцвѣла на дальнемъ небѣ Радуга-цвѣтокъ.
Семицвѣтный мостъ оперся о земной потокъ.

Красный, желтый, и зеленый, разные цвѣта.
Фіолетовый, и синій, углится мечта.

Только углится не мракомъ, золотымъ огнемъ.
Каждой краскѣ повелѣла быть въ недѣлѣ днемъ.

Макъ и розы въ понедѣльникъ, а во вторникъ ленъ,
Въ среду лютикъ, всю недѣлю разноцвѣтный сонъ.

Въ воскресенье полноцвѣтность всѣхъ семи цвѣтовъ,
Чтобы поясъ для недѣли былъ сполна готовъ.

Чтобъ одна къ другой недѣля яркая пошла,
Чтобы, съ мѣсяцемъ вѣнчаясь, вся была свѣтла.

Чтобы мѣсяцы, женившись на недѣляхъ тѣхъ,
Самоцвѣтными камнями разсыпали смѣхъ.

Чтобъ, собравшись какъ двѣнадцать, спѣлъ ихъ хороводъ:
„Полночь Года! Съ Новымъ Счастьемъ! Новый Годъ идетъ!“

БѢЛАЯ ПАННА.

Бѣлая панна гуляла по Небу, сѣяла тамъ маргаритки,
Свѣтлыя тучки кругомъ завивались въ длинные бѣлые свитки.

Бѣлая панна протяжнымъ напѣвомъ вызвала гроздья сирени,
Бѣлой сирени вкругъ бѣлыхъ балконовъ, въ замкѣ, гдѣ бѣлы
ступени.

Вишенье млѣло, цвѣты осыпались, новые нѣжно блестѣли,
Бѣлыя сосны высоко вздымались, бѣлыя пышныя ели.

Заячьимъ пухомъ убрались дорожки сада и частаго бора,
Заячьи уши мелькали межь вѣтокъ, въ матовыхъ сцѣпкахъ узора.

Лебеди стаей сбирались, кружились, бѣлымъ сіяньемъ свѣтили,
Съ Бѣлою панной играли, рѣзвились, лили ей отсвѣты крылій.

Бѣлая панна взяла одуванчикъ, всѣ разлетѣлись пушинки,
Дѣти земныя окутались въ иней, звѣздно плясали снѣжинки.

СОЛНЦЕ.

Солнце—всемірное пламя,
Окно небесныхъ пировъ,
Круговое желтое знамя,
Надъ битвой и пляской міровъ.

Солнце—яркая чаша,
Зеркало дружныхъ свѣтилъ,
Радость и молодость наша,
Зелень стеблей изъ могилъ.

Солнце—кружащійся геній,
Учащій ликомъ своимъ,
Пьяность звѣрей и растеній,
Рдяность и пьяность сквозь дымъ.

СЪ ВЫСОКОЙ БАШНИ.

Съ высокой башни
На міръ гляжу я.
Съ желѣзной башни
За нимъ слѣжу я.
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Кругомъ бушуя.

Что̀ мигъ текущій,
Что̀ день вчерашній,
Что̀ вихрь бѣгущій,
Какъ звѣрь, надъ пашней.
Бѣгущій мимо,
Неуловимо,
Какъ гроздья дыма,
Вкругъ стройной башни.

На міръ всегдашній,
Свѣтло гляжу я.
Съ высокой башни
За нимъ слѣжу я.
И злится Вѣтеръ,
Кружится Вѣтеръ,
И мчится Вѣтеръ,
Кругомъ бушуя.

ВЪ ЯРКИХЪ БРЫЗГАХЪ.

То, въ чемъ страхъ для васъ,
Вѣчно-близко мнѣ.
Я—Змѣиный глазъ,
Я горю въ Огнѣ.

Я—Перистый змѣй,
Изумрудный сонь,
Я—Волшебный Фей,
Мнѣ мой смѣхъ—законъ.

Захочу чего,—
Вотъ оно ужь тутъ,
Вотъ я мчу его,
На крылахъ минутъ.

На огнѣ минутъ,
Въ брызгахъ яркихъ словъ.
Хорошо цвѣтутъ
Опьяненья сновъ.

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ.

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ.

Podczas Zielonych Świątek...
Przybyszewsky.

Уйдемте подъ тѣнь,—
О, панны! О, панны!—и будемъ играть въ поцѣлуйныя прятки.
У Поляковъ Троицынъ день
Зовется Зеленые Святки.
Уйдемте подъ свѣжую тѣнь, поцѣлуи подъ тѣнью такъ сладки.

О, лѣсъ, ты насъ тайной одѣнь!
За вѣтками вѣтки, прогалины, глуби, лѣсныя загадки.
То, панны, вашъ день,
Не бѣлые, нѣтъ, изумрудные Святки.
Уйдемте въ мгновеньяхъ подъ вѣчную тѣнь, поцѣлуи подъ тѣнью
такъ сладки.

ПЕРВОВѢСТЬ.

Ты помнишь, въ нѣжной ясности,
Равнины, въ ихъ безгласности,
И весь сквозистый лѣсъ,
Тоскующій, и чующій,
Что вотъ, тепломъ чарующій,
Ужь близокъ часъ чудесъ.

Все было въ ожиданіи,
И въ утреннемъ мечтаніи,
И пахло такъ землей,
Еще вчера оснѣженной,
Сегодня же разнѣженной
Фіалковой мечтой.

НА ГРАНИ.

Блаженно, ставъ на грань предѣла,
Не жаждать больше ничего.
Ты такъ красиво опьянѣла
Отъ приближенья моего.

Сейчасъ послѣдняя завѣса
Совсѣмъ растаетъ между насъ.
О, какъ красиво въ храмѣ лѣса,
Неповторяемости часъ!

СВѢТЛОЕ—ТЕМНОЕ.

Свѣтлое платье на темной подкладкѣ
Было надѣто на ней.
Сталъ я играть съ ней въ загадки и въ прятки,
Между расцвѣтами дней.

Сталъ я играть съ ней подъ куполомъ Ночи,
Звѣзды слагались въ цвѣты.
Бездна возникла живыхъ средоточій,
Яркихъ среди черноты.

Сказки слагались, и страшны, и сладки,
Съ каждой минутой страшнѣй,
Бѣлое платье на темной подкладкѣ
Было такъ тѣсно на ней.

ТРИ МОЛОТА.

Несетъ кузнецъ три молота.
Святочная пѣсня.

Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ золотой,
Чтобъ жизнь мнѣ свѣтила по самый конецъ,
И была бы всегда молодой.

Изъ остатковъ, кузнецъ, скуй мнѣ перстень златъ,
Скуй мнѣ перстень златъ поскорѣй,
Чтобы, къ счастью пойдя, не пришелъ я назадъ,
Къ пустырямъ тѣхъ изношенныхъ дней.

Изъ обрѣзковъ ты скуй золотую иглу,
Золотую иглу ты мнѣ скуй,
Чтобы вышилъ я въ ткани мірской, тамъ въ углу,
Вѣкъ горящій, одинъ поцѣлуй.

ЛАДА.

Ко мнѣ пришла
Богиня Лада.
Нѣжна, свѣтла,
Она была,
Какъ предразсвѣтная прохлада.

Я цѣловалъ,
Твердя: „О, Лада!"
Я ей давалъ
Любви фіалъ,
Она шепнула мнѣ: „Не надо!"

Но день алѣлъ,
Какъ розы сада.
И сталъ я смѣлъ,
Любилъ, горѣлъ,
И стала розовою Лада.

И понялъ я.
Что̀ есть услада.
„Моя! Моя!“
„—О, ты змѣя!“
Шепнула мнѣ, слабѣя, Лада.

ПРАЗДНИКЪ ВЕРБЫ.

Уже распались куколки,
Ихъ бабочки прожгли.
Пушистыя распуколки
На вербахъ зацвѣли.

Предъ Вербнымъ воскресеніемъ,
Всѣхъ тѣхъ, кто молодой,
Съ усмѣшками, и съ пѣніемъ,
Обрызгали водой.

Водою обливали ихъ:
Пусть свѣжей будетъ грудь.
И вербой ударяли ихъ:
Какъ верба нѣжнымъ будь.

Втыкали вербу малую
За образа, въ углахъ,
Чтобъ силой смертно-алою
Не всталъ пожаръ въ домахъ.

Свѣти намъ, радость здѣшняя,
Цвѣты, земля, вода.
Цвѣти намъ, верба вешняя,
Цвѣти съ Весной всегда.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

На что-жь тебѣ любъ-трава?
— Чтобы дѣвушки любили.
Народная пѣсня.

На опушкѣ, вдоль межи,
Ты, душа, поворожи.
Лѣсъ и поле осмотри,
Три цвѣтка скорѣй бери.

Завязавши три узла,
Вижу я: Заря—свѣтла.
И срываю я цвѣтокъ,
Первый, синій василекъ.

И тая въ душѣ завѣтъ,
Я срываю маковъ цвѣтъ.
И твердя любви слова,
Вижу третій: любъ-трава.

Вижу, вижу, и зову:—
Сердце, рви же любъ-траву.
Но душа едва жива:
Опьянила любъ-трава.

Всѣ цвѣты я рвалъ, спѣша,
И смѣла была душа.
Только тутъ минуту длю:—
Слишкомъ любъ-траву люблю.

Какъ сорвалъ я василекъ,
Было просто невдомекъ.
И не спрашивалъ я, нѣтъ,
Какъ сорвать мнѣ маковъ цвѣтъ.

А ужь эту любъ-траву
Какъ же, какъ же я сорву?
Сердце, знакъ! Отдай скорѣй
Любъ-траву—любви моей!

ВОЗДУШНОСТЬ.

Воздушность. Нѣсколько цвѣтковъ,
Знакомыхъ, полевыхъ,
Изъ тайныхъ, въ сердцѣ, родниковъ
На волю манятъ стихъ.

Цвѣтокъ склоняется къ цвѣтку,
И стебель къ травкѣ льнетъ.
— Куда тебя я завлеку? —
Цвѣтокъ цвѣтку поетъ.

О, сердце, только ты поймешь
Безмолвный разговоръ.
Куда меня ты увлечешь?
Въ неволю? На просторъ?

ЛѢТНІЙ СНѢГЪ.

Послала меня, послала любезная свекровь,
За зимнею весной, за лѣтнимъ снѣгомъ.
ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ.

Послалъ меня, отправилъ причудникъ-чародѣй,
Онъ задалъ мнѣ задачу, чтобъ мнѣ погибнуть съ ней.

— Ступай, сказалъ волшебникъ, за зимнею весной,
Еще за лѣтнимъ снѣгомъ—не то бѣда со мной.—

Смущенная, пошла я, куда глаза глядятъ,
И, чу, запѣли птицы, и травы шелестятъ.

— Иди на берегъ Моря, иди въ зеленый лѣсъ.
Они научатъ душу наукою чудесъ.

Въ лѣсу увидишь въ вешнемъ зеленую сосну,
На лѣтнемъ Морѣ вѣщемъ вспѣненную волну.

Сломивши вѣтку хвои, ты зачерпни рукой
Пригоршню снѣжной пѣны, снѣжистости морской. —

Какъ птицы мнѣ пропѣли, какъ молвили цвѣты,
Я сдѣлала, вернулась. Ну, гдѣ, волшебникъ, ты?

Ты дѣвушку встревожилъ, но побѣжденъ ты мной.
Я—здѣсь, я—съ лѣтнимъ снѣгомъ и съ зимнею весной.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Красная Горка. Парни и дѣвицы
Другъ друга обливаютъ водою ключевой.
Липки березки. Хмѣльныя въ небѣ птицы.
Звонъ разливается влагою живой.

Красная Горка радостей Пасхальныхъ,
Брызги веселья и влажностей живыхъ,
Свѣтлыя встрѣчи взглядовъ обручальныхъ,
Съ Неба на Землю— въ лучахъ идущій стихъ.

Красная Горка, таинство мгновеній,
Праздникъ причастья Солнца и Воды,
Розовымъ цвѣтомъ утро обновленій
Празднуетъ силу смарагдовой Звѣзды.

ЖЕМЧУЖИНѢ.

Жемчужное видѣнье,
Избранница мечты,
Ты примешь пѣснопѣнье,
Возьмешь мои цвѣты?

Въ нихъ нѣтъ гвоздикъ тревожныхъ,
Въ нихъ нѣтъ пьянящихъ розъ,
Моленій невозможныхъ,
Въ словахъ укрытыхъ слезъ.

Тебѣ лишь тонкій свитокъ,
Тебѣ, моей красѣ,
Весеннихъ маргаритокъ,
И ландышей въ росѣ.

Въ нихъ тоже опьяненье,
И въ нихъ влюбленность есть.
Жемчужное видѣнье,
Путей любви не счесть.

Но, если сонъ твой станутъ
Пьянить мои цвѣты,
Ихъ ѣдохи не обманутъ.—
Скажи, вѣдь вѣришь ты?

ЦАРЕВНА-НЕДОТРОГА.

Царевна-Недотрога,
Скажите, ради Бога,
Чѣмъ такъ я вамъ не любъ?
Зачѣмъ себя гнѣвите,
Зачѣмъ вы такъ кривите
Кораллы нѣжныхъ губъ?

Царевна-Недотрога,
Трудна была дорога,
Я все-жь ее прошелъ.
И кустъ былъ весь тернистый,
Когда съ зарею мглистой
Шиповникъ вашъ расцвѣлъ.

Царевна-Недотрога,
У Змѣя у Зловрога
Весьма былъ лютый взглядъ.
Я все же изловчился,
Съ побѣдой воротился,
Съ цвѣткомъ пришелъ назадъ.

Царевна-Недотрога,
Скажите-жь, ради Бога,
Когда я буду любъ?
Иль вновь — шиповникъ острый,
Вновь—Змѣй, и злой, и пестрый,
Передъ кораллomъ губъ?

РОСА.

ЗАГАДКА.

Заря-заряница,
Красная дѣвица,
Къ церкви ходила,
Ключи обронила,
Мѣсяцъ увидѣлъ,
Солнце скрало.

Заря-заряница,
Красная дѣвица,
Къ людямъ ходила,
Алмазъ уронила,

Умъ засмѣялся,
Сердце рыдало.

Заря-заряница,
Красная дѣвица,
Умъ разлюбила,
Сердце озарила,
Сердце и свѣтится,
Бьется такъ ало.

ОНЪ МНѢ СНИЛСЯ.

Онъ мнѣ снился призракомъ долгіе года,
Я ждала избранника, я ждала всегда.
Я не видя помнила, вѣрила въ него,
Не могла не слушаться сердца моего.

Свѣтлая, холодная, думала всегда,
Какъ о Солнцѣ думаетъ подо льдомъ вода.
Онъ смутилъ мнѣ дѣвичьи тающіе сны,
Онъ дышалъ мнѣ воздухомъ лѣта и весны.

И пришелъ невѣдомый, близко сталъ ко мнѣ,
Я была какъ облачко въ солнечномъ огнѣ.
Онъ взглянулъ такъ пристально, онъ вздохнулъ едва,
Говорилъ мнѣ ласково стыдныя слова.

Я не видя помнила, свѣтлаго, его,
И душа не вспомнила больше ничего.
Чѣмъ при немъ исполнилась вся душа моя,
Что онъ сдѣлалъ съ дѣвушкой—ахъ, не знаю я!

РОЗА-ШИПОВНИКЪ.

ЗАГАДКА.

Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе,
Ужь не древо ли райское ты?
Древле данное намъ,
И отобранное,
Чтобъ намъ жаждать всегда Красоты?

Вѣрно, это и есть
Изъясненье того,
Что всѣ женщины любятъ тебя?
Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе
Тянутъ къ намъ, насъ любя, насъ любя!

ЮНОЙ КУБАНКѢ.

Когда я близъ тебя, мнѣ чудится Египетъ,
Вотъ ночи Африки звѣздятся въ вышинѣ.
Такъ предвѣщательно и такъ тревожно мнѣ,
Фіалъ любви еще не выпитъ.

Еще касался я такъ мало черныхъ глазъ,
И ночь твоихъ волосъ я разметать не смѣю.
Я дамъ тебѣ вѣка, царица, будь моею,
Смотри, Вселенная—для насъ!

ТЫ ДАЛЕКО.

Ты далеко, но говоришь со мной,
Въ чужихъ краяхъ, но мы съ тобою близки.
Такъ не сумѣетъ, въ часъ ночной,
Арабъ быть близкимъ къ одалискѣ.

Цвѣточный сонъ! Кто тамъ идетъ, спѣша?
Какая мысль меня сейчасъ волнуетъ!
Твоя освобожденная душа
Меня цѣлуетъ.

МУХА.

ЗАГАДКА.

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ,
Куда летитъ, зачѣмъ живетъ.
Звенитъ для слуха,
Всегда старуха,
Всегда ей первый для жизни годъ.

Легко порхаетъ,
Жужжитъ, не знаетъ,
Что такъ внималъ ей—Фараонъ.
И будетъ виться,
И такъ кружиться
На тризнѣ крайней—всѣхъ, всѣхъ временъ.

СОЛНЕЧНИКЪ.

Іюнь, Іюль, и Августъ—три мѣсяца мои,
Я въ пьянственности Солнца, среди родной семьи.

Среди стеблей, деревьевъ, колосьевъ, и цвѣтовъ,
Въ незнаніи полнѣйшемъ, что есть возможность льдовъ.

Въ прозрачности Апрѣля, влюбленный въ ласки Лель,
Для пѣсни сладкогласной измыслилъ я свирѣль.

Я съ Ладой забавлялся во весь цвѣтистый Май,
Къ Іюньскимъ изумрудамъ ушелъ—и спѣлъ: „Прощай".

И Лада затерялась, но долго межъ вѣтвей
Кукушка куковала о нѣжности моей.

Но жалобы—въ возвратность вернутъ ли бѣглеца?
И жаворонки Солнца звенѣли безъ конца.

Заслушавшись ихъ пѣсенъ, Іюнь я промечталъ,
Очнулся лишь, замѣтивъ какой-то цвѣтикъ алъ.

Гляжу—ну, да, гвоздики Іюльскія цвѣтутъ,
Багряностью покрылся Іюньскій изумрудъ.

И межь колосьевъ желтыхъ зардѣлись огоньки,
То пламенные маки, и съ ними васильки.

Тепло такъ было, жарко, высокъ былъ небосводъ.
Ну, кто это сказалъ мнѣ, что есть на свѣтѣ ледъ?

Не можетъ быть, безумно, о, цвѣтики, зачѣмъ?
Въ цвѣтеньи и влюбленьи такъ лучезарно всѣмъ.

Цвѣтетъ Земля и Небо, поетъ Любовь, горя,
И я съ своей свирѣлью дождался Сентября.

Онъ золотомъ вѣнчаетъ, качаетъ онъ листы,
Качая, расцвѣчаетъ, баюкаетъ мечты.

И спать мнѣ захотѣлось, альковъ мой—небосклонъ,
Я тихо погружаюсь въ свой золотистый сонъ.

Какъ дѣвушки снимаютъ предъ сномъ цвѣтистость бусъ,
Я цвѣтиковъ касаюсь: „Я снова къ вамъ вернусь“.

Іюнь, Іюль, и Августъ, я въ сладкомъ забытьи.
Прощайте—до Апрѣля—любимые мои.

ИСКРА.

Искры малой, но горящей
Ты не угашай:—
Можетъ, вспыхнетъ свѣтъ блестящій,
Разгорится цѣлый Рай.

Весь вѣдь Міръ нашъ созданъ, звѣздный,
Просто такъ, изъ Ничего.
Такъ смотри, не будь морозной,
Свѣтъ хорошъ, люби его.

КУПАЛЬНИЦЫ.

Кто былъ Иванъ Купала,
Я многихъ вопрошала,
Но люди знаютъ мало,
И какъ тому помочь.
Кто былъ онъ, мнѣ безвѣстно,
Но жилъ онъ здѣсь тѣлесно,
И если сердцу тѣсно,
Иди на волю, въ ночь.

О, въ полночь на Ивана
Купалу сердце пьяно,
Душѣ тутъ нѣтъ изъяна,
А прибыль красоты.
Живымъ въ ту ночь не спится,
И кладъ имъ золотится,
И папороть звѣздится,
Горятъ, змѣясь, цвѣты.

Мы дѣвушки съ глазами,
Горящими какъ въ храмѣ,
Мы съ жадными губами,
Съ волнистостью волосъ.
Дома покинувъ наши,
Въ лѣсу мы вдвое краше,
Цвѣты раскрыли чаши,
И сердце въ насъ зажглось.

По чащѣ мы блуждали,
Какъ дѣти, безъ печали,
Мы травы собирали,
И былъ душистъ ихъ рой.
Въ стихійномъ очищеньи,
И въ огненномъ крещеньи,
Пропѣли мы въ смущеньи
Напѣвъ завѣтный свой.

Ту пѣснь съ напѣвомъ пьянымъ
Припоминать нельзя намъ,
Да будетъ скрытъ туманомъ
Тотъ свѣтъ, что свѣтитъ разъ.
Но мы, какъ травы, знаемъ,
Чѣмъ умъ мы опьяняемъ,
И каждый бредитъ раемъ
При видѣ нашихъ глазъ.

ХВАЛИТЕ.

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжныя нити,
Крути златоцвѣтность—и вновь,

Отъ сердца до сердца, до Моря, до Солнца, отъ Солнца до мглы
отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
Сплетенья вліяній, воздушныя струны, протяжность хораловъ,
ритмическій мостъ,
Изъ точки—планеты, изъ искры—пожары,
Цвѣты и расцвѣты, отвѣтныя чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встрѣчаясь,
И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свѣчась, расцвѣчаясь, поющая кровь
Всемірно проводитъ путистыя нити,
Хвалите же Вѣчность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ПРЕЛОМЛЕНІЕ.

ПРЕЛОМЛЕНЬЕ ДНЯ.

Во мнѣ стихи поютъ—на преломленьи дня,
Когда блестящій Шаръ начнетъ къ морямъ спускаться.
Тогда стихи звучатъ, преслѣдуютъ меня,
Какъ пчелы лѣтнія, жужжатъ, звенятъ, роятся.

О, полнопѣвный рой! Сюда ко мнѣ, сюда!
Готово мѣсто вамъ, гирлянды строкъ крылатыхъ.
Уже зенитъ пройденъ, свѣтлѣй въ моряхъ вода,
Уже надмірный Дискъ скользитъ въ воздушныхъ скатахъ.

Вотъ новый улей вамъ, любовники цвѣтовъ,
Устройте соты здѣсь всѣмъ множествомъ безсоннымъ.
Чтобъ въ зимнихъ сумеркахъ, подъ дикій свистъ вѣтровъ,
Я усладиться могъ тѣмъ медомъ благовоннымъ.

ТЕРЕМЪ МІРА.

Каждый цвѣтокъ есть цвѣтистая планета,
Каждое растенье—зеленая звѣзда,
Въ горницахъ зимнихъ Весны няньчатъ Лѣто,
Горы—неземные, хоть земные—города.
Тучи—узоры водныхъ размышленій,
Облачко—греза луннаго луча,
Теремъ намъ дивный далъ Вселенскій Геній,
Только отъ двери не далъ намъ ключа.

РОДНОЕ.

Аллеи рѣкъ. Зеркальности озеръ.
Хрустальный ключъ. Безгласные затоны.
Живая сказка, страшный темный боръ.
Его вершинъ немолкнущіе звоны.

Воздушность ивъ. Цвѣты родныхъ полей.
Апрѣльскій сонъ съ его улыбкой Маю.
Я цѣлый міръ прошелъ въ мелькань дней,
Но лучше васъ я ничего не знаю.

БЫЛО,—БУДЕТЪ.

1.

У Осени въ саду, по золотымъ аллеямъ,
Мечтая, я бродилъ, въ сіяньи Сентября.
Я видѣлъ призраки, подобныя камеямъ,
На нихъ свѣтила мнѣ вечерняя заря.

Они мнѣ нравились, ихъ четкій профиль, взоры,
Гармонія всѣхъ чертъ, спокойствіе мечты.
И къ нимъ такъ стройно шли всѣ краски, всѣ узоры,
Въ воздушность кружева сплетенные листы.

Но счастья не было. Была одна умильность.
Красиво, но на всемъ безстрастія печать.
У Осени въ саду—зеркальная могильность.
И стали шепоты мнѣ душу вопрошать.

„Когда ты счастливъ былъ?“ шепнулъ мнѣ листъ, спадая.
„Когда ты счастливъ былъ?“спросила Тишина.
„Иди за мной! За мной!“ шепнула, улетая,
Видѣньемъ бывшая и въ Осени, Весна.

„Я счастливъ былъ, когда ты былъ слегка зеленымъ".
Промолвилъ я листу. И молвилъ Тишинѣ:—
„Я счастливъ былъ, когда скользилъ по свѣтлымъ склонамъ
„Моихъ безумствъ. Прощай!" И я ушелъ къ Веснѣ.

2.

„Былъ ли счастливъ ты когда?"
Забурливъ, заговорила
Мнѣ разливная вода.
„Былъ ли счастливъ ты когда?"
„Было, было, было, было".

Прожурчали мнѣ ручьи:—
„Жилъ ли ты когда, ликуя?"
„—Посмотри въ глаза мои.
„Знаю, знаю, въ забытьи,
„Знаю сладость поцѣлуя".

Все шепнуло мнѣ смѣясь:—
„Будетъ снова, если было.
„Не обманывай лишь насъ".
И вскричалъ я: „Въ добрый часъ".
„Было, было, было, было".

ДРАМЫ МІРА.

Всѣ драмы міра—на любви,
Или съ любовью слиты,
Всѣхъ скальдовъ міра позови,
И скажутъ:—Пѣснь живетъ въ крови,
Въ сердцахъ, что страстью взрыты. —

И если нѣжно я пою,
Мой другъ, не вѣрь чуду.
Я просто въ строки алость лью,
Мой другъ, чужую и свою: —
Я скальдъ, и скальдомъ буду.

ГОРОДЪ.

Сколько въ Городѣ дверей,—вы подумали объ этомъ?
Сколько оконъ въ высотѣ по ночамъ змѣится свѣтомъ!
Сколько зданій есть иныхъ, тяжкихъ, мрачныхъ, непреклонныхъ,
Однодверчатыхъ громадъ, ослѣпленно-безоконныхъ.
Склады множества вещей, въ жизни будто бы полезныхъ.
Убіеніе души—ликомъ стѣнъ, преградъ желѣзныхъ.
Удавленіе сердецъ—наклоненными надъ нами
Натѣсненьями камней, этажами, этажами.
Семиярусность гробовъ. Ты проходишь коридоромъ.
Предъ враждебностью дверей ты скользишь смущеннымъ воромъ.
Потому что ты одинъ. Потому что камни дышатъ.
А задверныя сердца каменѣютъ и не слышатъ.
Повернется въ дыркѣ ключъ—постучи—увидишь ясно,
Какъ способно быть лицо безподходно-безучастно.
Ты послушай, какъ шаги засмѣялись въ коридорѣ.
Здѣсь живые—сапоги, и безжизненность—во взорѣ.
Замыкайся ужъ и ты, и дыши дыханьемъ Дома.
Будетъ впредь и для тебя тайна комнаты знакома.
Стѣны лѣтопись ведутъ, и о петляхъ повѣствуютъ.
Окна—дьяволовъ глаза. Окна ночи ждутъ. Колдуютъ.

У МОРЯ.

Мы зависимъ отъ дней и ночей,
Отъ вещей, отъ людей, и погоды.
Мы въ разлукѣ съ душою своей,
Съ ней не видимся долгіе годы.

Мы бряцаемъ металломъ цѣпей,
Мы заходимъ подъ темные своды.
Мы изъ цѣлой Природы, изъ всей,
Взяли рабство, не взявши свободы.

Но приди лишь на влажный песокъ,
Освѣженный морскими волнами.
Посмотри, какъ просторъ здѣсь широкъ,
Какъ бездонно здѣсь Небо надъ нами.
Лишь услышь, чуть подслушай намекъ,
Набаюканный сердцу морями, —
Ты какъ духъ, ты окончилъ свой срокъ,
Ты какъ духъ надъ безбрежными снами.

Въ многопѣвности сказокъ морскихъ,
Въ безтѣлесности призрачной Влаги,
Гдѣ исподъ изначальностей тихъ,
Ни для чьей не доступенъ отваги, —
Въ отрѣшеньи отъ шумовъ людскихъ,
Какъ мы смѣлы здѣсь, вольны, и наги.
Ты здѣсь первый несозданный стихъ,
Изъ еще неразсказанной саги.

МОРСКОЕ.

Глыбы отдѣльныя скалъ, округленныя ласкою волнъ.
Влажность, на мигъ, голышей отъ волны, каждый мигъ набѣгающей.
Утлый, забытый, разбитый, но все не распавшійся челнъ.
Бѣлыя чайки на гребнѣ, надъ зыбью, тѣхъ чаекъ качающей.

Свѣтлыя дали воды, уводящія въ сказочность взоръ.
Волны, идущія къ намъ, но какъ будто бы насъ уносящія.
Шелесты, шорохъ песковъ, кругозорный, безмѣрный просторъ.
Зовы, узывы, напѣвы, пьянящіе, странно манящіе.

ПТИЦЫ.

Я сейчасъ летаю низко надъ землей,
Духъ заботъ вседневныхъ виснетъ надо мной.

Можно ль быть свободнымъ огненнымъ орломъ,
Если ты притянутъ этимъ тусклымъ днемъ?

Можно ль альбатросомъ вѣдать ширь морей,
Если ты окованъ тѣсностью своей?

Можно, о, возможно кондоромъ летать,
Если отрѣшенно будешь ты мечтать.

Можно, быть возможно птицею Стратимъ,
Разъ ты въ высшихъ числахъ, съ Солнцемъ, только съ нимъ.

ПУТЬ.

Какой же путь, какой же путь
Еще найти ты сможешь?
Быть можетъ, есть онъ гдѣ-нибудь?
И какъ сумѣешь ты вздохнуть,
И какъ себѣ поможешь?

Въ концѣ концовъ—лишь путь цвѣтка,
Лишь путь ребенка, птицы,
Межъ травъ полночныхъ—свѣтляка,
Свирѣльныхъ струй издалека,
Узорчатой зарницы.

СЧАСТЛИВЪ...

I ten szczęśliwy, kto padł wśród zawodu...
Ad. Mickiewicz.

Счастливъ, кто въ бѣгѣ упалъ,
Въ бѣгѣ до цѣли.
Такъ бѣлою пѣной увѣнчанный валъ
Разсыпается въ радостномъ хмѣлѣ.
Счастливъ, кто счастье узналъ устремленія къ цѣли.

Валъ разбѣжался, хмѣльной,
Кружевомъ бѣлымъ.
Прекрасенъ, кто къ жизни рожденъ глубиной,
И къ безвѣстнымъ стремится предѣламъ.
Счастливъ, кто счастье узналъ быть въ стремленіи смѣломъ.

МОРСКІЯ РОЗЫ.

Морскія розы—розы бѣлыя,
Они цвѣтутъ во время бурь,
Когда валы освирѣпѣлые
Морскую мучаютъ лазурь.

И бьютъ ее, взметаютъ съ грохотомъ,
И возмущаютъ ревомъ грозъ,
И возрощаютъ съ мертвымъ хохотомъ
Мгновенность пышныхъ бѣлыхъ розъ.

ПТИЦА МЕСТИ.

Если ты врага имѣешь,
Разъ захочешь, такъ убей,
Если можешь, если смѣешь.
Угоди душѣ своей.

Но замѣть, что въ крови красной —
Волхвованье: изъ нея,
Только брызнетъ, духъ неясный
Воскрылится—птицей—властной
Измѣнить въ тебѣ—твое.

Эта птица, вкругъ могилы
Умерщвленнаго врага,
Будетъ виться, станешь хилый,
Жизнь не будетъ дорога.
Трупъ сокроютъ, трупъ схоронятъ,
Птица будетъ пѣть и пѣть,
Крикъ ея въ тебѣ застонетъ,
Ты пойдешь, она нагонитъ,
Месть заставитъ—умереть.

ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ.

Пой, сестра, ну, пой, сестрица.
Почему жь ты не поешь?
Раньше ты была какъ птица.
— То, что было, не тревожь.

Какъ мнѣ пѣть? Какъ быть веселой?
Въ маломъ садикѣ бѣда,
Съ корнемъ вырванъ кустъ тяжелый,
Розъ не будетъ никогда.—

То не вѣтеръ ли повѣялъ?
Не Перкунъ ли прогремѣлъ? —
— Вѣтеръ? Нѣтъ, онъ легкимъ рѣялъ.
Богъ Перкунъ? Онъ добръ, хоть смѣлъ.

Это люди, люди съ Моря
Растоптали садикъ мой.
Міръ дѣвическій позоря,
Межь цвѣтовъ прошли чумой.

Разорили, исказнили
Алый цвѣтъ и бѣлый цвѣтъ.
Было много розъ и лилій,
Много было, больше нѣтъ.

Я сама, какъ ночь съ ночами,
Съ вѣчнымъ трепетомъ души,
Еле скрылась подъ вѣтвями
Ивы, плачущей въ тиши.

ЗАРЯ.

Королева Каралуни,
Надъ полянами Литвы,
Плачетъ въ мѣсяцѣ Іюнѣ,
Плачетъ съ ней листокъ травы.

А въ предѣлахъ Норги Фрея,
Плачетъ, глянувъ на утесъ,
И болотная лилея
Слѣдъ хранитъ златистыхъ слезъ.

И по всѣмъ-то странамъ разно
Плачетъ нѣжная Заря,
То жемчужно, то алмазно,
То въ сіяньяхъ янтаря.

То на быстромъ Свѣтлогривомъ,
Приносящемъ день, конѣ,
Пролетитъ она по нивамъ,
И дрожитъ слеза въ огнѣ.

А порою эта грива
Вся отъ инея бѣла,
Поглядишь—и какъ красиво,
Вонъ, роса вездѣ легла.

Отчего же это плачетъ
При началѣ дня Заря?
Конь ея зачѣмъ такъ скачетъ?
Это все ужели зря?

Я не знаю. Полагаю,
Тутъ ничѣмъ нельзя помочь.
Ибо Адъ приверженъ къ Раю,
И за Днемъ приходитъ Ночь.

ЖАЛОБА КЪ ЦВѢТКУ.

Цвѣтокъ, цвѣтокъ, ты весь—глазокъ,
Ты весь—красивый глазъ.
А мы глядимъ и вѣчно спимъ,
И видитъ ли кто насъ?

Цвѣтокъ, цвѣтокъ, ты весь—есть слухъ,
Ты весь—любовь, уста,
Ты—нѣжность губъ, ты—мысль, ты—духъ.
А намъ—лишь темнота?

Цвѣтокъ въ росѣ, ты—нѣжный глазъ,
Твою росу мы пьемъ.
А нашихъ глазъ нѣмой алмазъ
Сберетъ ли кто потомъ?

ВЛЮБЛЕННОСТЬ.

Кто влюбленъ, тотъ очарованъ,
Зачарованъ, опьяненъ,
Онъ не дѣвой заколдованъ,
Нѣтъ, не той, въ кого влюбленъ.
Онъ плѣненъ не той желанной,
Чьимъ губамъ пьянить дано,
Не доступной, не обманной
Сердце съ сердцемъ сплетено.

Мы приходимъ, мы уходимъ,
Говоримъ, и молча ждемъ,
Мы на Землю Небо сводимъ,
Мы идемъ своимъ путемъ.
Мы крылатымъ вьемся змѣемъ,
Мы полземъ въ пыли змѣей,
Но въ своемъ мы не умѣемъ
Сонъ лелѣять вправду свой.

Мы зрачки пьянимъ зрачками,
Всей душой въ глаза глядимъ,
Но не нами, о, не нами
Созданъ звѣздный Серафимъ.
Серафимъ? Быть можетъ, Дьяволъ?
Кто-то есть въ насъ, въ нашемъ Мы.
Бывшій въ Морѣ—въ Безднѣ плавалъ,
Но не смѣрилъ этимъ Тьмы.

ВѢРОЛОМНЫЙ.

То, что я отшвырнулъ съ облегченіемъ,
Ты бы принялъ съ великимъ желаніемъ.
Но, когда засмѣялся я пѣніемъ,
Разразился ты дикимъ рыданіемъ.

А она? Тѣмъ рыданьемъ напугана?
Этой силой страданія темнаго?
Или тѣмъ, что безпечнымъ поругана,
Что любила она вѣроломнаго?

Вѣроломны лишь тѣ, что съ красивыми
Смѣютъ—цѣпкою мглой быть объятыми.
Я какъ вѣтеръ промчался надъ нивами,
Вамъ—быть смятыми вѣтромъ, и сжатыми.

ИЗМѢНА БЕЗЪ ИЗМѢННИКА.

О, нѣтъ, я не измѣнникъ,
Красивыя мои.
Я былъ вамъ вѣрный плѣнникъ,
Я вашъ былъ, въ забытьи.

Но, ежели съ царицей
Я былъ и царь и рабъ,
Лечу я вольной птицей
Изъ царства скользкихъ жабъ.

Я былъ бы вѣчный плѣнникъ,
Всегда бъ склонялся ницъ,
Но медлитъ лишь измѣнникъ
Средь измѣненныхъ лицъ.

Но медлитъ лишь безсильный
Въ окованности дней,
Гдѣ путь простерся пыльный,
Гдѣ больше нѣтъ стеблей.

Я никогда не ленникъ
Нецарственныхъ царицъ,
И нѣтъ, я не измѣнникъ,
Я птица между птицъ.

ТЕРЕМНЫЙ УМЪ.

Тѣсный женскій умъ живетъ вѣчно въ терему,
Какъ ему не скучно тамъ, право, не пойму.

Я привольная волна, весь свой день бѣжалъ,
А коль берегъ наступилъ, умеръ пѣнный валъ.

Тѣсный женскій умъ, проснись, есть восторгъ ума,
При которомъ хороши даже терема.

Ты, проснувшись, въ яви спи, встанетъ валъ свѣтло,
Заблеститъ въ твоемъ окнѣ, какъ огонь, стекло.

Тѣсный женскій умъ, лк бп, есть восторгъ ума,
При которомъ хороши даже терема.

ОХОТНИКЪ.

Я охотникъ, я стрѣлокъ,
Я въ пути, и путь далекъ.
Долго я въ лѣсу плуталъ.
Полонъ мой ягташъ. Усталъ.

Отдохни, мое ружье.
Птица тамъ? Оставь ее.
Звѣри тамъ? Не тронь ихъ рой.
Пусть живутъ. Иди домой.

Ты болото миновалъ.
Выпей въ честь трясинъ бокалъ.
И въ трясинахъ есть краса,
Травы, жизни, голоса.

Не запуталъ ты души
Въ чащѣ, въ стонущей глуши.
Тамъ нашелъ—чего искалъ.
Выпей въ честь глуши бокалъ.

Дѣвъ лѣсныхъ заслыша зовъ,
Не свалился въ скользкій ровъ.
Похвала бѣсовскимъ рвамъ,
Зорокъ глазъ мой, слава вамъ.

Я натѣшился вполнѣ.
Путь далекъ, но видно мнѣ.
Вѣренъ былъ курокъ ружья.
Лѣсъ, прощай. Есть домъ—и я.

ДВОЙСТВЕННЫЙ ЧАСЪ.

Въ вечерней ясности молчанья
Какое тайное вліянье
Влечетъ мой духъ въ иной предѣлъ?
То часъ прощанья и свиданья,
То ангелъ звуковъ пролетѣлъ.

Весь гулъ оконченнаго пира
Отобразила арфа-лира
Преображенныхъ облаковъ.
Въ душѣ существъ, и въ безднахъ Міра,
Качнулись сонмы тайныхъ словъ.

И свѣтъ со тьмой, и тьма со свѣтомъ
Слились, какъ слита осень съ лѣтомъ,
Какъ слита съ воздухомъ вода.
И въ высотѣ, нѣмымъ привѣтомъ,
Зажглась Вечерняя Звѣзда.

ТРИ КОНЯ.

На трехъ коняхъ Властитель Солнца
Свершаетъ выѣздъ въ Иванозъ день.
И конь одинъ краснѣй червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третій конь весь бѣлый, бѣлый,
Какъ будто вылитъ изъ серебра.
Властитель Солнца, свѣтлый, смѣлый,
Свершаетъ выѣздъ.—„Въ путь. Пора".

Но чуть доѣдетъ до зенита,
Конь златокрасный горитъ—и палъ.
Властитель Дня хлестнетъ сердито
Тѣхъ двухъ—и дальше поскакалъ.

И конь-игрень онъ тоже красный,
Но съ бѣлой гривой, о, съ бѣлой онъ.
Онъ мчитъ, бѣжитъ, играетъ, страстный,
И палъ, и палъ на небосклонъ.

У бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь бѣлый остался конь.
На склонахъ яркаго заката
Горитъ пурпуровый огонь.

И виденъ въ тучахъ бѣлоснѣжныхъ
Конь смертно-блѣдный изъ серебра.
Властитель Солнца, въ снахъ безбрежныхъ,
Свершаетъ путь.—„Домой. Пора".

ОЖЕРЕЛЬЕ.

СТЕБЕЛЬ ПРИДОРОЖНЫЙ.

Тонкій колосъ нивъ не нашихъ,
Стебель придорожный,—
Словно пилъ въ нездѣшнихъ чашахъ,
Чаръ Египетскихъ отвѣдалъ, здѣсь тебя взростившій, геній,
Безтревожный,—
Такъ утонченно-спокойный, между дремлющихъ растеній,
Истонченный, нѣжно-стройный, вознесенный въ міръ видѣній,
Ты стоишь, въ воздушной грезѣ, на краю большой дороги,
Какъ созданье сновидѣній,
Какъ Египетскіе боги.

ЧЕРВОННЫЕ СВЯТКИ.

Святая Недѣля, Червонные Святки,
Тутъ Солнце—въ веселіи нашемъ сполна,
Даритъ намъ сіянье свое безъ оглядки,
А Ночи вѣщаетъ, молъ, ты не нужна.

Во все продолженье Пасхальной седмицы,
Какъ Солнце взошло, такъ не хочетъ зайти,
И долго поютъ намъ полдневныя птицы,
И долго хотятъ намъ всѣ травы цвѣсти.

ЗОЛОТАЯ ПАРЧА.

Золота парча развивается.
Святочная пѣсня.

Золотая парча развивается,
Кто-то въ путь въ дорогу сбирается.
Это мать ли моя, или милая?
Иль чужая старуха унылая?

Золотая парча развивается,
Путь-дорога въ лѣса означается.
То не милая, нѣтъ, не старуха, не мать,
Не хотятъ онѣ въ мірѣ, не могутъ гулять.

Золотая парча развивается,
Заколдованный замокъ вздымается.
Это мысли мои, это вольность мечты,
Ей доступны пути Красоты.

БОЖЬЯ.

Спросилъ я весеннюю божью коровку:
Зачѣмъ одѣваешься въ красную кровку?
Нарядъ у сестренки твоей—золотой.
Но малая божья рубинка молчала,
И двигала крылья, и ихъ расцвѣчала,
Раскрыла—и прочь отъ вопросовъ, домой.

ЗЕЛЕНЫЙ. КРАСНЫЙ, ЧЕРНЫЙ.

Зеленый, красный, черный цвѣтъ
Литовцы разно чтили.
Въ зеленомъ видѣли расцвѣтъ,
Блаженство изобилій.

Въ горѣньи краснаго—войну,
А въ черномъ—вѣдьму злую,
Что сонмы душъ ведетъ ко сну
Чрезъ язву моровую.

Я весь весна—вѣдь я поэтъ,
И я война—я раненъ,
Но въ трехъ цвѣтахъ лишь черный цвѣтъ,
Мнѣ черный цвѣтъ желаненъ.

ТРИ КАМНЯ.

„Я ихъ люблю обѣихъ“,
Съ тоскою я сказалъ.
„Я ихъ люблю обѣихъ“.
„— Твой умъ запутанъ въ змѣяхъ“,
Сказалъ мнѣ Камень Алъ.

„Но выбрать не могу я“,
„Хотя бы я посмѣлъ.
„Но выбрать не могу я“.
„— Тогда умри, тоскуя“,
Сказалъ мнѣ Камень Бѣлъ.

„Нѣтъ, міръ мнѣ—въ двухъ врагиняхъ.
„Два міра въ нихъ святынь,
„Весь міръ мнѣ въ двухъ врагиняхъ“.
„—Тогда живи въ пустыняхъ“,
Сказалъ мнѣ Камень Синь.

МОЛИТВА КЪ ЛУНѢ.

О, Луна, ты, взошедшая желтой и дымной надъ нами,
Посеребрившая послѣ свой вѣчно-колдующій кругъ,
Ты рождаешь тѣ звоны, которые слышимъ глазами.
Будь мнѣ другъ.

Я изъ вѣрныхъ твоихъ, изъ влюбленныхъ, въ любви блѣднолицыхъ,
Я подругу свою потерялъ за чертою пустынь,
Гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ. Ты ее на туманныхъ границахъ
Не покинь.

Мы сейчасъ—подъ тобой. Мы блуждаемъ и молимся розно.
Мой звенящій призывъ ты въ ней чарами свѣта зажги.
Приведи же ее. О, скорѣе! Покуда не поздно.
Помоги.

ТАЙНА ЖЕМЧУГОВЪ.

Если бъ ложью было то,
Что Морской есть Царь съ Царевной,
Въ нихъ не вѣрилъ бы никто,
Не возникъ бы міръ напѣвный.

Мы, однако же, поемъ,
Мы о нихъ слагаемъ сказки.
Отчего? На днѣ морскомъ
Мы извѣдали ихъ ласки.

Много разныхъ есть морей,
Но въ моряхъ одна Царевна.
Кто хоть разъ предсталъ предъ ней,
Рѣчь того навѣкъ напѣвна.

Но красивѣй всѣхъ поетъ
Тотъ, кто зналъ уста Прекрасной.
Только вотъ который годъ
Нѣтъ намъ пѣсни полногласной.

Можетъ, кто-то въ глубинѣ
Слишкомъ сильно полюбился?
Мы помолимся Лунѣ,
Чтобъ тайфунъ до бездны взрылся.

Чтобъ до нашихъ береговъ
Кинулъ милаго отъ милой.
Чтобъ глубинныхъ жемчуговъ
Намъ онъ бросилъ съ гордой силой.

И рыдали бы въ струнѣ,
Ослѣпительно-напѣвны
Сонъ увидѣнной во снѣ,
Стоны страсти въ глубинѣ,
Крикъ покинутой Царевны.

НЕ ВЕРНУВШІЙСЯ.

„Я вернусь къ вамъ потомъ. Я вернусь къ вамъ съ Царевной".
Такъ молилъ я своихъ на своемъ кораблѣ.
„Отпустите меня".—Но съ угрюмостью гнѣвной
Мнѣ твердили они о добрѣ и о злѣ.

Упадала въ мой слухъ ихъ ворчня однозвучно.—
„Что жь, мы будемъ здѣсь слушать морской этотъ гулъ?"—
И мнѣ стало межь ними такъ скучно, такъ скучно,
Что я прыгъ съ корабля ихъ, и вотъ, утонулъ.

О, счастливый прыжокъ! Ты навѣки избавилъ
Человѣка Земли, но съ морскою душой.
Въ тѣснотѣ корабля я своихъ тамъ оставилъ,
И съ тобой я, Морская Царевна, я твой.

День и ночь хороводы намъ водятъ ундины,
Аметисты въ глазахъ у Морского Царя,
Головой онъ тряхнетъ,—и иныя картины,
Утро нашей Земли, дней послѣднихъ Заря.

Сказки рыбокъ морскихъ такъ безгласно-напѣвны,
Точно души проходятъ, дрожа по струнамъ.
И мечтать на груди у тебя, у Царевны, —
О, товарищи дней, не вернуться мнѣ къ вамъ!

Я вамъ честно солгалъ, не зовите измѣннымъ,
Но настолько все странно въ морской глубинѣ,
Такъ желанно все здѣсь, въ этомъ мірѣ безпѣнномъ,
Что не нужно объятія братскаго мнѣ.

Да и вамъ не понять, верховзорнымъ, оттуда,
Какъ узывны здѣсь краски и сны и цвѣты.—
О, Царевна морей, имъ ты чуждое чудо,
Мнѣ же тамъ только міръ, гдѣ глубины и ты.

ЗАКЛЯТЫЕ.

„—Царевичъ, Царевичъ, ты спишь?"
„—Проснуться нельзя мнѣ, Царевна".
И снова жестокая тишь,
Лишь вьюга проносится гнѣвно.

Безумствуетъ тамъ, за окномъ,
Предъ сказочно-древнимъ чертогомъ,
Гдѣ призраки скованы сномъ,
Гдѣ дверь замерла надъ порогомъ.

Семь страшныхъ ночей круговыхъ,
Какъ семь жернововъ онѣмѣлыхъ,
Сложились въ колдующій стихъ,
Надъ міромъ безгласностей бѣлыхъ.

Рѣшили они задавить
Возможность листковъ и расцвѣта.
Прядется и крутится нить,
И можетъ лишь грезиться лѣто.

Зловѣщія пряхи ворчатъ,
Ихъ прялки рождаютъ мятели.
Молчатъ, неживые, молчатъ
Листы въ ихъ сковавшей постели.

А въ древнемъ чертогѣ, вдвоемъ,
Царевичъ съ Царевной заснули,
И грезятъ, овѣяны сномъ,
О страстномъ, о жаркомъ Іюлѣ.

Какъ будто въ глубокой водѣ,
Въ ихъ мысляхъ свѣтло и печально.
Цвѣтокъ наклонился къ звѣздѣ,
Глубинность отвѣта зеркальна.

И только порою, порой,
Какъ будто бы лучъ улыбнется,
И сонная съ сонной душой
Въ вопросѣ-отвѣтѣ сольется.

„—Ты спишь, мой Царевичъ?“—„Я сплю“.
Тѣнь словъ возникаетъ напѣвно.
„—Я сплю, но тебя я люблю“.
„—Я жду“, отвѣчаетъ Царевна.

ОПРОКИНУТЫЙ КУБОКЪ.

Въ разгарѣ веселій,
Что съ дымомъ печалей,—
Въ снѣжистости далей,
Гдѣ пляшетъ бурунъ,—
Средь пышности елей,
Межь призраковъ сосенъ,
Въ предчувствіи весенъ,
Въ дрожаніяхъ струнъ,

Не вешнихъ, не здѣшнихъ,
Не здѣшнихъ, не вешнихъ,
Въ мельканіяхъ струнъ,
Закрутившихъ бурунъ,—
Я мглою былъ скованъ,
Тоской зачарованъ,
Я, нѣжный, и въ нѣжности—злой,
Я, геній свирѣлей,
Я, утро апрѣлей,
Былъ сжатъ сребро-льдяною мглой,—
Вдругъ кто-то раздвинулъ,
Межъ снѣжныхъ постелей,
Застывшіе пологи льдовъ,
И ты опрокинулъ
Мой домъ изъ снѣговъ,
И ты опрокинулъ
Тотъ кубокъ мятелей,
И струны запѣли о счастіи снова,
И сны засмѣялись въ расцвѣтахъ апрѣлей,
Въ расцвѣтахъ, во взорахъ,
И въ звонахъ, въ которыхъ
Весь міръ засверкалъ, такъ чарующе-новъ.

ЗАКЛИНАНІЕ СТИХІЙ.

Царь-Огонь, Царевичъ-Вѣтеръ, и Вода-Царица,
Сестры-Звѣзды, Солнце, Мѣсяцъ, Дѣвушка-Зарница,
Лѣсъ Зеленый, Камень Синій, Цвѣтикъ Голубой,
Міръ Красивый, Міръ Созвѣздный, весь мой духъ съ тобой.
Жги, Огонь. Вода, обрызгай. Вѣтеръ, дунь морозомъ.
Солнце, Мѣсяцъ, Звѣзды, дайте разыграться грозамъ.
Чтобы Дѣвушка-Зарница, съ грезой голубой,
Вспыхнувъ Молніей, явилась для меня судьбой.

ЗАВЕРШЕННОСТЬ.

Ты вѣрила мнѣ какъ Богу,
Ты меня любила какъ міръ,—
И я на великую вышелъ дорогу,
И лира моя полнозвучнѣй всѣхъ лиръ!

Я былъ для тебя наслажденье,
Какого другого нѣтъ,—
И пѣсенъ моихъ не скудѣетъ рожденье,
И пѣсни мои суть напѣвы побѣдъ!

Я былъ для тебя страданье,
И ты любила его,—
Я знаю, что въ мысляхъ творцовъ мірозданья,
Я знаю, что значитъ быть Всѣмъ для всего!

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА.

Запорожская дружина днѣй былыхъ была прекрасна,
Въ ней товарищи носились за врагами по степямъ.
Не жалѣли, не смущались, и одно имъ было ясно:
Это небо—наше небо, эти степи—служатъ намъ.

И, смѣнивши клики брани на безуміе попойки,
Братскимъ смѣхомъ запорожцы озаряли свѣтлый часъ.
И по степи точно мчались чьи-то бѣшеныя тройки,
Это отзвуки веселья колдовали тамъ для насъ.

Колдовали и звенѣли. Напѣвали: Время минетъ.
Замолчатъ курганы наши. Будемъ въ вѣтрѣ мы какъ пыль.
Но въ потомкахъ наша память да не меркнетъ, да не стынетъ,—
Слышу, дѣды-запорожцы, мнѣ звенитъ о васъ ковыль.

Запорожская дружина насъ, познавшихъ силу свѣта,
Насъ, чей гордый лозунгъ—утро вѣчно-юнаго лица,
Да пребудетъ неизмѣнной, какъ звенящій стихъ Поэта,
Да пребудетъ полновластной, какъ побѣдный кликъ Пѣвца.

ЗВУКЪ ИЗЪ ТАИНСТВЪ.

Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ—говорящій огонь,
Движеніе мысли есть радость всемірныхъ и вѣчныхъ погонь.
И взглянемъ ли мы на созвѣздья, разслышимъ ли говоры струй,
Мы знаемъ, не знать мы не можемъ, что это одинъ поцѣлуй.
И струнъ ли рукой мы коснемся, чтобъ сдѣлать пѣвучимъ нашъ пиръ,
Мы пѣсней своей отзовемся на пѣсню, чье имя есть Міръ.
И кто бы ты ни былъ, напрасно—цвѣтокъ ль, Человѣкъ ль—не тронь:
Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ—говорящій огонь.

ОСТРОВЪ.

Островъ сдѣлай изъ себя,
Островъ голубой.
И мгновенье не дробя,
Будь самимъ собой.

Міръ людей—толпа акулъ,
Это—вражій станъ.
Вбрось свой разумъ въ мѣрный гулъ,
Слушай Океанъ.

Помни: даже и Потопъ
Бережетъ ковчегъ.
Жизнь людей—безмѣрный гробъ,
Стань на тихій брегъ.

Межъ тобою и людьми
Пусть поютъ моря.
Эту долю ты возьми,
Съ Богомъ говоря.

Не покинетъ лучъ тебя,
Будетъ сонъ съ тобой.
Островъ сдѣлай изъ себя,
Островъ голубой.

СЛОВО О СУДЬБѢ.

На чистое поле, подъ ясное Небо, подъ черное облако встань,
На красное Солнце, на Мѣсяцъ двурогій, на звѣзды высокія глянь.
Подъ Солнцемъ подъ краснымъ есть синее Море, и ладанный камень на немъ
И Божія церковь на ладанномъ камнѣ, гдѣ служба и ночью, и днемъ.

Ты выбери поле, иль выбери Небо, иль выбери Море себѣ,
Но, выбравъ, люби ихъ, но, выбравъ, служи имъ, и вѣрь той отдѣльной судьбѣ.
Ты Солнце увидишь не такъ, какъ другіе, войдешь въ много звѣздный ты храмъ
И будешь ты видѣть, какъ днемъ тамъ и ночью лазурный встаетъ онміамъ.

ОБЛАЧНАЯ ЛѢСТНИЦА.

Если хочешь въ край войти вѣчно-золотой,
Облачную лѣстницу нужно сплесть мечтой,
Облачныя лѣстницы насъ ведутъ туда,
Гдѣ во снѣ бываемъ мы только иногда.

А и спать не нужно намъ, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю свѣта полосу,
И, скрѣпивши облачко мѣсячнымъ лучомъ,
Въ путь иди, не думая больше ни о чемъ.

ПРАЗДНИКЪ НЕБА.

Солнце перстень золотой
Намъ невѣдомаго Бога.
Солнце свѣтитъ надъ Водой,
Солнце гаснетъ за чертой
Предвечерняго чертога.

Предвечерняя Луна
Серебристое запястье.
О, Луна, ты намъ дана
Для узывчиваго сна
Змѣевого сладострастья.

Змѣевидный Млечный Путь
Міровое ожерелье.
Если мы когда-нибудь
Захотимъ сполна уснуть,
Тамъ проснемся для веселья.

Звѣзды весело горятъ,
Вѣченъ праздникъ изумруда.
Въ нихъ опалы нѣжно спятъ,
Въ нихъ рубины точатъ ядъ.
Праздникъ Неба—вѣчность Чуда.

РУНЫ НОЧИ.

ПОШУТИТЪ...

Пошутитъ Водяной—измочитъ,
Пошутитъ Лѣшій—закружитъ,
Русалка шутитъ—защекочетъ,
Пошутитъ Ночь—заворожитъ.

РУНЫ НОЧИ.

Руны Ночи прочитавъ,
Струны грома разобравъ,
Я блуждаю, и сбираю на болотахъ стебли травъ.

Въ этихъ травахъ тонкій ядъ,
Самоцвѣтности горятъ,
Въ нихъ глубокій, змѣеокій, нелюдской, берущій взглядъ.

Эти травы я сожму,
Выпью ядъ, и выпью тьму,
Кто бъ ты ни былъ подходящій, знай, что я тебя возьму.

Насъ погонятъ по пятамъ
Руны Ночи въ черный храмъ,
Струны грома, гряньте бурю, душу Дьяволу отдамъ.

ЗМѢИНАЯ СВѢЧА.

Литовцы отмѣтили, въ давнихъ вѣкахъ
Великую тайну въ двухъ вѣщихъ строкахъ,
Что въ треньи временъ не сотрутся:
„Змѣиную если зажжешь ты свѣчу,
Всѣ змѣи сберутся".
Что въ этихъ строкахъ, я о томъ умолчу,
Лишь мудро о нихъ вспоминая.
Часъ вѣщій теперь. Я свѣчусь и лечу,
Какъ птица ночная,
Какъ птица, быть можетъ, не птица, змѣя
Крылатая, зыбко-двойная,
На свѣтъ, на лѣсную свѣчу поспѣшая
Въ безвѣстность, гдѣ змѣи, гдѣ царствуетъ—Я.

ПЕРЕБРОШЕННЫЯ ЗВЕНЬЯ.

Что держитъ Землю? Что?—Вода.
— Что держитъ Воду?—Камень грозный.
— Что держитъ Камень, дни, года,
Что держитъ Міръ окружно-звѣздный?
— Четыре мощные Кита.
— На чемъ они, Киты златые?
— Ихъ вѣчно держитъ Красота,
Огня теченья молодыя.
— А что же держитъ тотъ Огонь?
— Другой Огонь, его двѣ части.
— А дальше?—Болѣе не тронь.
Не тронь. Сгоришь!

ЗАКЛИНАНЬЕ ВОДЫ И ОГНЯ.

Я свѣтъ зажгу, я свѣтъ зажгу,
На этомъ берегу.
Иди тихонько.
Слѣди, на камнѣ есть вода.
Иди со мной, съ огнемъ, туда,
На бѣломъ камнѣ есть вода.
Иди тихонько.

Рука съ рукой, рука съ рукой.
Здѣсь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тотъ кто-то, можетъ, слышитъ насъ.
Слѣди, чтобъ свѣтъ нашъ не погасъ,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свѣтъ несемъ, мы свѣтъ несемъ.
Рабы намъ Ночь со Днемъ.
Иди тихонько.
Слѣди, рука съ рукой тверда,
На бѣломъ камнѣ есть вода,
Свѣти, идемъ съ огнемъ туда.
Иди тихонько.

ХВОЯ.

Это не дерево, нѣтъ, это храмъ,
Это молельня лѣсная.
Струйно смолистый дрожитъ ѳиміамъ,
Душу къ молитвамъ склоняя.

Молча безсмѣнный горитъ изумрудъ
Въ этой вознесшейся хвоѣ.
Сердце, утихни, быть радостно тутъ
Въ благоговѣйномъ покоѣ.

„А тѣ просвѣты межь вѣтвей?“
Она, вздохнувъ, сказала,
И на мерцанія очей
Какъ будто указала.

„О, тѣ мерцанія очей,
Замыслившихъ иное!“
Такъ чей же сонъ, о чей, о чей
Въ той непостижной хвоѣ!

ЗАКЛЯТІЕ МѢСЯЦА.

Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?
— На томъ свѣтѣ я ходилъ.
— Озаритель облаковъ,
Что ты видѣлъ?—Мертвецовъ.
— Много ль ихъ?—Безмѣрный рядъ.
— Что тамъ дѣлаютъ?—Всѣ спятъ.
— Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?
— Я надъ Моремъ синимъ плылъ.
— Что ты видѣлъ на волнахъ?
— Тѣло мертвое и страхъ.
— Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?
— Въ вѣковѣчной смѣнѣ силъ.
— Что ты видишь безъ конца?
— И тебя, какъ мертвеца.

ЗАЧАРОВАНІЕ.

Отъ вещи, во тьмѣ проходящей,
Змѣиности, тайно скользящей,
Всевышній, меня сохрани,
Зловражеской силѣ молчащей
Скажи: „Зачаруйся. Усни".

Чтобъ глазъ тѣхъ, враждебныхъ, но спящихъ,
И тускло, и лунно глядящихъ,
Я тайную повѣсть прочелъ,
И въ жадныхъ пугающихъ чащахъ
Нашелъ зачарованный долъ.

Чтобъ тѣмъ же путемъ, но обратнымъ,
И съ новымъ цвѣткомъ, ароматнымъ,
Прошелъ я въ законченный часъ,
Съ волненьемъ лишь сердцу понятнымъ,
Близь лунно-мерцающихъ глазъ.

СЛОВО КЪ ТРЕМЪ ПТИЦАМЪ.

На крутой горѣ есть дубъ,
Волкъ на немъ сломилъ бы зубъ,
Столь онъ крѣпкій, столь тугой,
Этотъ дубъ сторожевой.
А на дубѣ томъ, смотри,
Птицы мѣдныя, ихъ три,
Свѣтитъ въ радугахъ росы
Золоченые носы.
Этотъ дубъ они клюютъ,
Денно, нощно, клювомъ бьютъ,
Такъ имъ нужно, говорятъ,
Золоченый клювъ острятъ.

Вы не бейте, Птицы, дубъ,
Духъ людской не меньше грубъ,
Твердъ и жестокъ духъ людской,
Можетъ, вдвое онъ тугой.
Можетъ, въ тысячу онъ разъ
Будетъ пробою для васъ,
Заостривъ, придастъ красы
Въ золоченые носы.
Вы попробуйте на немъ
Клювъ свой ночью, клювъ свой днемъ,
Птицы мѣдныя, скорѣй,
Клювомъ, клювомъ, въ мозгъ людей.

СЛОВО ОТЪ ЗМѢЙ.

Много есть на Небѣ разиствующихъ звѣздъ,
Свѣтятъ, не просвѣтятъ весь земной туманъ.
На рѣкѣ Смородинѣ, калиновый тамъ мостъ,
На мосту калиновомъ, дубъ стоитъ Мильянъ.
А въ дубѣ томъ въ дуплистомъ—змѣиный гробъ,
А въ томъ гробу сокрытомъ—змѣиный зубъ и ядъ.
Змѣиная утроба жаднѣе всѣхъ утробъ,
Всѣхъ взглядовъ обманнѣе—змѣиный взглядъ.
Узоры я расчислилъ разиствующихъ звѣздъ.
Выслѣдилъ туманъ я, знаю правъ я змѣй,
Дубъ-Мильянъ извѣстенъ мнѣ, знаю красный мостъ,
Зубъ змѣи—на ядъ змѣи, ядъ, уйди скорѣй.
Прочь, змѣя подводная,
Скройся, подколодная,
Лѣсовая,
Межевая,
Домовая,
Гноевая,
Злая, злая, прочь, змѣя.

Отъ очей васъ отвлекаю,
Словомъ тайнымъ заклинаю,
Зубъ на ядъ, и ядъ на зубъ,
Помогай мнѣ, вѣщій дубъ,
Просыпайся, власть моя,
Уходи, змѣя лихая,
Молодая,
Золотая,
Щелевая,
Гробовая,
Злая, злая, прочь, змѣя.

СЛОВО ОТЪ ЗМѢИНАГО ЯДА.

Тамъ, на морѣ Океанѣ,
Все на томъ, на немъ, Буянѣ,
Дубъ стоитъ,
Шелеститъ,
Дубъ тотъ старъ,
Полонъ чаръ,
А подъ дубомъ, словно гробъ,
Древній камень Бѣлоробъ,
А на камнѣ Бѣлоробѣ,
Словно въ гробѣ,
Сильный Змѣй,
Царь гадюкъ, змѣюкъ, мѣдянокъ,
Змѣй великій, Скороспѣй.
Въ день Ивановъ, спозаранокъ,
На зарѣ скажи скорѣй:—
Сильный Змѣй,
Сильный Змѣй,
Змѣй великій, Скороспѣй,
У тебя есть много жалъ,
Много жалящихъ дѣтей,
Сколько ихъ,

Огневыхъ,
Водяныхъ и полевыхъ,
Сколько ихъ, сколько ихъ,
Ядъ широко побѣжалъ,
Но лучами—шире свѣтъ,
И великій счетъ—гробовъ,
Но великъ—и счетъ примѣтъ,
И въ умѣ есть столько словъ,
Что для всѣхъ васъ мечъ готовъ,
И завѣтное есть слово
Для тебя, для Скороспѣя,
Для тебя, для Змѣя злого,
И для всякаго есть змѣя,
И для женскихъ быстрыхъ змѣй,
Для гадюкъ,
Для змѣюкъ,
Для мѣдянокъ-мѣдяницъ,
Всѣмъ вамъ—пасть во прахѣ ницъ,
Всѣмъ вамъ—ползать передъ властью полнословною моей,
Захочу—и всѣхъ замкну я, васъ замкну я въ тѣсный гробъ,
Захочу—его сцѣплю я, этотъ камень Бѣлоробъ,
Повинуйся жь слову власти, Змѣй великій Скороспѣй!

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Ты хочешь убивать? Убей.
Но не трусливо, торопливо,
Не въ однорукости мгновеннаго порыва,
Когда твой духъ—слѣпыхъ слѣпѣй.
Коль хочешь убивать, убей—
Какъ пишутъ музыку—красиво.

ТУМАННЫЙ КОНЬ.

Ужь давно, на граняхъ міра, заострился жгучій тернъ,
Ужь не разъ завыли волки, эти псы, собаки Норнъ.
Мистаръ-Марръ, созданье влаги, тяжко-сѣрый конь Валькирій
Опрокинулъ бочки грома, и низвергнулъ громы въ мірѣ.

Битва длится, рдяны латы, копья, шлемы, и щиты,
Мечъ о мечъ стучитъ, столкнувшись, ярки искры Красоты.
Ихъ тринадцать, тѣхъ Валькирій, всѣхъ изъ нихъ прекраснѣй Фрея,
Кравчій Асовъ, цвѣтъ и птица, лебедь бѣлый и лилея.

Мистаръ-Марръ гремитъ копытомъ, брызги молній—чада мглы.
Быстро вороны промчались, рѣютъ съ клекотомъ орлы.
На кровавой красной ткани судьбы выткала Сеанента.
Къ пиру! Въ Вальгёлль! Тамъ сочтемъ мы, сколько воиновъ убито.

ДВѢ ВОДЫ.

Въ сутяхъ двѣ воды.
Архангельская поговорка.

Двѣ воды—одна съ высотъ,
А другая—изъ низинъ.
Двѣ бѣды—одна убьетъ,
Надъ другой—ты властелинъ.
Двѣ воды—а капель счетъ
Слитъ въ одно въ игрѣ пучинъ.

Тучно пучится она,
Вѣковая глубина.
Колыхается, какъ китъ,
Въ часъ, когда въ пучинахъ спитъ.
Тучны вѣчные снопы,
Звучны косы и серпы.

Холодъ конченъ, таетъ ледъ,
Зеленѣетъ гладь долинъ.
Ледоходъ, вода идетъ,
Мать мертва, но веселъ сынъ.
Ключъ поетъ, въ цвѣтахъ есть медъ,
Двѣ воды, а путь одинъ.

ЖЕЛАЙ.

Желай того, чего желаютъ Боги,
Хотѣньемъ божески-прямымъ,
И ты пройдешь несчетныя дороги,
А не развѣешься, какъ дымъ,
Твои восторги будутъ многи,
Ты станешь памятью, преданьемъ вѣковымъ,
Желай, чего желаютъ Боги,
Нельзя идти путемъ инымъ.

ОГНЕННАЯ МЕЖА.

День Купалы, день Ивана, зорко сторожи,
Этотъ день есть знакъ раздѣльный огненной межи.

Все, что было, кругъ свершило, отступаетъ прочь,
Выявляетъ блескъ свой сила въ огненную ночь.

Если ты сумѣлъ безстрастно точный кругъ замкнуть,
Въ чащѣ лѣса не напрасно ты держалъ свой путь.

Сонму всѣхъ бѣсовскихъ полчищъ не прейти черты,
Пусть ихъ жмутся, не прорвутся въ область Красоты.

Сотни рукъ, несчетность цѣпкихъ, въ жаждѣ тьмы и бѣдъ,
Не ухватятъ твой недвижный папоротникъ-цвѣтъ.

Всѣ зрачки, искусныхъ въ сглазѣ, острыхъ вражьихъ глазъ
Не дождутся, чтобы взоръ твой, свѣтлый взоръ погасъ.

Всѣ шептанья, всѣ дыханья въ чащѣ вѣковой
Не осилятъ заклинанья,—кругъ всевластенъ твой.

Духъ твой свѣтелъ, ты распуталъ всѣ узоры лжи,
Ты крещенъ великой тайной огненной межи.

СВАДЬБА ВОДЫ И ОГНЯ.

Свадьба Воды и Огня
Это зеленые храмы растеній,
При всемірныхъ свѣчахъ свѣтлоглазаго Дня,
При несчетныхъ свѣчахъ звѣздосвѣтныхъ полночныхъ горѣній.
Лики Воды и Огня,
Обвѣнчавшихся въ пресуществленьи двойного начала,
Принимаютъ всѣ краски, и Временность, въ Вѣчность маня,
Одѣвается въ золото, свѣтится ало,
И на свадьбѣ Воды и Огня
Сколько есть изумрудовъ, играній опала,
Сколько разъ между травъ перемѣнный алмазъ
Цѣловался съ Водой, и росинка зажглась,
Сколько разъ по одеждѣ живой изумруда
Пробѣжалъ поцѣлуйный шиповникъ-рубинъ,
И, желаніе въ стеблѣ кольнувъ, онъ стремленіе вызвалъ оттуда
Лепестки поманилъ, расцвѣченности тайныхъ глубинъ,
И пожаромъ червоннымъ зажглось многоцвѣтное чудо,
И на долы Земли снизошла вышина,
И зажглось Семизвѣздье съ улыбкой Венеры,
Въ незабудкахъ, въ сирени, въ лазурностяхъ льна,
Въ сонмахъ маленькихъ лунъ, солнцъ, живущихъ внѣ мѣры,
Въ сочетаньяхъ плапетъ
Луговыхъ и лѣсныхъ,
Въ безконечностяхъ разныхъ сплетеній,

Впивающихъ Свѣтъ,
И его претворившихъ въ пахучій и красочный стихъ,
Ѳиміамы во храмѣ зеленомъ растеній,
Гулъ хораловъ колдующихъ Ночи и Дня,
При великомъ сліяніи двухъ разныхъ святыхъ навожденій,
На свадьбѣ Воды и Огня.

РУНЫ.

Чья была впервые руна?
Индры, Одина, Перуна?
Всѣхъ ли трехъ? Иного ль Бога?
Есть ли первая дорога?

Врядъ ли. Вѣчны въ звонахъ струны.
Вѣчны пламенныя руны.
Вѣченъ громъ съ его аккордомъ.
Вѣченъ Воронъ съ крикомъ гордымъ.

Въ Вѣтрѣ молкнетъ ли рыданье?
Въ Морѣ ль стихнетъ причитанье?
Полюбивъ, не минешь битвы.
Не забудешь словъ молитвы.

Чтобъ пройти лѣса и горы,
Нужно вѣдать заговоры.
Значитъ, нужно вѣдать руны,
Ибо чащи вѣчно-юны.

Значитъ, нужно вѣдать чары,
Ибо горы вѣчно-стары.
И всегда душѣ знакомы
Руны, молніи, и громы.

ДУХЪ ДРЕВА.

Своей мечтой многовѣтвистой,
Переплетенной и цвѣтистой,
Я много храмовъ покрывалъ,
И радъ я знать, что духъ стволистый
Въ тѣлесномъ такъ воздушно-алъ.

Но, если я для вѣрныхъ, нѣжныхъ,
Для изнемогшихъ, безнадежныхъ,
Свои цвѣты свѣвалъ свѣтло,
Я знаю, въ лепетахъ безбрежныхъ,
Какъ старо темное дупло.

И, если вѣчно расцвѣтая,
Листва трепещетъ молодая,
Я, тайно, слушаю одинъ,
Какъ каждый листъ, съ вѣтвей спадая,
Впадаетъ въ лѣтопись судьбинъ.

И тѣ, что вѣдаютъ моленья,
И тѣ, что знаютъ изступленье,
И тѣ, въ которыхъ разумъ юнъ,
Какъ буквы, входятъ въ Пѣснопѣнье,
Но буквы не читаютъ рунъ.

MOPAHA.

МОРАНА.

Умираніе—мерещится уму.
Смерть намъ кажется. Лишь вѣримъ мы во тьму.
Эти сумерки сознанья и души,
Смерть всемірную предъ ночью утиши.

Умягчи Морану страшную мольбой.
Зачаруй ее въ пустынѣ голубой.
Разбросай среди жемчужинъ алый цвѣтъ.
Зачаруй. Морана—дѣва, ты—поэтъ.

Засѣти сіяньемъ звѣзднымъ брызги слезъ.
Дай алмазовъ темнотѣ ея волосъ.
„Меркнуть рано", прошепчи,—она вздохнетъ.
Поцѣлуетъ, усыпитъ, но не убьетъ.

ТКАЧИХА.

Дѣва вѣщая, ткачиха,
Ткетъ добро, съ нимъ вмѣстѣ лихо,
Пополамъ.
Лѣвой бѣлою рукою
Нить ведетъ съ борьбой, съ тоскою.
А рукою бѣлой правой
Нить прямитъ съ огнемъ и славой.
Ткани—намъ.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Въ царствѣ Блага, въ царствѣ Лиха,
Гдѣ-то тамъ.

Пой для Дѣвы, Дѣва глянетъ,
Только ткать не перестанетъ
Никогда.
Сердцемъ зная всѣ напѣвы,
Заглянулъ я въ сердце Дѣвы.
Полюбилъ, и полюбился,
Въ замкѣ Дѣвы очутился
Навсегда.
Любо мнѣ, но душу ранитъ
Шумъ тканья, что не устанетъ
Никогда.

Диво вѣчное, ткачиха,
Ткни, колдуй, но только тихо,
Не греми.
А не то проснутся люди,
И придутъ гадать о чудѣ.
Намъ вдвоемъ съ тобою дружно,
Намъ не нужно, не досужно
Быть съ людьми.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Тише, тише, въ сердцѣ—тихо,
Не шуми.

ЧЕРЕЗЪ СТОЛѢТІЯ СТОЛѢТІЙ.

Камень. Бронза. Желѣзо. Холодная сталь.
Утро. Полдень звенящій. Закатность. Печаль.

Солнце. Пьяные Солнцемъ. Ихъ спутанный фронтъ.
Камнемъ первый поверженъ былъ ницъ мастодонтъ.

Солнце. Воины Солнца и дѣти Луны.
Бронза въ бронзу. И смерть. И восторгъ тишины.

Солнце. Ржавчина солнца. Убить и убить.
Воду ржавую пьютъ, и еще будутъ пить.

Солнце тонетъ въ крови. Мглой окована даль.
Камень былъ. Бронзы нѣтъ. Есть желѣзо и сталь.

Сталь поетъ. Умъ, узнавъ, неспособенъ забыть.
Воду мертвую пьютъ, и еще будутъ пить.

ТРИ ДУШИ.

Три души блуждали, вольныя отъ жизни,
Въ радости эѳирной неземныхъ пространствъ.
Тамъ, гдѣ нѣтъ, не будетъ мѣста укоризнѣ,
Тамъ, въ неизреченномъ, средь живыхъ убранствъ.

Средь живущихъ вѣчно, межь всегда-живого,
Три души блуждали, и спустились внизъ.
Предземное царство было имъ такъ ново,
Три свѣчи на Небѣ новыя зажглись.

Въ трехъ безсмертныхъ душахъ вспыхнуло желанье,
Загорѣлись очи, зазмѣился страхъ.
И у вышнихъ оконъ, въ Домѣ созиданья,
Замелькали руки безглагольныхъ Пряхъ.

Для одной души—перпатая сорочка,
Для другой души— осенній волчій мѣхъ,
Ликъ людской—для третьей... „Что ты плачешь, дочка?
Разскажи, повѣдай. Горе? Или грѣхъ?“

Плачутъ, плачутъ, плачутъ очи человѣка,
Волкъ въ лѣсу боится, пробуждая страхъ,
Безпріютна птица въ воздухѣ, отъ вѣка,
Три души забыли о совмѣстныхъ дняхъ.

МІРОВАЯ ПАУТИНА.

Есть странные люди, безумные люди,
Что живутъ лишь въ стремленьи одномъ,
Въ вѣковомъ они кружатся, въ призрачномъ чудѣ,
Подъ негасимымъ огнемъ.

Надъ ними, подъ ними проходятъ планеты,
Сжигаются солнца со свитою лунъ,
Но эти безумные—вѣтромъ одѣты,
Ихъ носитъ, бросаетъ бурунъ.

Не пьютъ, не ѣдятъ. Въ томъ какая причина?
Кто знаетъ? Причиненъ ли въ полночь нашъ бредъ?
Подъ вѣтромъ летятъ, какъ летитъ паутина,
А смерти имъ нѣтъ.

ДОЛИНЫ СНА.

Пойду въ долины сна,
Тамъ вкось ростутъ цвѣты,
Тамъ падаетъ Луна
Съ бездонной высоты.

Вкось падаетъ она,
И все не упадетъ.
Въ глухихъ долинахъ сна
Густой дурманъ цвѣтетъ.

И странная струна
Играетъ безъ смычковъ.
Мой умъ—въ долинахъ сна,
Средь волнъ безъ береговъ.

ТѢНЬ.

ЗАГАДКА.

Ходитъ безъ ногъ
Цѣпко безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.
Придетъ на порогъ,
Предвѣстникомъ мукъ
Таинственной встрѣчи.

И взоромъ слѣпымъ
Глядитъ безъ глазъ,
Души не покинетъ.
Густѣетъ какъ дымъ,
И свѣтлый нашъ часъ
Темнѣетъ, стынетъ.

Ползетъ безъ ногъ,
Хватаетъ безъ рукъ,
Говоритъ безъ рѣчи.
И донынѣ не могъ
Умъ съ лукавствомъ наукъ
Избѣжать этой встрѣчи.

НАДЪ ВѢЧНОЮ СТРАНИЦЕЙ.

1.

Супругъ несчетныхъ инокинь,
Любовникъ грезы воспаленной,
Оазисъ внутреннихъ пустынь,
Твой образъ дивенъ, взоръ твой синь,
Ты свѣтъ и жизнь души смущенной.

Но если именемъ твоимъ
Тереза умѣряла стоны,
То имъ же обратили въ дымъ
Народы съ прошлымъ вѣковымъ,
Людей убили милліоны.

О, кто же, кто ты, зыбкій духъ?
Благословитель, или мститель?
Скажи мнѣ ясно, молви вслухъ.
Иль сводъ небесный вовсе глухъ?
Спаси меня! Вѣдь ты—Спаситель!

2.

Многоликій, ты мнѣ страшенъ,
Я тебя не понимаю.
Ты идешь вдоль сѣрыхъ пашенъ
Къ ускользающему Раю.

Ты ведешь по переходамъ,
Гдѣ ужь нѣтъ намъ Аріадны.
Ты какъ свѣтъ встаешь подъ сводомъ,
Гдѣ въ Іюлѣ дни прохладны.

Ты звенишь въ тюрьмѣ жестокой
Монастырскими ключами.
Ты горишь, и ты высокій,
Ты горишь звѣздой надъ нами.

Но въ то время какъ сгораетъ
Узникъ дней, тобой зажженный,—
И тюремщикъ повторяетъ
То же имя, въ жизни сонной.

Но въ то время какъ свѣчами
Предъ тобою таютъ души,—
Ты вбиваешь съ палачами
Гвозди въ сердце, въ очи, въ уши.

И не видятъ, и не слышатъ,
И не чувствуютъ—съ тобою,
Кровью смотрятъ, кровью дышатъ,
Кровь зовутъ своей судьбою.

И схвативъ—какъ двѣ собаки
Кость хватаютъ разъяренно—
Крестъ схвативъ въ глубокомъ мракѣ,
Два врага скользятъ уклонно.

И твоей облитый кровью,
Крестъ дрожитъ, какъ коромысло,
Къ Свѣту-Слову, и къ присловью,
Липнетъ чудище, повисло.

Разлохматилось кошмаромъ,
Два врага безсмѣнно разны,
Старый міръ остался старымъ,
Только новы въ немъ соблазны.

Только крючья пытокъ новы,
Свѣжи красные разрывы.
Кто же, кто же ты, Суровый?
Кто ты, Нѣжный, кротче ивы?

3.

Чтобъ тебя понимать, я подъ иву родную уйду,
Я укроюсь подъ тихую иву.
Надъ зеркальной рѣкой я застыну въ безгласномъ бреду.
Сердце, быть ли мнѣ живу?

Быть ли живу, иль мертву,—не все ли, не все ли равно!
Лишь исполнить свое назначенье.
Быть на глинистомъ срывѣ, упасть на глубокое дно,
Видѣть молча теченье.

Послѣ верхнихъ вѣтровъ замечтаться въ прозрачной средѣ.
Никакого не вѣдать порыва.
И смотрѣть, какъ въ Водѣ серебрится Звѣзда, и къ Звѣздѣ
Наклоняется ива.

КРУГОВОЙ ВЕРТЕПЪ.

Я въ лѣсу, бродя, увидѣлъ тайный склепъ.
Постучалъ неосторожно въ тотъ вертепъ.
Вышли духи. Говорятъ: Зачѣмъ стучалъ?
Въ круговомъ вертепѣ каждый мирно спалъ.

Встали духи, и глядятъ свѣтло и зло.
Восемь было ихъ, змѣиное число.
Окружилъ меня враждебный этотъ хоръ.
Съ нимъ навѣки неразлученъ я съ тѣхъ поръ.

Въ чащѣ бродимъ мы, должны блуждать мы въ ней.
Зацѣпляемся за всѣ шипы вѣтвей.
Ходимъ всюду, но рѣшеніемъ судебъ
Каждый вечеръ мы приходимъ въ круглый склепъ.

И опять, едва забрезжитъ, мы идемъ.
Мы повторнымъ устремляемся путемъ.
Въ мигѣ зрячій, въ суткахъ вѣчно взоръ нашъ слѣпъ.
Въ кругъ вступивъ, мы возвращаемся въ вертепъ.

Что я, гдѣ я, все равно мнѣ. Я усталъ.
Я давно кукушку слушать пересталъ.
Гдѣ бъ я ни былъ, не пройдешь, кружась, вертепъ.
Много ль жить мнѣ, мало ль жить, предѣлъ мой—склепъ.

ПРИЧАСТІЕ НОЧИ.

Полюбите слезы, въ васъ воскреснетъ смѣхъ.
Прикоснитесь боли, удалится грѣхъ.
Помолитесь Ночи, вамъ сверкнетъ Заря,
Съ свѣтлымъ, съ темнымъ сердцемъ свѣтомъ говоря.
Прикоснитесь къ Міру мыслію своей,
На касанье мысли—поцѣлуй лучей.
Поцѣлуй безгласный просіявшихъ глазъ,
Посмотрѣвшихъ ясно изъ души на насъ.
Причаститесь боли, это вѣрный путь,
Чтобъ на вольной волѣ глубоко вздохнуть.

СВѢТЪ ПРОРВАВШІЙСЯ.

1.

... Онъ упадалъ прорвавшимся лучомъ,
Онъ уводилъ въ невѣдомыя дали,
И я грустилъ, не вѣдая о чемъ,
И я любилъ вліяніе печали,
И плакали безгорестно глаза...

2.

... Надъ скалистою страной,
Надъ пространствомъ блѣдныхъ водъ,
Гдѣ съ широкою волной
Мысль въ созвучіи живетъ,
Гдѣ химерная скала
Громоздится надъ скалой,
Словно знакъ былого зла,
Мертвый крикъ вражды былой...

3.

... Хоть я любилъ тотъ край, тамъ не было полянъ,
Знакомыхъ съ дѣтства намъ плѣнительныхъ прогалинъ,
И потому, когда вечерній шелъ туманъ,
Я лунною мечтой былъ призрачно печаленъ,
И уносился вдаль...

4.

... Чей обликъ страшный надо мной?
Кто былъ убитъ здѣсь подъ Луной?
Кентавръ? Поморскій царь? Драконъ?
Ты сонъ какихъ былыхъ временъ?
Чей мѣткій такъ былъ золъ ударъ,
Что ты застылъ въ оковахъ чаръ?
Такъ въ смертный мигъ ты жить хотѣлъ,
Что тѣло между мертвыхъ тѣлъ,
Чрезъ сотни лѣтъ, свой ликъ былой
Хранитъ, взнесенный ввысь скалой...

5.

... Упоительныя тѣни,
Съ чѣмъ, о, съ чѣмъ я васъ сравню?
Звѣздоцвѣтныя сирени,
Вамъ ли сердцемъ измѣню?
Гдѣ бъ я ни былъ, кто бъ я ни былъ,
Но во мнѣ другой есть я.
Валъ морской въ безмѣрномъ прибылъ,
Но не молкнетъ звонъ ручья...

6.

... Онъ журчитъ, онъ журчитъ,
Ни на мигъ не замолчитъ,
Перемѣнится, вздохнетъ,
Замутитъ хрустальный видъ,
Но теченьемъ свѣтлыхъ водъ
Снова быстро заблеститъ,
Водный стебель шелеститъ,
И опять мечта поетъ,
Камень встанетъ,—онъ пробитъ,
Мигъ и часъ уходятъ въ годъ,
Гдѣ-то глыбы пирамидъ,
Гдѣ-то буря, громъ гремитъ,
Кто-то раненъ и убитъ,
Смерть зоветъ.
И безмѣрна тишина,
Какъ безмѣренъ былъ тотъ гулъ,
Въ рунномъ облакѣ Луна
Говоритъ, что міръ уснулъ,
Сердце спитъ,
Но воздушная струна,
Но теченье тонкихъ водъ,
Неуклонное, звучитъ,
И по разному зоветъ,
И журчитъ,
И журчитъ...

7.

... Непобѣдимое отчаянье покоя,
Неустранимое видѣнье мертвыхъ скалъ,
Молчанье Зодчаго, который, башню строя,
Вознесъ стремительность, но самъ съ высотъ упалъ.

Среди лазурности, которой нѣтъ предѣла,
Среди журчанія тончайшихъ голосовъ,
Узоръ разорванный, изломанное тѣло,
И нескончаемость безжалостныхъ часовъ.

Среди Всемірности, собой же устрашенной,
Надъ тѣломъ близкій духъ застылъ въ оковахъ сна,
И въ безпредѣльности, въ лазурности бездонной,
Неумолимая жестокая Луна...

НАШЪ ТАНЕЦЪ.

Nasz taniec, nasz taniec...
Przybyszewsky.

Нашъ танецъ, нашъ танецъ—есть дикая пляска,
Смерть и любовь.
Качанье, завязка—шептанье, развязка,
Нашъ танецъ, нашъ танецъ, когда жь ты устанешь, и будетъ безмолвіе вновь?
Несказанность словъ, неизношенность чувства, теченье мгновеній безъ скрипа минутъ,
Цвѣтовъ нераскрытость, замкнутыя очи, красивость рѣсницъ и отсутствіе путъ.
Завѣсы безшумныя бархатной Ночи, бездонность затоновъ, и свѣжесть глубинъ,
И тихая, тихая нѣжность, нѣжнѣе, чѣмъ стоны свирѣли и плачъ мандолинъ.
Нашъ танецъ, нашъ танецъ — отъ края до края, нашъ залъ сновидѣнный — небесная твердь,
Любовь насъ уводитъ,—о, злая, о, злая!—и манитъ насъ добрая, добрая Смерть.

ОСЕНЬ.

Осень. Мертвый просторъ. Углубленныя грустныя дали.
Завершительный ропотъ, шуршащихъ листвою, вѣтровъ.
Для чего не со мной ты, о, другъ мой, въ ночахъ, въ ихъ печали?
Столько звѣздъ въ нихъ сіяетъ, въ предчувствіи зимнихъ снѣговъ.

Я сижу у окна. Чуть дрожатъ безпокойныя ставни.
И въ трубѣ, безъ конца, безъ конца, звуки чьей-то мольбы.
На лицѣ у меня поцѣлуй,—о, вчерашній, недавній.
По лѣсамъ и полямъ протянулась дорога Судьбы.

Далеко, далеко, по давнишней пробитой дорогѣ,
Заливаясь, поетъ колокольчикъ, и тройка бѣжитъ.
Старый домъ опустѣлъ. Кто-то блѣдный стоитъ на порогѣ.
Этотъ плачущій—кто онъ? Ахъ, листъ пожелтѣвшій шуршитъ.

Этотъ листъ, этотъ листъ... Онъ сорвался, летитъ, упадаетъ...
Бьются вѣтки въ окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпѣть. Кто же тамъ такъ безумно рыдаетъ?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Самъ съ собой—и себя отвергая?
Колокольчикъ вернись. Съ привидѣньями страшно мнѣ быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Нѣмая!
Непостижность Судьбы:—Разставаться, страдать, и любить.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Какая грусть въ прозрачности Небесъ,
Въ бездонности съ единственной Звѣздою.
Изваянъ, отодвинутъ въ Вѣчность лѣсъ,
Удвоенный глубокою водою.

Изъ края въ край уходитъ длинный путь.
Хрустальный воздухъ холоденъ, безъ ласки.
О, Май, ужель ты былъ когда-нибудь?
Весь міръ—печаль застывшей блѣдной сказки.

ПРОЩАЙ.

Мнѣ жаль. Блѣднѣютъ лепестки.
Мнѣ жаль. Кругомъ все меньше свѣта.
Я вижу, въ зеркалѣ рѣки
Печаль въ туманности одѣта.

Зажглась Вечерняя Звѣзда,
И сколько слезъ въ ея мерцаньяхъ.
Прощай. Бездонно. Навсегда.
Застынь звѣздой въ своихъ рыданьяхъ.

ПОЛЯ ВЕЧЕРНІЯ.

Поля вечернія. Печальные закаты.
Холодность блѣдная осеннихъ облаковъ.
Въ грустящей памяти видѣнья тѣсно сжаты.
Созданья дней иныхъ и невозвратныхъ снов.

Тихонько сѣтуя, печалясь, и тоскуя,
Беззвучно шепчутся поблекшія мечты.
И словно чудится прощальность поцѣлуя
Въ туманномъ шествіи вечерней темноты.

СТВОРКИ РАКОВИНЪ.

Створки раковинъ я вижу на пескѣ.
Въ створкахъ раковинокъ кто-то жилъ когда-то.
Чайка бѣлая мелькнула вдалекѣ.
— Помнишь брата?

Чайка, помнишь? Чайка, помнишь?—Нѣтъ пути
Рѣчь вести со всѣмъ кругомъ, что такъ люблю я.
Лишь одно могу—узоры словъ сплести
Изъ стиховъ и поцѣлуя.

НЕ ПОГАСАЙ.

Не погасай, она сказала,
Твой свѣтъ восторгъ. Не погасай.—
О, нашей власти слишкомъ мало,
Чтобъ не уйти въ закатный край.

Закатъ алѣетъ нѣжной кровью,
И стынетъ въ безднѣ голубой.
Не плачь, припавши къ изголовью.
Я умеръ, пусть. Я былъ съ тобой.

ТѢЛЕСНОСТЬ.

О, храмъ изъ бѣлыхъ облаковъ,
Изъ темныхъ тучъ, и тучекъ рдяныхъ,
Зачѣмъ порваться ты готовъ,
Не просіявъ и двухъ часовъ,
Пока я медлю тутъ въ туманахъ?

Я ждалъ, я долго ждалъ и ждалъ,
Моля мучительно бездонность,
Чтобъ пологъ неба заблисталъ,
Чтобъ бѣлымъ онъ и алымъ сталъ,
Чтобъ, наконецъ, зажглась червонность.

Она въ небесности зажглась,
Она тѣлесностью блестѣла,
Но вотъ звѣзда, и день погасъ,
Глядитъ душа изъ грустныхъ глазъ,
И міръ—какъ раненое тѣло.

ВОЗГЛАСЪ БОЛИ.

Я возгласъ боли, я крикъ тоски.
Я камень, павшій на дно рѣки.

Я тайный стебель подводныхъ травъ,
Я блѣдный обликъ рѣчныхъ купавъ.

Я легкій призракъ межь двухъ міровъ.
Я сказка взоровъ. Я взглядъ безъ словъ.

Я знакъ завѣтный, и лишь со мной
Ты скажешь сердцемъ: „Есть міръ иной".

ЖИВОМУ ОТЪ ВѢЧНО ЖИВОГО.

Я по Землѣ прошелъ всей полнотой захвата
Приливно-рвущейся волны.
Душа другихъ людей всегда въ условьяхъ сжата,
Я безусловно вѣрилъ въ сны.

Я закрывалъ глаза, я опускалъ рѣсницы,
Я въ глубь души своей глядѣлъ.
Я лунно-спящимъ шелъ, и узкій край темницы
Въ безмѣрной обращалъ предѣлъ.

И больше нѣтъ меня. Я схороненъ навѣки.
Но ты, невѣдомый мнѣ братъ,
Пойми, и будь какъ я, и будешь ты какъ рѣки,
Какъ въ море впавшій водопадъ.

ЗВѢЗДА КЪ ЗВѢЗДѢ.

О, Млечный Путь, о, Млечный Путь,
Поймемъ ли мы когда-нибудь,
Что только пламенный потокъ
Отъ безразличности далекъ.

О, сколько звѣздъ, тѣхъ грезъ-невѣстъ.
Отъ Скорпіона—въ Южный Крестъ,
Чрезъ символъ Арго—въ Оріонъ,
И дальше, дальше—въ вѣчный сонъ.

Звѣзда къ звѣздѣ, звѣзда съ звѣздой,
Потокъ всемірно-молодой.
Дорога душъ, дорога птицъ,
Дай быть мнѣ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.

БѢЛЫЙ ЗВОНЪ.

1.

Блѣдный ликъ одной Звѣзды
Чуть мерцаетъ, чуть горитъ.
Мѣсяцъ свѣтелъ глядь воды
Колыхаетъ, серебритъ.

Я не знаю, что со мной,
Не пойму я, что свѣтлѣй:
Блѣдный ликъ Звѣзды одной,
Или Мѣсяцъ въ снахъ лучей.

2.

Наступаетъ тишина.
Приходи побыть со мной,
Ангелъ Смерти, Ангелъ Сна,
Въ ликѣ бабочки ночной.

Дай прощальный поцѣлуй,
Разлучи меня съ тоской,
Въ ровный ропотъ сонныхъ струй
Вбрось и вздохъ послѣдній мой.

Безъ упрека, безъ мольбы,
Проскользнемъ мы надъ Землей,
Ангелъ Смерти, духъ Судьбы,
Мы уйдемъ съ тобой домой.

3.

Хорошо скользить съ тобой,
Въ легкомъ звонѣ примиренья,
Надъ уснувшею Землей,
Какъ безгласное видѣнье.

Ночью вольно дышитъ грудь.
И звѣздится цвѣтъ сирени.
Кротко свѣтитъ Млечный Путь,
Тихой Вѣчности ступени.

Млѣетъ сумракъ голубой,
Чуть колышутся растенья.
Улетаетъ птичій рой,
Въ бѣломъ свѣтѣ восхожденья.

Ниспадаютъ лепестки,
И звѣзда порой сорвется.
Свѣтъ Бѣлѣющей Рѣки
Бѣлымъ звономъ отдается.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ.

Я давно полюбилъ мою душу,
Я замкнулъ ее въ свѣтлый свой домъ,
И ея тишины не нарушу,
Хоть не сдержанъ въ блужданьи своемъ.

Я брожу межь людей только тѣломъ,
Я хожу между нихъ лишь какъ тѣнь,
Въ сладострастьи замру онѣмѣломъ,
Какъ охваченный страхомъ олень.

И какъ яркій встаю предъ толпою,
И какъ жалкій склонюсь подъ грозой,
Надъ фіалкой стою голубою,
Напою всѣ растенья росой.

И душа моя въ домѣ скучаетъ,
Моего возвращенія ждетъ,
И слезами свой ликъ расцвѣчаетъ,
И потерянъ алмазностямъ счетъ.

И душа такъ жалѣетъ, жалѣетъ
О моемъ безконечномъ пути,
Но покинуть чертогъ свой не смѣетъ,
И не смѣю я къ ней подойти.

ОДЕЖДА ДУШИ.

Какъ бы изъ ризы своея,
Душа блестящая моя,
Въ глубинный часъ, въ предпервый часъ,
Съ борьбой великой извлеклась
Изъ тѣла соннаго.
И стала подлѣ, и глядитъ,
Каковъ у этой ризы видъ,
И жаль ей тѣла своего,
Но бросить надобно его,
Для сна бездоннаго.

Надъ тихой полночью луговъ
Блуждаютъ сонмы огоньковъ,
Горятъ ночные мотыльки,
Полеты ихъ недалеки,
Близь тѣла соннаго.
Но ты, душа, но ты, душа,
Изъ тѣла къ вольности спѣша,
Не медли здѣсь, и въ путь иной
Умчись надземной вышиной,
Для сна бездоннаго.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

Хрустальные звоны, кристальность, уклоны,
Дрожанія свѣта въ мельканьяхъ тѣней.
Какіе въ васъ храмы? Какіе амвоны?
Въ какой литургіи горѣнье свѣчей?

Хрустальные звоны полей запредѣльныхъ,
И горъ, и озеръ, что мы видимъ во снѣ,
Въ лучахъ безконечныхъ, въ лучахъ колыбельныхъ,
При матовой снѣжно-вершинной Лунѣ.

Хрустальные звоны, побудьте со мною,
Вліянье видѣнья, меня не покинь.
Да буду всегда я, тамъ въ сердцѣ, съ Луною,
Съ красивой Луною небесныхъ пустынь.

КОСОГОРЪ.

Какъ я пришелъ на крутой косогоръ?
Какъ отошелъ отъ всего?
Лунностью полонъ небесный просторъ,
Вольно, воздушно, мертво.

Тихія, вѣчныя волны морей,
Волны морей голубыхъ.
Сердце, молчи, засыпай поскорѣй,
Въ лунности пѣсенъ нѣмыхъ.

Свѣтъ лиловатый застывшихъ цвѣтовъ
Зыбко слагаетъ вѣнцы.
Вѣщая сказка молчащихъ волчцовъ,
Мертвые дремлютъ волчцы.

ЭТО ЛИ?

Это ли смерть? Или сонъ? Или счастіе?
Рокотъ безмѣрный органнаго пѣнія.
Тайна великихъ затоновъ безстрастія.
Млѣніе вольное. Сладость забвенія.

Окна цвѣтныя застыли отъ холода,
Льдяныя, встали воздушной преградою,
Было ли? Умерло? Было ли молодо?
Было ли, стало ли новой отрадою?

Краски огнями горятъ необманными,
Сказки закрыли холодную твердь.
Сердце рыданьями дышитъ органными.
Это ли смерть?

УСНИ.

Дымящихся свѣтильниковъ предсмертные огни,
Дрожащіе, скользящіе, послѣдніе. Усни.

Мерцающія лиліи, пришедшій къ цѣли путь,
Пройденности, бездонности грозившія. Забудь.

Развязана запутанность, оконченъ счетъ съ людьми,
Предсказанность безмолвія идетъ къ тебѣ. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезлъ свѣчи,
Въ безгласности горѣнія сожги слова. Молчи.

Возвышенныя лиліи расцвѣтомъ смотрятъ внизъ,
И ждутъ въ благоговѣйности послѣдняго. Молись.

Ни шопота, ни ропота, въ зеркальномъ прошломъ дни,
Подходитъ Ночь безслезная, вся звѣздная. Взгляни.

ЗВѢЗДНОЕ ТѢЛО.

Страстное тѣло, звѣздное тѣло, звѣздное тѣло, астральное,
Гдѣ же ты было? Чѣмъ ты горѣло? Что жь ты такое печальное.
Звѣздное тѣло, съ кѣмъ цѣловалось? Гдѣ лепестки сладострастные?
Море шумѣло, Солнце смѣялось, искристы полосы властныя.

Чудо-дороги. Къ свѣту отъ свѣта. Звѣзды въ ночахъ караванами.
Очи и очи. Губы съ губами, пьяными, жадно-румяными.
Гроздья сіяній, дрожи и смѣха. Слиты всѣ выси съ низинами.
Сердце у сердца. Свѣтлое эхо. Дальше путями змѣиными.

Къ свѣту отъ свѣта. Радость одѣта мглою—игрой многопѣвною,
Пѣсня поются, и пѣсня пропѣта, вѣкъ ли ей быть неизмѣнною?
Часъ предразсвѣтный. Мы у предѣла. Ночь такъ кротка въ
непреклонности.
Страстное тѣло, звѣздное тѣло, мирно потонемъ въ бездонности.

МАЙЯ.

ЦВѢТОКЪ ЛИЛОВАТЫЙ.

Цвѣтокъ лиловатый свѣтло расцвѣталъ,
Когда я тебя повстрѣчалъ на пути.
Цвѣточная длинная чаша-бокалъ,
Въ которую можетъ пчела заползти.

Тихонько касаясь цвѣтныхъ лепестковъ,
Дрожала въ лучѣ золотистомъ пчела.
Два духа слились въ расширеньи зрачковъ,
Душа, отвѣчая, съ душою была.

Я быстро, забвенно тебя цѣловалъ.
И красочно пѣла, въ мечтаньи звеня,
Цвѣточная длинная чаша-бокалъ,
Въ причастіи Солнца, Любви, и Огня.

ЯРОВИТЪ.

Я богъ Яровитъ, я весенній, и ярый,
Я съ браннымъ щитомъ разсѣваю удары,
Я богъ твой, и я зажигаю пожары
Среди облаковъ грозовыхъ.
Я тотъ, кто лѣса одѣваетъ листвою,
Кто кроетъ луга и поля муравою,
Кто молніей яркой и травкой живою
Пугаетъ и нѣжитъ живыхъ.

Я-богъ Свѣтловзоръ, распаленный и буйный,
Я въ вихряхъ являюсь, въ грозѣ многоструйной,
Въ цвѣтахъ, въ колокольчикахъ, буйный я, буйный,
Я въ хохотахъ, взрывахъ огня.
Я богъ Яровитъ, а иначе Ярило,
Я богъ твой, веселая вешняя сила,
Желай, чтобы мысль твоя бога любила,
Тотъ счастливъ, кто любитъ меня.

МІРОВАЯ КРАСОТА.

Царь-Огонь съ Водой-Царицей—
Міровая Красота.
Служитъ День имъ бѣлолицый,
Ночью нѣжитъ темнота,
Полумгла съ Луной-Дѣвицей.
Имъ подножье—три кита.

Безпредѣльность Океана
Учитъ умъ лелѣять ширь.
Превращаетъ въ садъ Морана
Свой кладбищенскій пустырь.
Въ серебристостяхъ тумана
Рдѣетъ камень Алатырь.

По лѣсной глухой дорожкѣ
Изумрудный вьется Змѣй.
Тамъ избушка курьи ножки,
Тамъ Яга, и тамъ Кощей.
Тамъ Царьки крутые рожки,
Тамъ Жаръ-Птица, жизнь очей.

Сѣрый волкъ горитъ глазами,
Земляники кустъ измятъ.
Плачутъ дѣвушки ночами,
Днемъ у нихъ же свѣтелъ взглядъ.
Царь сіяетъ въ вѣчномъ храмѣ,
А Царицу рѣки мчатъ.

Міръ двойной, и міръ единый,
Будто грѣхъ, а нѣтъ грѣха.
Предъ немеркнущей картиной
Литургія сновъ тиха.
Пламень въ Книгѣ Голубиной,
Пѣнье стройнаго стиха.

ИЗЪ СТРАНЫ КВЕТЦАЛЬКОАТЛЯ.

Братья мыслей, вновь я съ вами, я, проплывшій океаны,
Я прошедшій срывы, скаты голыхъ скалъ и снѣжныхъ горъ
Гордый жаждою увидѣть вѣчно-солнечныя страны,
Я принесъ для звучныхъ пѣсенъ новый красочный уборъ.

Я спою вамъ, часъ за часомъ, слыша вой и свистъ мятели,
О величіи надменномъ вулканическихъ вершинъ,
Я спою вамъ о колибри, я спою нѣжнѣй свирѣли,
О странѣ, гдѣ съ горъ порфирныхъ смотритъ кактусъ-испол

О странѣ, гдѣ въ чащѣ лѣса расцвѣтаютъ орхидеи,
Гдѣ полями завладѣли глянцевитости агавъ,
Гдѣ проходятъ ягуары, гдѣ шуршатъ подъ пальмой змѣи,
Гдѣ гремятъ цикады къ Солнцу, межь гигантскихъ пышныхъ т

О странѣ, гдѣ міръ созвѣздій предстаетъ инымъ узоромъ,
Гдѣ сіяетъ каждый вечеръ, символъ жизни, Южный Крестъ,
Гдѣ высоко, въ странномъ небѣ, опрокинуто предъ взоромъ
Семизвѣздье Скандинавовъ, Ursa Major льдяныхъ мѣстъ.

Слыша сѣверныхъ мятелей стоны, бреды, вскрики, шумы,
Въ часъ радѣній нашихъ зимнихъ, при мерцаніи свѣчей,
Я васъ вброшу въ дождь цвѣточный изъ владѣній Монтезумы,
Изъ страны Кветцалькоатля, изъ страны крылатыхъ змѣй.

МОЛИТВА КЪ СОЛНЦУ.

Солнце, Солнце, ты Богъ!
Безумцы гласятъ, будто ты есть небесное тѣло,
Будто ты только ликъ Божества.
Напрасны слова,
Прекрасна лишь страсть безъ предѣла,
Лишь счастье, лишь дрожь сладострастья, лишь сердце,
горѣніе, вздохъ.
О, Солнце, ты яростный Богъ!
О, Солнце, ты ласковый Богъ!

Ты сжигаешь степныя пространства,
Зажигаешь всѣхъ смуглыхъ людей,
Ты горишь, и лучисто твое постоянство,
Блѣдноликаго жарко пьянишь вовлеченьемъ въ легенду страстей,
Ты горишь, ты горишь безъ конца,
Ты поешь, и рождаются струны,
И поютъ, и колдуютъ сердца,
И красиво блаженство лица,
И влюбленность есть праздникъ души, праздникъ свадьбы,
сверкающе-юный.

Солнце, о, Солнце, ты Богъ золотой,
Дай чарованія снова и снова,
Умѣля еще, горячо-золотого,
Дай мнѣ упиться твоею мечтой.
Солнце, я твой, всѣ прошелъ я обманы,
Всѣ миновалъ я круги,
Солнце, возьми меня въ горнія страны,
Солнце, сожги!

У МАЙСКИХЪ РАЗВАЛИНЪ.

Еще не погасла Луна,
Но свѣтитъ румянцемъ разсвѣтъ.
И ярко Венера видна,
Царица блестящихъ планетъ.

Созданья великихъ вѣковъ,
Застыли руины Уксмаль.
Воздушны края облаковъ,
Безбрежна пустынная даль.

Здѣсь жили когда-то цари,
Здѣсь были жрецы пирамидъ.
Смотри, о, мечтанье, смотри,
Здѣсь жемчугъ легенды горитъ.

Здѣсь чудится памятный стихъ
О снѣ, что въ столѣтьяхъ исчезъ.
Пропѣлъ, и, изваянъ, затихъ,
Подъ тройственнымъ свѣтомъ Небесъ.

Въ безгласьи сѣдѣющихъ плитъ
Узорныя думы молчатъ.
И только немолчно звучитъ
Стоустое пѣнье цикадъ.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА.

Kat yacunah ma ya ma ya.
Майскія письмена.

Въ Паленке, межь руинъ, гдѣ Майская царица
Велѣла изваять безсмертныя слова,
Я грезилъ въ яркій зной, и мнѣ приснилась птица
Тѣхъ дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, съ хвостомъ нарядно-длиннымъ,
Какъ грезы—крылышки, ее зовутъ Квецаль.
Она живетъ какъ сонъ, въ горахъ, въ лѣсу пустынномъ,
Чуть взглянешь на нее—въ душѣ поетъ печаль.

Красива птица та, въ ней вешній цвѣтъ наряда,
Въ ней тонко-нѣжно все, въ ней сказоченъ весь видъ.
Но какъ колодецъ—грусть ея нѣмого взгляда,
И чуть ей скажешь что—сейчасъ же улетитъ.

Я грезилъ. Сколько лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій,
Сказать бы я не могъ—и для чего считать?
Мнѣ мнилось, межъ могилъ, рѣзвясь, играютъ дѣти,
И изумрудъ Квецаль не устаетъ блистать.

Гигантской зеленой переходило Море
Изъ края въ край Земли, волной росла трава.
Вдругъ дрогнулъ изумрудъ, и на стѣнномъ узорѣ
Прочелъ я скрытыя въ вазніи слова:—

„О, ты грядущихъ дней! Коль умъ твой разумѣетъ,
„Ты спросишь: Кто мы?—Кто? Спроси зарю, поля,
„Волну, раскаты бурь, и шумъ вѣтровъ, что вѣетъ,
„Лѣса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы—Земля!“

ОРХИДЕЯ.

Я былъ въ тропическихъ лѣсахъ,
Я ждалъ увидѣть орхидеи.
О, эти стебли точно змѣи,
Печать грѣха на лепесткахъ.

Того, что здѣсь грѣхомъ зовется,
Во мглѣ мѣшавшихъ дней.
О, гроздья жадныхъ орхидей,
Я видѣлъ, какъ вашъ стебель вьется.

Въ переплетенности стволовъ
Другъ друга душащихъ растеній,
Среди пьянящихъ испареній,
Я рвалъ любовный цвѣтъ грѣховъ.

Склонясь надъ чашей поцѣлуйной,
Въ раскатномъ рокотѣ цикадъ,
Вдыхалъ я тонкій сладкій ядъ,
Лелѣйно-зыбкій, многоструйный.

Какъ будто чей-то нѣжный ротъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ бредъ влюбленной феи,
Вотъ этотъ запахъ орхидеи
Пьянитъ, пьянитъ, и волю пьетъ.

ЗЕРКАЛО.

Я зеркало ликовъ земныхъ
И собственной жизни бездонной.
Я все вовлекаю въ свой стихъ,
Что взглянетъ въ затонъ углубленный.

Я властно маню въ глубину,
Гдѣ каждый воздушно-удвоенъ,
Гдѣ всѣ причащаются сну,
Гдѣ даже уродливый строенъ.

Тяжелая поступь живыхъ,
Предъ глубью мѣняясь, слабѣетъ.
Радѣніе силъ неземныхъ
Незримо, но явственно рѣетъ.

Душа ощущаетъ: „Тону“,
Глаза уливляются взору.
И я предаю тишину
Запѣвшему въ вѣчности хору.

ЗМѢИНОЕ ОТРОДЬЕ.

У Тифона на плечахъ
Сто головъ дракона.
Много блесковъ въ ихъ очахъ,
Дышитъ ревъ, и дышитъ страхъ,
На плечахъ Тифона.

Чу, мычанія быка,
Свистъ стрѣлы летящей,
Глотка львиная громка,
Песъ рычитъ изподтишка,
Вотъ завылъ, грозящій.

Съ оживленныхъ этихъ плечъ
Все Тифону видно,
Столкновенье вражьихъ встрѣчъ,
Онъ ведетъ съ женою рѣчь,
Слушаетъ Ехидна.

Горго-сынъ къ нему склоненъ,
Соучастникъ въ хорѣ,
И шуршитъ семья Горгонъ,
Двѣстиглазый ликъ Драконъ,
Свисты змѣй на морѣ.

НА ПИРАМИДѢ УКСМАЛЬ.

Свободна воля человѣка,
Разгульно бѣшенство страстей.
Спроси безумнаго Ацтека,
Спроси о цвѣтѣ орхидей.

О томъ, какъ много вспышекъ жадныхъ
Среди тропическихъ лѣсовъ.
О жатвахъ міра, странныхъ, страдныхъ,
Подъ громъ небесныхъ голосовъ,

Непостижимые изломы
Въ сердцахъ жрецовъ и палачей,
Разрывы, молніи, и громы,
И кровь, хмѣльная отъ лучей.

И кровь, и кровь, своя, чужая,
На высяхъ стройныхъ пирамидъ.
Гдѣ, свѣточъ безднъ, донынѣ, алая
Агава, хищный цвѣтъ, горитъ.

ПОДЪ ТѢНЬЮ КРЫЛЬЕВЪ.

Весьма давно, Отцы людей
Въ Странѣ Зеленыхъ Елей были,
Весьма давно, на утрѣ дней,
Смуглились лица всѣхъ отъ пыли.

Ванаэлева былъ вождемъ,
Людей сплотилъ онъ въ дикомъ краѣ,
Онъ Бѣлымъ-Бѣлымъ былъ Орломъ,
Онъ былъ владыкой цѣлой стаи.

Они пришли на Островъ Змѣй,
И отдохнули тамъ на склонахъ,
Весьма давно, на утрѣ дней,
Пришли на Островъ Змѣй Зеленыхъ.

И каждый былъ безстрашный мужъ,
И зорокъ былъ, и чуткъ каждый,
То было Братство Дружныхъ Душъ,
Проворныхъ душъ, томимыхъ жаждой.

Вапанэлева первымъ былъ,
Но въ Небѣ скрылся Бѣлокрылый,
За нимъ царемъ былъ Колливилъ,
Красиволикій, мощь надъ силой.

И Змѣи съ жалами пришли
Нагроможденьемъ изумруда,
Но растоптalъ ихъ всѣхъ въ пыли,
Свершилъ Красиволикій чудо.

Но такъ какъ Небо—красота,
Красиволикій скрылся въ тучахъ.
И сонмы къ намъ иныхъ Могучихъ
Спустились съ горнаго хребта.

Янотови, Свершитель правый,
И Птица Снѣжная, Чилиль,
И много ихъ, вѣнчанныхъ славой,
И много ихъ, чье имя—быль.

Когда владыки отходили,
Царя смѣнялъ достойный царь,
Чередъ давала сила силѣ,
И было вновь, какъ было встарь.

Восточный край былъ Краемъ Рыбы,
Закатный край былъ Край Озеръ,
И всѣ мельчайшіе изгибы
Въ горахъ и въ Морѣ видѣлъ взоръ.

Малѣйшій звукъ былъ живъ для слуха,
Считались дальніе шаги,
Къ родной землѣ прижавши ухо,
Мы точно знали, гдѣ враги.

Подъ тѣнью крыльевъ мы ходили,
Средь говорившихъ намъ стеблей.
Тотъ сонъ горѣлъ въ великой были,
Весьма давно, въ потокѣ дней.

КОЛДУНЪ.

Тяжелъ онъ не былъ, но высокъ,
Былъ полонъ думъ онъ безотвѣтныхъ,
И звался между Красноцвѣтныхъ,
Колдунъ, глядящій на Востокъ.

Онъ не писалъ узорныхъ строкъ,
Онъ не чертилъ гіероглифовъ,
Но много онъ оставилъ миѳовъ,
Колдунъ, глядѣвшій на Востокъ.

И онъ теперь отъ насъ далекъ,
Но, если возникаетъ тайна,
Мы знаемъ, былъ онъ не случайно,
Колдунъ, глядѣвшій на Востокъ.

И если молвишь ты намекъ,
Въ которомъ сердце сердца дышитъ,
Онъ здѣсь, мы знаемъ, насъ онъ слышитъ,
Колдунъ, глядящій на Востокъ.

ВОЖДИ КРАСНОЦВѢТНЫХЪ.

Одинъ звался—Любимый,
Онъ строилъ города,
Другой былъ—Скрытый въ дымы,
А третій былъ—Звѣзда.

Глядящій прозорливо,
Могучій Волкъ племенъ,
При немъ взростала нива,
Хотя былъ хищникъ онъ.

Нѣмая Память, Цѣльный,
Ныряющій до дна,
Зеленоглазъ Свирѣльный,
Знамена-имена.

Лазоревая Птица,
Захватистая Рысь,
Весельщикъ водъ, Зарница,
Какъ Боги вы сошлись.

Ступающій безгласно,
Поющая Змѣя,
Вы, мыслившіе страстно,
Вы, ласка бытія.

ПЕРИСТЫЙ ПЕРСТЕНЬ.

Колибри, малая Жаръ-Птица,
Рожденье Воздуха и грезъ,
Крылато-быстрая зарница.
Цвѣтная лакомка мимозъ.

Ты нѣжный перстень, ожерелье,
Перистый вѣнчикъ, золотой,
На свадьбѣ вольнаго веселья
Съ воздушно-пряною мечтой.

Колибри, малая Жаръ-Птица,
Ты фея въ царствѣ орхидей,
Ты Мексиканская царица,
И ты сильнѣе всѣхъ царей.

Промчались битвенные шумы,
И рой царей исчерпанъ весь,
И нѣтъ Ацтекамъ Монтезумы,
А ты, Колибри, здѣсь какъ здѣсь.

МЕКСИКАНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Заснулъ Чапультепекъ, роскошный паркъ Ацтековъ,
Растоптанныхъ въ борьбѣ за красные цвѣты.
Затихъ напрасный шумъ повторныхъ человѣковъ.
Созвѣздья дружныя сіяютъ съ высоты.

О чемъ ты думаешь, печальница нѣмая,
Ты, переплывшая Атлантику со мной,
Ты, встрѣтившая дни единственнаго Мая,
Какъ Море лучъ Луны—ласкающей волной.

Мы здѣсь съ тобой одни, намъ ближе тѣнь Кортеса,
Чѣмъ призраки друзей въ туманностяхъ Земли.
Къ намъ зовы не дойдутъ изъ Сѣвернаго лѣса,
Все, намъ привычное, растаяло вдали.

Воспоминанія, что призрачно-угрюмы,
Да не возстанутъ вновь изъ-за громады водъ.
Здѣсь агуэгуэтль, любимецъ Монтезумы,
Своей сѣдой листвой сложился въ мирный сводъ.

Воздушный вѣтерокъ въ вѣтвяхъ шуршитъ напѣвно,
Уйдемъ отъ нашихъ думъ, всецѣло, въ наши сны.
Вечерней Мексики лучистая царевна,
Венера манитъ насъ съ прозрачной вышины.

Богиня съ прядями волосъ лучисто-длинныхъ,
Венера влюблена попрежнему въ любовь,
И шлетъ намъ свѣтлый зовъ изъ тучекъ паутинныхъ:—
Горите, вы вдвоемъ, любите вновь и вновь.

А Ицтаксигуатль, вѣнчанная снѣгами,
И Попокатепетль, въ уборѣ изъ снѣговъ,
Свой горный и земной возносятъ ликъ предъ нами:—
Любите, вы вдвоемъ, довѣрьтесь власти сновъ.

ДОВРЕМЕННАЯ.

1.

Ты любишь только вѣрныя слова,
Ты видишь только вѣчныя сіянья,
Живешь, какъ первозданная листва,
Какъ первыхъ травъ роса и трепетанья.

Въ твоихъ глазахъ глубинный изумрудъ
Волны, узнавшей зыбь и высь впервые.
Ты съ нами, здѣсь, ты свѣтишься, вотъ тутъ,
Но между нами бездны вѣковыя.

2.

Помню, какъ ты въ первый разъ
Въ нашемъ зримомъ мнѣ предстала.
Это былъ вечерній часъ,
Раздѣляли люди насъ,
Но отъ глазъ до дальнихъ глазъ
Вдругъ незримость проблистала.

Съ кѣмъ тогда я говорилъ?
Я не помню. Съ безъимяннымъ.
Вдругъ въ душѣ я ощутилъ
Точно дальній звонъ кадилъ,
Умъ внезапно схваченъ былъ
Угаданьемъ слишкомъ страннымъ.

Я какъ въ сказкѣ поднялъ взоръ,
Я, глядя, застылъ какъ въ сказкѣ.
Простъ и строгъ былъ твой уборъ,
Вмигъ я вспомнилъ храмъ и хоръ,
Наша встрѣча—съ давнихъ поръ,
Рѣшена въ иной завязкѣ.

Помню, помню, ликъ Луны,
Надъ садами Атлантиды;
Островъ Вѣрныхъ; помню сны
Той Халдейской вышины;
Лабиринты, крутизны;
Строгость траурной Изиды.

Гдѣ-то, гдѣ-то—сердце, гдѣ?—
Въ этомъ, вмигъ живомъ. Когда-то,
Звѣзды плыли по водѣ,
Но, одной молясь Звѣздѣ,
Мы разстались, чтобъ вездѣ
Было сердце болью сжато.

И дрожала въ насъ тоска,
И въ безмѣрности печали,
Умирали мы вѣка,
Сохла, вновь была рѣка—
Гдѣ ты? Какъ ты далека!
Гдѣ ты?—Глазъ глаза искали.

И обманностью свѣтясь,
Многократно погасая,
Жилъ изъ вѣка въ вѣкъ алмазъ,
Но Звѣзда связала насъ:—
Ты моя на этотъ разъ!
Твой!—Порвалась цѣпь ночная.

Это я тебя убилъ
На высокомъ теокалли.
Я убитъ тобою былъ
Въ битвѣ равныхъ вѣчныхъ силъ.
Жизни цвѣтъ надъ тьмой могилъ,
Все я вижу, какъ въ кристаллѣ!

ЛЮБОВЬ.

Ты непостижная—какъ сонъ,
Моя любовь, любовь.
Твой голосъ эхомъ повторенъ,
И вновь къ любви—любовь.

Я не могу въ душѣ найти
Сравненій для очей,
Что стали звѣздами въ пути,
И манятъ въ міръ лучей.

Я не могу постичь очей,
Исчерпать этотъ взглядъ,
Въ нихъ излученіе ночей,
Въ нихъ звѣзды говорятъ.

Въ нихъ океанская волна,
Фіалки цвѣтъ лѣсной,
Глубинъ небесныхъ тишина,
Что спитъ—передъ грозой.

Въ нихъ зовъ къ морямъ безъ береговъ,
И безъ пути назадъ,
Напѣвность рунъ въ странѣ враговъ,
Свѣтящійся агатъ.

Въ нихъ глубь таинственныхъ криницъ,
Гдѣ спитъ неспѣтый стихъ,
Въ нихъ рой вѣковъ, въ нихъ крылья птицъ,
И взмахъ рѣсницъ густыхъ.

Въ нихъ тайный свѣтъ со всѣхъ могилъ,
Въ нихъ всей Земли стезя.
Но что бы я ни говорилъ,
Ихъ разсказать нельзя.

И что бы я ни помянулъ,
Въ душѣ прорвется вновь,
Какъ бы снѣговъ нагорныхъ гулъ,
Любовь—одна Любовь.

ЗМѢИНОЕ ЧИСЛО.

Восемь лучистыхъ планетъ,
Дважды четыре явивъ,
Да расцвѣтивши и нѣтъ,
Въ змѣйный сложились извивъ.

Какъ онъ пѣвуче-красивъ,
Какъ разноцвѣтно-хорошъ.
Сколько желтѣющихъ нивъ,
Какъ зазвѣздилася рожь.

Восемь, тебя не поймешь,
Можно тебя лишь любить.
Правда-ли ты или ложь,
Звѣздно ты вытекло нить.

Восемь, тебя сохранить
Вѣчность велитъ мнѣ, жезломъ.
Душу велитъ опьянить,
Этимъ змѣинымъ числомъ.

Восемь безсмертныхъ планетъ,
Два и четыре явивъ,
Тьму показали и свѣтъ,
Бурю стихій расцвѣтивъ.

Какъ онъ змѣино-красивъ,
Этотъ узывчивый хоръ,
Въ звеньяхъ ростущій порывъ,
Встрѣчныхъ страстей разговоръ.

Все сочетавши въ узоръ,
Въ полный баюканья плѣнъ,
Жемчугъ бросаютъ въ просторъ
Восемь поющихъ сиренъ.

Счастье и сладость измѣнъ,
Въ рдѣніи вѣчно-живомъ,
Замокъ безъ кровли и стѣнъ,
Сжатый змѣинымъ числомъ.

РОЗЫ.

Я видѣлъ много красныхъ розъ,
И розъ воздушно-алыхъ.
И Солнце много разъ зажглось
Въ моей мечтѣ, въ опалахъ.
Въ опальной лунной глубинѣ,
Въ душѣ, гдѣ вѣчный иней.
И много разъ былъ дорогъ мнѣ
Цвѣтъ Неба темно-синій.

Я видѣлъ много алыхъ розъ,
И розъ нагорно-бѣлыхъ.
И много ликовъ пронеслось
Въ умѣ, въ его предѣлахъ.

Мнѣ дорогъ умъ, какъ вѣчный кладъ,
Какъ полнота объема.
Но робко ласки въ немъ журчатъ,
И грубъ въ немъ голосъ грома.

Не разъ въ душѣ вставалъ вопросъ,
Зачѣмъ я вѣчно въ тайнахъ:—
Отъ бѣлыхъ розъ до черныхъ розъ,
И желтыхъ, нѣжно-чайныхъ.
Но только въ Индіи святой
Все понялъ я впервые:—
Тамъ полдень—вѣчно-золотой,
Тамъ розы—голубыя.

ВОЗЗВАНЬЕ КЪ БОГАМЪ.

Богъ Голубого Покрова,
Съ опушкой изъ бѣлыхъ снѣговъ,
Океанъ, повѣдай мнѣ слово,
Таящее сказку вѣковъ.

Богиня Одеждъ Изумрудныхъ,
Праматерь кошмарныхъ дней,
Колдунья сновъ безразсудныхъ,
Земля, говори же яснѣй.

Богъ Одеждъ Златоцвѣтныхъ,
Немеркнущій желтый цвѣтъ,
Радость дней безотвѣтныхъ,
Солнце, дай мнѣ отвѣтъ.

Богиня Одеждъ Опальныхъ,
Колдунья блѣдныхъ тѣней,
Вѣдунья рунъ изначальныхъ,
Луна, будь блѣднѣй, но нѣжнѣй.

Богиня Волосъ Лучистыхъ,
Царица двойной высоты,
Венера, изъ далей сквозистыхъ
Скажи, гдѣ тайникъ Красоты.

Такъ съ болью, отъ вѣка до вѣка,
Я къ Богамъ и Богинямъ взывалъ.
Но, смѣясь надъ мольбой Человѣка,
Потоплялъ меня плещущій валъ.

Земля мнѣ волчцы разстилала,
И вонзались мнѣ въ руки шипы.
И опять возникало начало,
Безконечность пустынной тропы.

И блуждала преступная сила,
И не разъ меня Солнце сожгло,
И Луна меня обольстила,
Завлекла, хоть свѣтила свѣтло.

Лишь одна мнѣ осталась Богиня,
Царица двойной высоты,
Венера, и съ нею пустыня,
И ужасъ одной Красоты.

БАГРЯНЕЦЪ.

Что тебѣ, мечтанье, надо,
Чтобъ отъ будней отдохнуть?
— Лишь не это. Что-нибудь.
Въ чуждыхъ странахъ дальній путь.
Многоцвѣтность. Колорадо.
Горъ пурпуровыхъ узоръ,
Съ нихъ нежданностью уступовъ.
Видъ—о, видъ хотя бы труповъ,

Лишь не братьевъ съ давнихъ поръ.
Пусть хотя бъ тигриный взоръ,
Но не добрый взоръ участья,
Утомившій какъ ненастье,
Какъ осеннихъ капель хоръ.
Вновь, какъ въ дѣтствѣ, вѣдать счастье,
Что въ Природѣ ты одинъ,
И какъ яркія запястья,
Какъ касанья сладострастья,
Чуять цвѣтъ иныхъ долинъ,
Гордость красочныхъ растеній,
Цвѣтъ багряныхъ сновидѣній,
Вспышку Майи, Колоринъ.

ЖЕНЩИНА-ЗМѢЯ.

Межъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтокъ найдется,
Что лучшимъ кажется цвѣткомъ.
Межъ пѣсенъ—вѣщая поется,
Межъ вскриковъ—Небо знаетъ громъ.
Есть Витцлипохтли межъ Богами,
Онъ самый страшный Богъ надъ нами,
Мечомъ онъ бьетъ, и жжетъ огнемъ.

Среди цвѣтовъ есть цвѣтъ агавы,
И сокъ его есть пьяность силъ,
Тотъ сокъ, исполненный отравы,
Кветцалькоатля опьянилъ.
И межъ огней есть дивно-синій,
И межъ Богинь—съ одной Богиней
Нашъ духъ не тщетно связанъ былъ.

Какъ между птицъ есть лебедь бѣлый,
Такъ Цигуакоатль, Змѣя,
Придя въ Ацтекскіе предѣлы,
Являла бѣлость бытія.

Ея движенья были нѣжны,
Ея одежды были снѣжны,
Ея воздушность—какъ ничья.

Но, если только въ темной ночи
Вставалъ тотъ нѣжно-бѣлый свѣтъ,
Восторгъ кого-то былъ короче,
И кто-то зналъ, что счастья нѣтъ.
И кто-то былъ въ переполохѣ,
И проносились въ высяхъ вздохи,
Какъ будто мчался Призракъ Бѣдъ.

И каждый зналъ, что часъ урочный
Закончилъ цѣлый рядъ судьбинъ.
И плакалъ воздухъ полуночный,
И души плакали низинъ.
То Цигуакоатль летѣла,
Змѣя, чье нѣжно было тѣло,
Она же—Матерь, Тонантцинъ.

И гдѣ всего сильнѣй шумѣли
Порывъ и стоны бытія,
Тамъ находили, въ колыбели,
Въ пеленкахъ, остріе копья.
И это было какъ святыня,
И знали, вотъ, была Богиня,
Была здѣсь Женщина-Змѣя.

ТЕЦКАТЛИПОКА.

Тецкатлипока, Богъ, нигдѣ
Не возникающій для взгляда,
Хотя онъ шествуетъ вездѣ,
На Небесахъ, въ исподахъ Ада,
И по Землѣ, и по Водѣ.

Глядящій пристально, и стройный,
Не гнется въ край добра, ни зла,
Но, жизнь любя, онъ любитъ войны,
И хочетъ, чтобъ жила стрѣла.
И потому онъ духъ раздора,
И онъ дразнитель двухъ сторонъ,
Чтобъ блескомъ вспыхнувшаго взора
Былъ мигъ текущій озаренъ.
Чтобъ трепетало пламя гнѣва
Чтобъ въ звукахъ браннаго напѣва
Былъ стукъ мечей, и свистъ копья.
Чтобы рыдала звонко дѣва
Надъ краснымъ цвѣтомъ Бытія.

ТЛАЛОКЪ.

Тлалокъ, Тлалокъ,
Стада привлекъ,
Стада тумановъ сбилъ и спуталъ.
Небесный сводъ былъ пустъ, широкъ,
Но встало облачко, намекъ,
И тучей весь онъ міръ облекъ,
И онъ грозой весь міръ окуталъ,
И у цвѣтовъ, румянясь, рты
Раскрылись жаркіе отъ жажды,
И пили жадные цвѣты,
И былъ въ блестящихъ брызгахъ каждый,
Былъ въ страсти красочный цвѣтокъ,
Былъ въ счастьи каждый лепестокъ,—
И, влажный, въ молніяхъ смѣялся,
Отважный, въ мірѣ быстро мчался,
Въ лугахъ и въ Небѣ расцвѣчался
Тлалокъ, Тлалокъ.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ.

Изумрудно-перистый Змѣй,
Изумрудно-перистый,
Рождающій дождь голосистый,
Сверканіе цѣнныхъ камней,
Пролетающій въ рощѣ сквозистой,
Среди засіявшихъ вѣтвей,
Веселый, росистый,
Змѣй!

Обвивающій звеньями рвущейся тучи,
Необъятный, весь небосклонъ,
Властелинъ четырехъ сторонъ,
Затемняющій горныя кручи,
Озаряющій молніей ихъ,
Крестообразнымъ огнемъ,
Смѣхомъ секундъ огневыхъ,
Смѣхомъ, звучащимъ какъ громъ,
Рождающій между вѣтвей
Шелесты, шорохъ, и звонъ,
Властелинъ четырехъ сторонъ,
Изумрудно-перистый Змѣй!

Міровой Чародѣй,
Возжеланьемъ своимъ
Ты на Сѣверъ, на Югъ,
На Востокъ и Закатъ,
Заковавши ихъ въ кругъ,
Чарованье пошлешь, въ темныхъ тучахъ агатъ
Загорится—и чу,
Полновѣсныя капли, въ ихъ пляскѣ гремятъ,
Точно выслалъ ты въ міръ саранчу,
Веселятся всѣ страны,

Обсидіаны,
Заостренныхъ въ разрывахъ, густыхъ облаковъ
Разъялись въ сверканьи лазурно-зеленомъ
Подъ звеньями Змѣя, который летитъ небосклономъ.

Міровой Чародѣй,
Дуновеньемъ своимъ
Ты дорогу метешь для Боговъ Воды,
И скопивъ облака, ихъ сгустивши какъ дымъ,
Одѣваешься въ яркость Вечерней Звѣзды,
Возвѣщаешь сліянье двухъ свѣтовъ земныхъ,
Изумрудно-перистый, зеленый,
Ты поешь лучезарнымъ дрожаніемъ стихъ,
И на вешніе склоны
Вечеръ спускается, нѣженъ и тихъ,
Ночи рождаются дальніе звоны,
Дня завершаются ропоты, шопоты, сказки огней и тѣней,
Свѣтится жемчугъ, зеркальность, затоны,
Зыби отшедшаго Дня все темнѣй,
Ночь все яснѣй отъ небесныхъ огней,
Богъ лучезарный двойного начала,
Богъ проплываетъ въ озерахъ опала,
Змѣй!

ОНЪ КОТОРЫЙ.

Онъ, который опрокинулъ
Свой лучистый ликъ,
Онъ, который міръ раздвинулъ,
Въ часъ какъ къ Ночи День поникъ,
Онъ, который міръ Пустыни,
Міръ Небесъ, гдѣ вѣчно, нынѣ,
Вѣчно тонетъ каждый крикъ,
Превратилъ во храмъ глубокій,
Въ сводъ святыни звѣздоокой,
Взоромъ пристальнымъ проникъ,

Онъ, что въ шапкѣ звѣздочета
Ясно видитъ Верхъ и Низъ,
Онъ, всемірный, звѣздный Кто-то,
Передъ кѣмъ міры зажглись,
Онъ, волшебный, онъ, который
Видитъ глубь, и видитъ взоры,
Глянулъ. Тише. Глянь. Молись.

ГОЛУБАЯ ЗМѢЯ.

Голубая Змѣя съ золотой чешуей,
Для чего ты волнуешь меня?
Почему ты какъ Море владѣешь Землей,
И кругомъ предстаешь какъ Эѳиръ міровой,
Съ безконечной игрою Огня?

Почему, для чего, Голубая Змѣя,
Ты горишь милліонами глазъ?
Почему безконечная сказка твоя,
Эти звенья, горѣнье, и мгла Бытія
Удушаютъ, возжаждавшихъ, насъ?

Мы едва захотимъ, Голубая Змѣя,
Какъ желанью ты ставишь предѣлъ.
Зашуршитъ, загорится твоя чешуя,
И окончилось—Мы, или Онъ, или Я,
Ты костеръ зажигаешь изъ тѣлъ.

Голубая Змѣя съ золотой чешуей,
Я еще не забылъ Вавилонъ.
Не забылъ теокалли съ кровавою мглой
Надъ родимой моею, надъ Майской землей,
Гдѣ возлюбленъ былъ сердцемъ Драконъ.

Я еще не забылъ ни Египетъ родной,
Ни подсолнечникъ вѣчный, Китай.
Ни того, какъ я въ Индіи, мучимъ Судьбой,
Лотосъ Будды взростилъ, мой расцвѣтъ голубой,
Чтобъ взойти въ нетревожимый Рай.

Голубая змѣя съ золотой чешуей,
Я тревожиться буду всегда.
Но зачѣмъ я тебѣ, о, Драконъ міровой?
Или ты лишь тогда и бываешь живой,
Какъ во мнѣ океаномъ—Бѣда?

ЗОЛОТО-МОРЕ.

Есть Золото-Море.
На Золотѣ-Морѣ,
Которое молча горитъ,
Есть Золото-Древо,
Оно одиноко
Въ безбрежномъ горѣньи стоитъ.

На Золотѣ-Древѣ
Есть Золото-Птица,
Но когти желѣзны у ней.
И рветъ она въ клочья
Того, кто ей нелюбъ,
Межъ красныхъ и желтыхъ огней.

Есть Золото-Море.
На Золотѣ-Морѣ,
Бѣлъ Камень, бѣлѣя, стоитъ.
На Камнѣ, на бѣломъ,
Сидитъ Красна Дѣва,
А Море безбрежно горитъ.

На Золотѣ-Морѣ,
Подъ Камнемъ, подъ бѣлымъ,
Подъяты желѣзны врата.
Сидитъ Красна Дѣва,
Подъ нею—глубины,
Подъ камнемъ ея—темнота.

И Золото-Море
Сверкаетъ безбрежно,
Но въ глубь опускается трупъ.
То Красная Дѣва
Въ бездонности топитъ
Того, кто ей вправду былъ любъ.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ-ВОТАНЪ.

Созвѣздье Южнаго Креста
Сіяло надо мной.
Была воздушна темнота
Съ шумящею волной.

Усумасинтою я плылъ,
Могучею рѣкой,
Несущій свѣжесть влажныхъ силъ,
Какъ всѣ, въ просторъ морской.

Усумасинтою я плылъ,
Рѣкою Майскихъ странъ,
Гдѣ сотни лѣтъ назадъ скользилъ
Въ своей ладьѣ Вотанъ.

То былъ таинственный пришлецъ.
Строитель Пирамидъ.
Остатокъ ихъ, его вѣнецъ,
Сномъ длительности спитъ.

То былъ возлюбленникъ волны,
Чье имя влажно—Атль.
Пророкъ, въ зеркальность вливший сны,
Драконъ Кветцалькоатль.

Онъ научилъ чужихъ людей,
Кветцалькоатль-Вотанъ,
Что пламень ласковыхъ лучей
Живымъ для жизни данъ.

Что на уступахъ Пирамидъ
Не кровь цвѣсти должна.
И вотъ на выси твердыхъ плитъ
Вошла въ цвѣтахъ Весна.

Душистость красочныхъ цвѣтовъ
И благовонный дымъ
И звучный зовъ напѣвныхъ словъ
Навѣки слиты съ нимъ.

Онъ былъ, прошелъ, онъ жилъ, любилъ,
Среди лѣсистыхъ мѣстъ,
Оставивъ символъ вешнихъ силъ,
Равносторонній крестъ.

Ушелъ, но вторитъ высота,
Надъ тишью Майскихъ странъ,
Созвѣздьемъ Южнаго Креста,
Что здѣсь прошелъ—Вотанъ.

БОГЪ ЦВѢТОВЪ.

Мы не видимъ корней у цвѣтовъ,
Видимъ только одни лепестки.
И не знаемъ ихъ медленныхъ сновъ,
Ихъ тягучей и долгой тоски.

И не надо намъ видѣть его,
Сокровеннаго таинства тьмы.
Нужно видѣть одно торжество,
Предъ которымъ такъ счастливы мы.

Богъ Цвѣтовъ, ты великій поэтъ,
Ты насъ вводишь легко въ Красоту.
Слава тайнѣ, скрывающей слѣдъ,
Слава розамъ и грезамъ въ цвѣту!

ОНЪ ГЛЯДѢЛЪ.

Онъ глядѣлъ въ глубинность водъ.
Онъ глядѣлъ въ нѣмыя зыби,
Гдѣ возможно жить лишь рыбѣ,
Гдѣ надземный не живетъ.
Онъ глядѣлъ въ лазурность водъ,
И она являла чудо,
Доходя до изумруда,
Что цвѣтетъ, и вотъ, плыветъ.
Онъ глядѣлъ на дно. Оттуда
Восходила тайно власть,
И звала туда упасть.
Тамъ была сокровищъ груда,
Рой тамъ чудился тѣней
Потонувшихъ кораблей.
Онъ глядѣлъ. Зрачки чернѣли.
Расширялся малый кругъ.
Колдовала страсть. И вдругъ,
Словно пѣлъ напѣвъ свирѣли.
Добровольно, тотъ, кто смѣлъ,
Какъ чужою волей кинутъ,
Опускался въ глубь, въ предѣлъ,
Гдѣ, мерцая, рыбы стынутъ,

Тотъ тонулъ. А онъ глядѣлъ.
Расширенными глазами
Онъ смотрѣлъ въ подвижность струй.
Въ нихъ какъ будто голосами
Кто-то жилъ, и поцѣлуй
Тамъ горѣлъ, дрожа огнями.
Съ драгоцѣнными камнями
Утонувшій выплывалъ.
Съ огнецвѣтомъ, съ жемчугами,
Съ аметистомъ, жилъ опалъ.
Онъ глядѣлъ, какъ тотъ смѣялся
Надъ подарками зыбей.
Но душой не съ нимъ сливался,—
Съ ликомъ мертвыхъ кораблей.
И въ глазахъ его, какъ въ чудѣ,
Что-то было тамъ вдали,
Вѣялъ парусъ, плыли люди,
Убѣгали корабли.
Путь до нихъ обозначался
Черезъ глубь его очей.
О, недаромъ межь людей,
Онъ недаромъ назывался
Открывателемъ путей.

ГРЕБЕЦЪ.

На главѣ его смарагдовый вѣнецъ.
Пѣснь потаенная.

Мнѣ привидѣлся корабль, на кораблѣ сидѣлъ гребецъ,
На главѣ его златистой былъ смарагдовый вѣнецъ.
И въ рукахъ своихъ онъ бѣлыхъ не держалъ совсѣмъ весла,
Но волна въ волну втекала, и волна его несла.
А въ рукахъ гребца, такъ видѣлъ я, лазоревый былъ цвѣтъ,
Этотъ цвѣтъ произрастеньемъ былъ не нашихъ зимъ и лѣтъ.

Онъ съ руки своей на руку перекидывалъ его,
Переманивалъ онъ души въ кругъ вліянья своего.
Въ кругъ сіянія смарагда и лазоревыхъ цвѣтовъ,
Измѣнявшихъ нѣжной чарой синеву безъ береговъ.
Съ снѣговыми парусами тотъ корабль по морю плылъ,
И какъ будто съ каждымъ мигомъ въ Солнцѣ больше было силъ
Будто Солнцу было любо разгораться безъ конца,
Было любо синю Морю уносить въ просторъ гребца.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Мы уйдемъ... 5

1. Въ яркихъ брызгахъ.

Дважды рожденные 9
Съ вѣтрами 9
Хмѣльное Солнце 10
Вино 11
Пчела 11
Хаосъ 11
Скрипка 12
Мысли сердца 13
Взводень 13
Хмѣль 14
Царь царю 15
Стихъ вѣнчальный 17
Цвѣтная перевязь 17
Блестящія мухи 18
Мой домъ 18
Трава-хвалиха 18
Семицвѣтный мостъ 18
Бѣлая панна 20
Солнце 21
Съ высокой башни 21
Въ яркихъ брызгахъ 22

2. Зеленые святки.

Зеленые Святки 25
Первовѣсть 25
На грани 26
Свѣтлое-темное 26
Три молота 27
Лада 27

Стр.

Праздникъ вербы 28
Любъ-трава 29
Воздушность 30
Лѣтній снѣгъ 30
Красная горка 31
Жемчужинѣ 32
Царевна-Недотрога 32
Роса 33
Онъ мнѣ снился 34
Роза-шиповникъ 35
Юной Кубанкѣ 35
Ты далеко 35
Муха 36
Солнечникъ 36
Искра 38
Купальницы 38
Хвалите 39

3. Преломленіе.

Преломленіе дня 43
Теремъ міра 43
Родное 44
Было—будетъ 44
Драмы міра 45
Городъ 46
У Моря 46
Морское 47
Птицы 48
Путь 48
Счастливъ... 49
Морскія розы 49
Птица мести 49
Литовская пѣсня 50
Заря 51
Жалоба къ цвѣтку 52
Влюбленность 53
Вѣроломный 53
Измѣна безъ измѣнника 54
Теремный умъ 55
Охотникъ 55
Двойственный часъ 56
Три коня 57

4. Ожерелье.

Стебель придорожный . . . . . .
Червонные Святки . . . . . .
Золотая парча . . . . . .
Божья . . . . . .
Зеленый, красный, черный . . . . . .
Три камня . . . . . .
Молитва къ Лунѣ . . . . . .
Тайна жемчуговъ . . . . . .
Не вернувшійся . . . . . .
Заклятые . . . . . .
Опрокинутый кубокъ . . . . . .
Заклинаніе Стихій . . . . . .
Завершенность . . . . . .
Запорожская дружина . . . . . .
Звукъ изъ таинствъ . . . . . .
Островъ . . . . . .
Слово о Судьбѣ . . . . . .
Облачная лѣстница . . . . . .
Праздникъ Неба . . . . . .

5. Руны ночи

Пошутитъ... . . . . .
Руны Ночи . . . . . .
Змѣиная свѣча . . . . . .
Переброшенныя звенья . . . . . .
Заклинаніе Воды и Огня . . . . . .
Хвоя . . . . . .
Заклятіе Мѣсяца . . . . . .
Зачарованіе . . . . . .
Слово къ тремъ птицамъ . . . . . .
Слово отъ змѣй . . . . . .
Слово отъ змѣинаго яда . . . . . .
Ты хочешь? . . . . . .
Туманный конь . . . . . .
Двѣ воды . . . . . .
Желай . . . . . .
Огненная межа . . . . . .
Свадьба Воды и Огня . . . . . .
Руны . . . . . .
Духъ Древа . . . . . .

6. Морана.

Стр.

Морана 91
Ткачиха 91
Черезъ столѣтія столѣтій 92
Три души 93
Міровая паутина 94
Долины сна 94
Тѣнь 95
Надъ вѣчною страницей 95
Круговой вертепъ 98
Причастіе Ночи 99
Свѣтъ прорвавшійся 99
Нашъ танецъ 102
Осень 103
Хрустальный воздухъ 103
Прощай 104
Поля вечернія 104
Створки раковинъ 104
Не погасай 105
Тѣлесность 105
Возгласъ боли 106
Живому отъ вѣчно-живого 106
Звѣзда къ звѣздѣ 107
Бѣлый звонъ 107
Разъединенные 109
Одежда души 110
Хрустальные звоны 110
Косогоръ 111
Это ли? 111
Усни 112
Звѣздное тѣло 112

Майя.

Цвѣтокъ лиловатый 117
Яровитъ 117
Міровая Красота 118
Изъ страны Кветцалькоатля 119
Молитва къ Солнцу 120
У Майскихъ развалинъ 121
Изумрудная птица 121
Орхидея 122

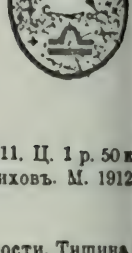
Стр.

Зеркало 123
Змѣиное отродье 124
На пирамидѣ Уксмаль 124
Подъ тѣнью крыльевъ 125
Колдунъ 127
Вожди Краснощвѣтныхъ 127
Перистый перстень 128
Мексиканскій вечеръ 129
Довременная 130
Любовь 132
Змѣиное число 133
Розы 134
Воззванье къ богамъ 135
Багрянецъ 136
Женщина-Змѣя 137
Тецкатлипока 138
Тлалокъ 139
Кветцалькоатль 140
Онъ, Который 141
Голубая Змѣя 142
Золото-Море 143
Кветцалькоатль-Вотанъ 144
Богъ цвѣтовъ 145
Онъ глядѣлъ 146
Гребецъ 147

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»



I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегіи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина.) М. 1908. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданія.) Изд. 3-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце.) Изд. 3-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV. (Только Любовь.) Печатается.

Томъ V. (Литургія Красоты.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. (Жаръ-Птица.) Фронтисписъ К. Сомова. (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ.) Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ X. (Хороводъ Временъ.) М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1892 — 1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892—1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse Tertia Vigilia.) Вторая тысяча. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos.) Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы.) Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909 — 1912 г. Обложка Д. Митрохина. М. 1912 г. Ц. 2 р.

Ив. Буниновъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 191 Ц. 1 р. 50 к.

вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы.) Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ — 1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ ц. 3 р. 50 к.)

. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

. Кузминъ. Осеннія Озера. Вторая книга стиховъ. (Печатается).

в. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.)

иколай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к. (Наложенъ арестъ).

едоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

скаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.

ольтъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 80 к. (Наложенъ арестъ).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

алерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипіи). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

алерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

ндрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Берделея. М. 1904 Ц. 75 к.

ндрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

нутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ.) Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

агадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 40 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
Томъ III. Страшные разсказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.)
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ. чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

А. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лерберг. Панъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лерберг. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Паранельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай".) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ и т. д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики Съ 43 рис. во всю страницу. М. 1910 г. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 руб.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла.—Обри Бердслей. Застольная болтовня. Избранныя мѣста изъ писемъ.—Подробная иконографія и библіографія. —Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 30) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло. (Печатается).

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2 изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Воспоминанія, наблюденія, мысли. М. 1912.

Валерій Брюсовъ. Aurea Roma. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. (Готовится).

В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансонъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда (Готовится).

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 1 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма К. Д. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытыя сокровища", очеркъ К. Бальмонта, „Голландка Лиза", комедія М. Кузмина, „Подъ Павловымъ щитомъ", разсказъ Б. Садовского, „Аполлонъ и мышь", статья М. Волошина, „Шумъ смерти", разсказъ З. Гиппіусъ, „Подземное жилище", поэма Валерія Брюсова, „Семь земныхъ соблазновъ", главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина. Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30стр. текста+ 70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова (фототипіи и литографіи). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ" напечатаны стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей:

Рене Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Рене Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, П. Рукавишникова, Б. Садовскаго, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова, Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ", нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія —40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (**безъ 1907 г.**)— 27 руб., безъ пересылки; **1907 г. отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена, и 2-й части „Cor Ardens" Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ — при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ": **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв.** 23 (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ" **Петербургъ, Садовая, 18.**

К. Д. Бальмонтъ.

Balmont, Konstantin dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХО

т. 10

Томъ Десятый

Хороводъ Временъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВ
„СКОРПІОНЪ“ 1909

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.
1909.

Хороводъ Временъ

ВСЕГЛАСНОСТЬ

[illegible] —[illegible]

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Посвящаю эти строки матери моей
Вѣрѣ Николаевнѣ Лебедевой-Бальмонтъ,
Чей предокъ былъ
Монгольскій Князь
Бѣлый Лебедь Золотой Орды.

1.

Конь къ коню. Гремитъ копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
Въ летѣ коршуна не тронь.

Да и лебедя не трогай,
Бѣлый Лебедь заклюетъ.
Гей, дорога! Ихъ у Бога
Столько, столько—звѣздный счетъ.

2.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Отъ снѣговъ до лѣтней пыли, отъ цвѣтовъ до льда.

Мы тамъ были, вотъ мы здѣсь, вѣчно здѣсь,
Степь какъ плугами мы взрыли, взяли округъ весь.

Мы здѣсь были, что то тамъ, что вонъ тамъ?
Глянемъ въ чары, намъ пожары свѣтятъ по ночамъ.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши—долы, наши—рѣки, села, города.

3.

Для чего же и данъ намъ размахъ крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздухъ отъ свиста крылъ
Былъ видѣньемъ крылатыхъ силъ.

И закроемъ мы Мѣсяцъ толпой своей,
Пролетимъ, онъ блеснетъ свѣтлѣй.
И на мигъ мы у Солнца измѣнимъ видъ,
Станетъ ярче небесный щитъ.

Отъ звѣзды серебра до другой звѣзды—
Нашъ полетъ Золотой Орды.
И какъ будто за нами бѣжитъ бурунъ,
Гулъ серебряно-звонкихъ струнъ.

Отъ червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цвѣты всегда,
Золотая живетъ Орда.

4.

Конь и птица—неразрывны,
Конь и птица—быстрый бѣгъ.
Какъ вдали костры призывны!
Поспѣшаемъ на ночлегъ.

У костровъ чернѣютъ тѣни,
Приготовлена ѣда.
Въ быстромъ бѣгѣ измѣненій
Мы найдемъ ее всегда.

Нагруженные обозы—
Въ ожиданіи нѣмомъ.
Безъ вѣщательной угрозы,
Что̀ намъ нужно, мы возьмемъ.

Тѣни ночи въ ночь и прянутъ,
А костры оставятъ намъ.
Если жь биться съ нами станутъ,
Смерть нещадная тѣнямъ.

Дѣти Солнца, мы приходимъ,
Чтобы алый цвѣтъ расцвѣлъ,
Быстрый счетъ мы съ міромъ сводимъ,
Вводимъ волю въ произволъ.

Тамъ гдѣ были раздѣленья
Заблудившихся племенъ,
Входимъ мы какъ цѣльность пѣнья,
Какъ одинъ прибойный звонъ.

Кто послалъ насъ? Намъ безвѣстно.
Тотъ, кто выслалъ саранчу,
И велѣлъ дома, гдѣ тѣсно,
Поджигать своимъ „Хочу“.

Что ведетъ насъ? Воля кары,
Измѣненье вещества.
Паряжаяся въ пожары,
Ночь свѣтла и ночь жива.

А потомъ? Потомъ недвижность
Въ должный часъ убитыхъ тѣлъ,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршунъ пролетѣлъ.

Прилетѣлъ и сѣлъ на крышѣ,
Чтобы каркать для людей.
А свободнѣе, а выше—
Стая бѣлыхъ лебедей.

5.

Ночь осенняя темна, ужь такъ темна,
Закатилась круторогая Луна.

Не видать ея, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звѣздныхъ есть лучей.

Вонъ, раскинулись узоромъ круговымъ,
Звѣзды, звѣзды, многозвѣздный бѣлый дымъ.

Упадаютъ. Въ ночь осеннюю съ Небесъ
Не одинъ свѣтильникъ радостный исчезъ.

Упадаютъ. Почему, зачѣмъ, куда?
Вотъ, была звѣзда. И гдѣ она, звѣзда?

Возсіяла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звѣздой.

А Дорога-Путь, Дорога душъ горитъ.
Говоритъ душѣ. А что же говоритъ?

Или только вотъ, что есть Дорога птицъ?
Мнѣ ужь мало убѣганій безъ границъ.

Мнѣ ужь мало взять костры, разбить обозъ,
Мнѣ ужь скучно отъ росы повторныхъ слезъ.

Мнѣ ужь хочется двухъ звѣздныхъ близкихъ глазъ,
И покоя въ лебедино-тихій часъ.

Гдѣ-жь найду ихъ? Гдѣ, желанная, она?
Ночь безлунная темна, ужь какъ темна.

Гдѣ же? Гдѣ жо? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Свѣтятъ звѣзды, не просвѣтятъ въ мірѣ тьму.

Упадаютъ. За чредою череда.
Вотъ, была звѣзда. А гдѣ она, звѣзда?

6.

— Гдѣ же ты? Тебя мы ищемъ.
Завтра къ новому летимъ.

— Быть безъ отдыха—быть нищимъ.
Что́ мнѣ новый дымъ и дымъ!

— Гей, ты шутишь? Или—или—
Оковаться захотѣлъ?

— Лебедь бѣлый хочетъ лилій,
Коршунъ хочетъ мертвыхъ тѣлъ.

— А не ты-ли красовался
Въ нашей стаѣ лучше всѣхъ?

— Въ утрѣ—день былъ, мракъ качался.
Не смѣюсь, коль замеръ смѣхъ.

— Гей, зачахнешь здѣсь въ затонѣ.
Бѣлый Лебедь, улетимъ!

— Лучше въ собственномъ быть стонѣ,
Чѣмъ грозой идти къ другимъ.

— Гей, за степи! Бросимъ, кинемъ!
Бѣлый Лебедь измѣнилъ.—

Скрылись стан въ утрѣ синемъ.
Въ Небѣ синемъ—звонъ кадилъ.

7.

— Полоняночка, не плачь.
Свѣтоглазочка, засмѣйся.
Ну, засмѣйся, змѣйкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только бъ счастья.
Поле счастья—безъ межи.

О, свѣтлянка, поцѣлуй!
Дай мнѣ сказку поцѣлуя!
Лебедь хочетъ жить ликуя,
Бѣлый съ бѣлой въ брызгахъ струй.

Поплывемъ,—не утоплю.
Возлетимъ,—коснусь крылами.
Выше. Къ Солнцу! Солнце съ нами!
— Лебедь... Бѣлый... Мой... Люблю...

8.

рокинулись рѣки, озера, затоны хрустальные,
Въ просвѣтленность Небесъ, гдѣ несчетности Млечныхъ путей.
тятъ въ ночи веселыя, въ мертвыя ночи, въ печальныя,
Разновольность людей обращаютъ въ сліянность ночей.

И горятъ, и горятъ. Были вихрями, стали кадилами.
Стали бездной свѣчей въ кругозданности храмовъ ночныхъ.
Моремъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Стали стаями птицъ, бѣлокрылыми.
И, срываясь, поютъ, что внизу загорятся какъ стихъ.

Упадаютъ съ высотъ, словно медъ, предугаданный пчелами.
Изъ невидимыхъ сотъ за звѣздой упадаетъ звѣзда.
Въ души къ малымъ взойдутъ. Запоютъ, да пребудутъ веселыми.
И горятъ какъ цвѣты. И горитъ Золотая Орда.

1908. Ночи Зимнія.
Долина Березъ.

ТРИНАДЦАТЬ ЛУНЪ.

I.

ЯНВАРЬ.

Славянскій Просинецъ, въ сосулькахъ весь, Январь,
Какъ будто Новый Годъ, какъ будто смотритъ въ старь,
Поставленъ Декабремъ, и словно въ правду царь.

Морозитъ, и казнитъ, и носитъ горностай,
Пощады отъ него въ лѣсу не ожидай,
А все же знаетъ самъ, что будетъ Мартъ и Май.

Хотя у Января и дологъ бѣлый зубъ,
Хоть золотомъ лучей по-старчески онъ скупъ,
Труби въ мятель-трубу,—что̀ толку въ ревахъ трубъ?

Едва Январь вошелъ въ хрустальный свой дворецъ,—
Раскрыла чуточку Весна цвѣтной ларецъ,
И стали дни расти и пѣть Зимѣ конецъ.

Поютъ они, поютъ, и лучъ на нихъ блеснетъ,
Поютъ они, что вотъ снѣжинкамъ спутанъ счетъ,
Что льды-то хороши, а таютъ все-жь и ледъ.

И слушаетъ Январь, блѣднѣетъ, побѣлѣлъ,
Синѣетъ, весь застылъ, увидѣлъ свой предѣлъ,
Такъ, Просинецъ, синѣй, конецъ тебѣ приспѣлъ.

II.

ФЕВРАЛЬ.

Февраль—Сѣчень, Февраль—печаль,
Короткій день, а дня намъ жаль,
Короткій день, и длится ночь.
Тутъ какъ мѣнять? Тутъ какъ помочь?

Февраль, онъ крутъ, Февраль, онъ лютъ,
Ему лишь вѣтры стихъ поютъ.
Сѣчетъ онъ снѣгомъ лица намъ,
Сѣчетъ онъ зиму пополамъ.

Февраль—предатель. Бойся тотъ,
Кому Февраль тепломъ дохнетъ.
Онъ грѣетъ часъ, въ обманахъ дней,
Чтобъ ночью было холоднѣй.

III.

МАРТЪ.

Мартъ капризный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ,
Мѣсяцъ тотъ, что предъ Апрѣлемъ—такъ его, боясь, крестятъ.

Стонутъ мартовскія кошки, въ нашемъ сердцѣ и на крышѣ,
И сказать намъ невозможно, гдѣ свирѣпѣе, гдѣ тише.

Мартъ у матери взялъ шубу—продалъ мѣхъ на третій день,
Мартъ невѣрный, Мартъ смѣется, Мартъ рыдаетъ, свѣтъ и тѣнь.

Мартъ ворчитъ какъ старый старецъ, Мартъ лепечетъ какъ ребенокъ,
Мартъ приходитъ львомъ могучимъ, а уходитъ какъ ягненокъ.

Входитъ въ кровь и въ сновидѣнья, влажнымъ дѣлаетъ нашъ взглядъ,
Мартъ безумный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ.

IV.

АПРѢЛЬ.

Апрѣль—разымчивый Цвѣтень,
Апрѣль—сплошной Егорьевъ день,
Въ упорной схваткѣ свѣтъ и тѣнь.

Пучинный мѣсяцъ, живъ приливъ,
Разливъ широкъ, потокъ красивъ,
Отъ мига—часъ для новыхъ нивъ.

Послѣднихъ льдинокъ тонкій звонъ,
Прилетъ крылатыхъ завершенъ,
Поютъ и вьютъ, вступаютъ въ сонъ.

Но все жь, хоть много сновъ зажглось,
Двѣнадцать разъ сѣдой Морозъ
Посеребритъ луга, откосъ.

И будетъ рыжая Луна,
Врагиня грезъ, она страшна,
Цвѣтамъ въ ней ржавчина одна.

Но если холодъ—лиходѣй,
Егорій есть въ разливѣ дней,
Защита травъ, полей, звѣрей.

На бѣломъ ѣздитъ онъ конѣ,
И щитъ его въ живомъ огнѣ,
Сѣдло въ цвѣточной пеленѣ.

Онъ появляется въ лѣсахъ,
Весь въ красномъ золотѣ, въ звѣздахъ,
Златые кудри—въ жемчугахъ.

И звѣрю онъ даетъ наказъ,
Пчелѣ велитъ, чтобы зажглась,
Покинувъ улей въ ранній часъ.

Егорій ѣдетъ—слышишь громъ?
Егорій рушилъ водоемъ,
Егорій, пѣснь тебѣ поемъ.

V.

МАИ.

Май, Май,
Свѣтлый рай,
Обнимай да не замай.
Май, Май,
Цвѣтничокъ,
Въ рощѣ свѣтленькій лужокъ.

Май, Май,
Свѣжій сонъ,
Колокольцевъ нѣжный звонъ.
Ландышъ здѣсь,
И ландышъ тутъ,
Это ландыши поютъ.

Май, Май,
Нѣжный весь,
Шопотъ тамъ, и смѣхи здѣсь.
Какъ струна,
Изъ вѣтвей,
Звонко кличетъ соловей.

Май, Май,
Ты—Весна,
Ты—окошко для зерна.
Вдругъ пошлешь
Даже снѣгъ,
На часокъ, для большихъ нѣгъ.

Май, Май,
Ты хорошъ,
Не забылъ ни цвѣтъ, ни рожь.
Май, Май,
Ты—уста,
Трепетъ тѣла, красота.

Май, Май,
Въ коноплю,
Въ ленъ влагаешь ты „Люблю“.
Сказокъ рай,
Урожай,
Поцѣлуй насъ, Май, Май.

VI.

ІЮНЬ.

Іюнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просвѣтленная.
Кто родится въ Іюнѣ, никакъ одному не сумѣетъ помочь:
Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза влюбленная,
Душа его будетъ безсонная.

Въ зеленомъ Іюнѣ цвѣтутъ всѣ цвѣты,
Густѣетъ осока прохладными свитками,
Бѣлѣетъ купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
Дрема навѣваетъ вѣщательность сонной мечты,
О маленькомъ счастьи безмолвную рѣчь съ маргаритками
Ведетъ незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь ли ты?“
Цвѣтетъ и влюбляетъ ночная фіалка пахучая,
И рдѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
Кто въ Іюнѣ войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его сладостно мучая,
Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
Эти сны, лепестки, и душа его станетъ пѣвучая,
Расцвѣченная, жгучая.

И въ Іюнѣ, въ Иванову ночь,
Онъ искать будетъ папороть-цвѣтъ,
На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
На вопросъ, что, мелькнувъ, ужь не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная

Дастъ, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянія, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папороть-цвѣтъ, излучившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣснь задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала безсонная.

VII.

ІЮЛЬ.

Іюль—верхушка Лѣта,
Въ поляхъ, въ сердцахъ—страда.
Въ цвѣту—всѣ волны свѣта,
Цвѣтетъ—сама вода.

Цвѣтетъ все ярко-ярко,
Расплавленъ самый день,
Все дышетъ жарко-жарко,
Жужжитъ, и жжетъ слѣпень.

Въ Іюлѣ хоть раздѣнься,
Не станетъ холоднѣй.
Гроза, вскипи и вспѣнься,
Спусти дождей съ цѣпей.

Такъ ноютъ ноги, руки,
О, Лѣта переломъ,
Мнѣ легче эти муки,
Когда я съ кѣмъ вдвоемъ.

Сіяй же мнѣ, зарница,
И молніей мнѣ будь,
Лети же въ сердце, птица,
Открой мнѣ въ Вѣчность грудь.

Греми же, колесница
Вѣнчаннаго Ильи,
Окутай, огневица,
Всѣ помыслы мои.

VIII.

АВГУСТЪ.

Зарничникъ, Заревъ, Ленорость,
Дожать, вспахать, посѣять,
Пожары селъ, паденье звѣздъ,
Пожары листьевъ, звѣздный мостъ.
Куда? И что лелѣять?

Серпы нагрѣты, а свѣжѣй,
Чѣмъ было тамъ, въ Іюлѣ,
Всѣ пѣсни спѣты, и слышнѣй,
Чѣмъ пѣсня, крики журавлей,
Вонъ, въ Небѣ потонули.

Усѣкновеніе главы
Великаго Предтечи,
Успенье, Спасы, всѣ-ли вы
Собрали все съ стеблей травы,
И всѣ ль свершились встрѣчи?

Намъ много ль яблоковъ дано,
Орѣховъ, урожая?
Копейка, хлѣбъ, закромъ, гумно,
И снова брошено зерно,
И озимь—вотъ, живая.

Но были ласточки—и нѣтъ,
Цвѣтокъ пылалъ—и гдѣ же?
Онъ въ листьяхъ, въ мертвыхъ—пламецвѣтъ,
Стригутъ овецъ, и Годъ одѣтъ,
Но рѣже Солнце, рѣже.

IX.

СЕНТЯБРЬ.

Вовсе Лѣто проводили,
И какъ будто легче намъ,
Все скосили, въ полной силѣ,
Все пожали, по домамъ.

Вѣтерки отъ полуночи
Попрохладнѣй понеслись,
Это Осень смотритъ въ очи,
Эй Сентябрь, не холодись.

Хоть готовы намъ кафтаны,
И дрова для всѣхъ печей,
Ты въ ползучіе туманы
Лучъ послѣдній свой пролей.

Ишь, послушалъ. Бабье лѣто.
Двѣ недѣли есть тепла.
Паутинки въ морѣ свѣта,
Даль прозрачная свѣтла,

Золотые въ сердцѣ слитки,
Шутитъ Маемъ сѣдина,
Взгляды, первыя засидки,
Ты откуда, пѣснь, слышна?

Не рябина ли запѣла,
Что краснѣетъ красота?
Или отдыхъ послѣ дѣла?
Или Вздвиженье Креста?

Ужь не знаемъ, только праздникъ,
Въ Небѣ, въ сердцѣ, золотой.
Эй Сентябрь, да ты проказникъ,
Ну, всесвѣтникъ бабій, спой.

X.

ОКТЯБРЬ.

Снѣгъ невѣрный, листопадъ,
Свѣтлой Осени закатъ,
Пьяный Свадебникъ, оброкъ,
Закругляющійся срокъ.

Кто дожилъ до Октября,
Поработалъ онъ не зря,
Въ Октябрѣ, какъ въ Мартѣ, въ насъ
Живо сердце, умъ погасъ.

Въ Октябрѣ-то, примѣчай,
Хоть и грязь, а словно Май,
Вотъ какъ сваты будутъ здѣсь,
Путь означится мнѣ весь.

Земляники въ Октябрѣ
Не ищи ты по зарѣ,
А рябина—есть, горька,
Да сладка въ рукахъ дружка.

Не ищи ты и цвѣтовъ,
По зазимью, на Покровъ,
Да ужь есть одинъ цвѣтокъ,
Мнѣ дружокъ сказалъ намекъ.

Посылаетъ онъ, Покровъ,
Дѣвкѣ—сновъ, землѣ—снѣговъ,
Землю выбѣлитъ онъ тутъ,
Четко, въ церковь поведутъ.

Бѣлка смѣнитъ шерсть,—чиста,
Скрученъ ленъ,—дождусь холста,
Необлыжною зимой,
Знаю, милый, будешь мой.

XI.

НОЯБРЬ.

Божій кузнецъ,
Дороги и рѣки куетъ,
Зимѣ изо льда онъ готовитъ ларецъ,
Алмазы вбиваетъ въ холодный вѣнецъ,
Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
Звонко куетъ,
Бѣлая кузница—міръ,
Весь оковалъ,
Въ иней не разъ и не два одѣвалъ
Поле и лѣсъ,
Кличетъ мятели на пиръ,
Смотритъ на яркія звѣзды Небесъ,
Словно и имъ онъ дороги мститъ,
Звѣзды по снѣгу, и звѣзды вонъ тамъ,
Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвиститъ,
Мчится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
Снова—ковать, и гвоздитъ, и гвоздитъ,
Гробъ, что-ли, намъ?
Саваномъ бѣлымъ въ ночахъ шелеститъ,
Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

XII.

ДЕКАБРЬ.

Все покрылъ бѣлоснѣжнымъ уборомъ,
Завершилъ круговратности силъ,
Вмѣстѣ съ звѣздами ходитъ дозоромъ,
Не забылъ ли чего? Не забылъ.

Усыпилъ мертвецовъ по могиламъ,
Почивайте до лучшаго дня,
И видѣньемъ скользитъ бѣлокрылымъ,
И проходитъ цѣпями звеня.

За Зелеными Святками въ Бѣлыхъ
Онъ ведетъ приговорную рѣчь,
Предстаетъ въ зеркалахъ помертвѣлыхъ,
Въ заклинаньи колдующихъ встрѣчъ.

И гадаетъ, пугаетъ, гадая,
И счастливитъ, вопросъ угадавъ,
И мѣняется сказка сѣдая
Надъ забвеньемъ загрезившихъ травъ.

Достигаетъ кратчайшаго свѣта,
И съ ночами ведетъ хороводъ,
Повернетъ вмѣстѣ съ Солнцемъ на Лѣто,
Съ Новымъ счастьемъ, Земля, Новый Годъ.

XIII.

ТРИНАДЦАТЫЙ.

А кто же тотъ Тринадцатый?
Онъ опрокинулъ счетъ?
А кто же тотъ Тринадцатый?
—Я вашъ отецъ, я Годъ.

Не я ли вамъ въ круженіи
Далъ вѣдать бытіе,
Въ различномъ выявленіи
Различное свое?

И далъ въ цвѣты вамъ—снѣжности,
И далъ въ снѣга—цвѣты,
Свирѣль печали—въ нѣжности,
И звѣздъ для темноты.

Не я ли далъ сливаться вамъ
Изъ круга въ кругъ другой,
Не я ли далъ сплетаться вамъ
Какъ радугой—дугой?

Не я ль вамъ далъ свободными
Сквозь три и десять быть,
Со днями хороводными
Сквозь нечетъ четъ любить?—

Тринадцатый да славится,
Имъ весь оправданъ счетъ!
Въ вѣка вѣковъ да явится
Вѣнчаннымъ мудрый Годъ!

Да славится Тринадцатый,
Кѣмъ живъ нашъ хороводъ!
Да славится Тринадцатый,
Круговозвратный Годъ!

1907. Ночи Осеннія.
Soulac-sur-Mer.
Villa Ave Maria.

МАЙЯ.

I.

ИГРАТЬ.

Играть на скрипкѣ людскихъ рыданій,
На тайной флейтѣ своихъ же болей,
И быть воздушнымъ какъ мигъ свиданій,
И нѣжнымъ — нѣжнымъ какъ цвѣтъ магноліи.

А послѣ? Послѣ — не существуетъ,
Всегда есть только — теперь, сейчасъ,
Мгновенье вѣчно благовѣствуетъ,
Секунда — атомъ, живой алмазъ.

Мы расцвѣтаемъ, мы отцвѣтаемъ,
Безъ сожалѣнья, когда не мыслимъ,
И мы страдаемъ, и мы рыдаемъ,
Когда считаемъ, когда мы числимъ.

Касайся флейты, играй на скрипкѣ,
Укрась алмазомъ вверху смычокъ,
Сплети въ гирлянду свои ошибки,
И кинь, и въ пляску, въ намекъ, въ прыжокъ.

II.

ЕГИПЕТЪ.

Заснула земля.
Фіалъ переполненный выпитъ.
Задремавшіе Боги ушли въ Небосводъ,
Гребцы корабля,
На которомъ Египетъ
Сквозь Вѣчность скользитъ по зеркальности Нильскихъ водъ.

Ушли Фараоны.
Ихъ нарядныя муміи спятъ,
Предъ глазами людей восхищенными.
Всѣ пирные звоны
Смѣнились напѣвомъ цикадъ.
Лишь звѣзды блестятъ и блестятъ надъ песками, самумомъ взметенными.

И Сфинксъ все глядитъ.
И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный.
Въ зыби вѣковъ, что бѣгутъ и бѣгутъ вперебой.
И вкругъ пирамидъ
Жизнь живетъ, вешній воздухъ весь ладанный,
Нилъ течетъ, и папируса нѣтъ, но лотосъ расцвѣлъ голубой.

III.

ОАХАКА.

Жасминный сонъ въ саду мимозномъ
И многоразно цвѣтовомъ,
Подъ Небомъ бездымъ, Небомъ звѣзднымъ,
Гдѣ много дружныхъ звѣздъ вдвоемъ.

Весенній садъ акацій бѣлыхъ,
И апельсиновыхъ вѣтвей.
Помедли, Ночь, въ своихъ предѣлахъ,
О, тише, тише, вѣтеръ, вѣй.

Мы здѣсь въ странѣ, гдѣ, въ Смерть вступая,
Квецалькоатль вошелъ въ костеръ,
А съ краю Моря, золотая,
Звѣзда взошла, и пѣлъ ей хоръ.

Перистый Змѣй, онъ сжегъ все тѣло,
Но сердце въ пламени — живетъ,
И до верховнаго предѣла
Восходитъ въ синій Небосводъ.

И тамъ гора есть міровая,
На ней верхи — какъ города,
На ней все Небо, отдыхая,
Глядитъ, какъ свѣтится звѣзда.

На той чертѣ, гдѣ слиты вмѣстѣ
Земля и Небо и Вода,
Какъ въ храмъ идетъ женихъ къ невѣстѣ,
Въ лазурной тьмѣ идетъ звѣзда.

И нѣжный — нѣжный, паутинный,
Доходитъ свѣтъ въ весенній садъ,
Покровъ лучей, и сонъ жасминный,
Сплетенный Вѣчностью обрядъ.

IV.

ЦВѢТОКЪ ЦВѢТКУ.

Цвѣтокъ цвѣтку, съ пчелой звенящей,
Шлетъ золотистую пыльцу.
И къ отдаленному концу,
Надъ обнаженностью и чащей,
Несется, съ бабочкой летящей,
Пахучесть думъ, двойной расцвѣтъ,
Восторгъ цвѣтенья, свѣтлый слѣдъ,
Воздушность пляски въ зыби струйной,
Духъ благовонья поцѣлуйный.

Не такъ ли я тебѣ пишу
Мое воздушное посланье,
Которой — сердцемъ я дышу,
Къ которой — въ сердце я дышу,
Съ которой тонкое сліянье
Мнѣ обѣщаетъ мотылекъ
Мохъ цвѣтисто-струнныхъ строкъ,
Качанье луннаго дыханья,
Дабы возникъ медвяный сокъ,
Жасминный духъ благоуханья.

V.

ПѢСНЬ ЗВѢЗДЫ.

Съ первымъ солнцемъ, съ первой пѣсней вешняго дрозда
У меня въ душѣ запѣла звонкая звѣзда.

— Какъ, звѣзда? Но звѣзды свѣтятъ, вовсе не поютъ. —
О, поютъ, лишь только въ сердцѣ пѣснѣ дай пріютъ.

Ты услышишь и увидишь, что съ вечерней мглой
Звѣзды тихо запѣваютъ въ тверди голубой.

И межь тѣмъ какъ Ночь проходитъ въ синей высотѣ,
Пѣснь Созвѣздій звонче, громче въ тонкой красотѣ.

Звонкихъ громовъ, тонкихъ звоновъ вышина полна,
Тамъ серебряное море, глубина безъ дна.

Тамъ безбрежность ожерельныхъ, звѣздныхъ волнъ поетъ,
Отъ звѣзды къ Созвѣздью нѣжность, сладкая какъ медъ.

Отъ звѣзды къ звѣздѣ стремленье—въ брилліантахъ пѣть,
Луннымъ камнемъ засвѣтиться, паутинить сѣть.

Паутинать паутинки тѣхъ тончайшихъ сновъ,
Для которыхъ въ нашихъ взорахъ пиръ всегда готовъ.

Погляди-же, ближе, ближе, здѣсь въ мои глаза.
Ты не видишь какъ поетъ тамъ звѣздно бирюза?

Ночь весеннюю я слушалъ до утра звѣзду,
И душа открылась Солнцу, и тому дрозду.

И душа открылась сердцу, твоему, любовь.
О, скорѣй на звѣздный праздникъ сердце приготовь.

VI.

ЛАНДЫШИ.

Ландыши вы бѣлоснѣжные,
Не соты-ль вы лунныхъ пчелъ?
Въ шестигранныя келейки нѣжныя
Заоблачный сонъ вошелъ.

Вы сладостно, радостно дышете,
Душистый лелѣя сонъ.
Звоните тихонько, и слышите,
Лишь вы тотъ слышите звонъ.

Нѣтъ, не только. До самаго звѣзднаго
Неба, гдѣ Полночь — блѣдна,
Гдѣ какъ будто бы въ чарахъ морознаго
Сіянія свѣтитъ Луна, —

Уходитъ напѣвами вольными
Колокольный вашъ призрачный звонъ,
Надъ тѣнями березъ тонкоствольными,
Призывая на свой амвонъ.

Проникаясь душисто молебнами,
Вплоть до лунныхъ звоните вы селъ,
И звонами тонко-хвалебными
Отвѣтствуютъ сонмы пчелъ.

Съ Луною пчелы прощаются,
И внизъ скользятъ по струнѣ,
Въ ландыши внутрь помѣщаются,
И тихонько жужжатъ къ Лунѣ.

Вонъ видишь, въ дома шестигранные,
Въ снѣжистость, въ душистость вошли,
Золотистыя, малыя, странныя,
Ихъ не слышно въ цвѣточной пыли.

Но не слышно лишь намъ. Все жъ въ волненіи,
Если ночью близь ландышей мы,
Словно въ пѣньи мы, въ млѣньи, въ моленіи
Бѣлозвонной мглы — полутьмы.

VII.

ЛИШЬ БОГЪ.

Лишь Богъ — творецъ, лишь Богъ — всезрящій,
Лишь Богъ — надъ вихрями планетъ,
За ними, въ нихъ, вездѣ, въ грозящей
Провальной мглѣ, и въ травкѣ спящей,
Въ орлѣ, и въ ласточкѣ летящей,
Лишь Богъ — поэтъ.

Гремите, солнечныя струны,
Звените, лютни блѣдныхъ лунъ,
Пропойте „Богъ“ въ моряхъ, буруны,
Запомнимъ всѣ, пока мы юны,
Начальный звукъ вѣнчальной руны:
Лишь Богъ — колдунъ.

VIII.

ДЛЯ ЧЕГО?

— Для чего намъ Солнце засвѣтилось сегодня?
— Для радости зрѣнія лика Господня.
— Для чего же оно горѣло вчера?
— Для радости зрѣнія лика Господня.
— А завтра зачѣмъ? — Чтобъ воскликнуть: Пора!
Будемъ въ радости зрѣнія лика Господня.

IX.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Poiché vivo per te sólo.

Люблю тебя, люблю какъ въ первый часъ,
Какъ въ первый мигъ внезапной нашей встрѣчи.
Люблю тебя. Тобою я зажглась.
Въ моей душѣ немолкнущія рѣчи.
И какъ мою любовь я назову?
Восторгомъ-ли? Мученьемъ-ли? Борьбою?
Ей нѣтъ конца, покуда я живу,
Затѣмъ что я живу однимъ тобою.

X.

СТРУННОСТЬ.

Oh quanto ti ama.

Завершены часы священныхъ оргій.
Я зналъ. Любилъ. Безумствую. Люблю.
Застывъ, какъ тѣнь, въ паническомъ восторгѣ,
Біенія моихъ терзаній длю.

Благоговѣйно, гимнами хорала,
Во мнѣ поетъ безсмертная любовь.
Не говори, что блеска въ жизни мало.
Благослови. Люби. Не прекословь.

XI.

РАЗСВѢТЪ.

Съ первымъ птичьимъ крикомъ Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
Въ озерѣ все Небо отражалось,
Полночь въ безглагольномъ отразилась,
Тихая, въ безгласномъ задержалась,
Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звѣздное качнула коромысло,
Капля съ Неба свѣялась къ Землѣ,
И одна былинка шевельнулась,
Измѣнивъ серебряныя числа,
Вся сребристость въ числахъ пошатнулась,
Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскликнула, и съ легкимъ этимъ свистомъ
Цѣлый замокъ рушился молчанья,
И раздался всюду тонкій звонъ.
Птичій хоръ напѣвомъ голосистымъ
Двинулъ звуковыя колебанья,
Шевельнулъ затономъ серебристымъ,
И румянецъ бросилъ въ небосклонъ.

XII.

АУ.

Твой нѣжный смѣхъ былъ сказкою измѣнчивою,
Онъ звалъ, какъ въ сонъ зоветъ свирѣльный звонъ.
И вотъ вѣнкомъ, стихомъ тебя увѣнчиваю,
Уйдемъ, бѣжимъ, вдвоемъ, на горный склонъ.
Но гдѣ же ты? Лишь звонъ вершинъ позванивaетъ.
Цвѣтку цвѣтокъ средь дня зажегъ свѣчу.
И чей-то смѣхъ все въ глубь меня заманиваетъ.
Пою, ищу, „Ау! ау!“ кричу.

XIII.

МАЙЯ.

Я тебя восхваляю, о, Майя живая,
Трепетомъ струнъ.
Ты свой кругъ завершаешь, въ сіяньяхъ вступая
Въ тринадцать Лунъ.
Ты вездѣ со мною, гдѣ любовь огневая
Мнѣ шепчетъ: Ты юнъ.
Ожерелье сплетешь, но жемчужины, тая,
Льются въ бурунъ.
И буря хохочетъ, какъ вѣдьма сѣдая,
Какъ злой колдунъ.
И буря разъялась, ты вновь голубая,
О, Майя, ты снова идешь, круговая,
Въ тринадцать Лунъ.

1908. Апрѣльскія Зори. Птичьи голоса.
Долина Березъ.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

I.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

Я живу въ дворцѣ, чье имя—Царство Мая.
Прилетаетъ къ окнамъ Птица голубая,
Крылья у нея и перья—цвѣта дней,
Цвѣта голубыхъ пространственныхъ зыбей.
И поетъ та Птица. Говоритъ про время.
Мнѣ какъ будто капли падаютъ на темя.
Будто синихъ молній жгутъ меня лучи.
Дождь ли раскаленный? Не могу понять я.
Но, закрывъ глаза, колдую я:—Молчи.
Вотъ, кому-то снова я раскрылъ объятья.
Губы, въ поцѣлуѣ, шепчутъ:—Навсегда.
Взоры, пріоткрывшись, мечутъ блескъ заклятья.
Изумрудны листья. Говоритъ вода.
Исчезаетъ въ даляхъ Птица голубая.
И другія птицы плещутъ въ Царствѣ Мая.

II.

ИДУНА.

Тамъ, гдѣ древо міровое,
Тамъ, гдѣ ясень Игдразилъ,
Слышно пѣніе живое,
И какъ будто звонъ кадилъ.

Это—пѣніе Идуны,
И когда ты невзначай,
Проходя, услышишь руны,
Вложишь въ струны вѣчный Май.

Это—пѣніе Идуны,
На узорчатыхъ вѣтвяхъ,
Тамъ, гдѣ яблоки—какъ луны,
И какъ солнца въ облакахъ.

Это—пѣніе Идуны,
Чей напѣвъ—рожденье струй,
Чьи глаза, лазурно-юны,
Необманный поцѣлуй.

Кто, любя расцвѣты въ мірѣ,
Къ Игдразилу подойдетъ,
Тотъ увидитъ ликъ валькирій,
Изопьетъ душистый медъ.

Кто съ Луной и съ Солнцемъ въ мысли
Отъ зари и до зари,
Глянь, здѣсь яблоки нависли,
Встань, цѣлуй, люби, бери.

Это—пѣніе Идуны,
Вѣрь въ согласный звонъ кадилъ,
Дымъ отъ жертвъ и возгласъ юный
Вѣчно въ Небо доходилъ.

III.

ЛЕНЪ.

Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ,
Спѣетъ четыре недѣли,
На седьмую же сѣмя летитъ.
Ленъ—голубой небосводъ,

Ленъ—во влюбленномъ Апрѣлѣ
Звонъ предразсвѣтной свирѣли,
Въ лунной ночи сталактитъ.
Ленъ—голубой онъ и бѣлый,
Это есть два,
Ленъ въ міровые уходитъ предѣлы,
Всюду сіятъ его синева,
Это четыре,
Ибо четыре есть таинства въ Мірѣ,
Сѣверъ и Югъ и Востокъ и Закатъ,
Бѣлый и черный и красный и златъ,
Если жь въ пещеру мою, гдѣ горитъ
Лунное множество плитъ,
Если въ пещеру
Ленъ поглядитъ,
Вотъ, мы исполнили мѣру,
Семь засвѣтилось, живетъ сталактитъ.
Сѣмя летитъ,
Свѣтится нѣжная блѣдность лица,
Весь осіянъ голубой небосводъ,
Девять въ немъ лунъ,—
Чтобъ дополнился счетъ.
Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ,
Имъ же не будетъ конца.

IV.

ВѢНЧАННЫЕ.

Въ саду проходитъ юный,
Съ нимъ рядомъ молодая.
Въ вѣтвяхъ звенятъ имъ струны,
Ручей, съ камней спадая,
Поетъ, поетъ, поетъ,

Въ цвѣтахъ имъ свѣтлый медъ.
Невѣста—Полночь Мая,
Женихъ, онъ кто? Узнай.
Онъ День, а, можетъ, Май?

На немъ одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба такъ согласны,
Взаимности покорны.
Цѣлуетъ онъ ее,
„Ты все, ты все мое".
Ея мечты узорны,
Какъ бриллiантъ она
Въ оправѣ черной сна.

Женихъ—свѣтловолосый,
Глаза его—зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ея—затоны,
Въ нихъ свѣтлая печаль,
Прозрачнѣй, чѣмъ хрусталь.
Въ саду проходятъ звоны,
Поютъ цвѣты, дыша:
„Вюбленность хороша".

Весь Май процѣловались,
Въ Iюнь зашли, не зная,
Заря съ зарей встрѣчались,
Любовниковъ встрѣчая.
И свѣтъ вошелъ во тьму,
И все отдавъ ему,
Блѣднѣя, Полночь Мая
Съ Iюньскимъ нѣжнымъ днемъ
Растаяла огнемъ.

V.

СЕМИКЪ.

Семицкая недѣля—зеленая, русальная,
Часы Зеленыхъ Святокъ, во всемъ году единыя,
Въ душѣ тоскуетъ сказка, влюбленная, печальная,
И быстро разрѣшится въ тѣ ночи воробьиныя.
Вотъ дѣвушки. Куда они? Лѣсной мечтой дышать.
Вотъ дѣвушки. Куда они? Кукушку провожать.
Семикъ, четвергъ зеленый, березка завита.
О чемъ же ты тоскуешь, стыдливая мечта?

Влечетъ рѣка во влажность, течетъ рѣка хрустальная.
О, дѣвушки, куда вы? Русалки защекочутъ васъ.
А если не войдете, прощай мечта вѣнчальная.
О, дѣвушки, куда вы? Русалки захохочутъ васъ.
Войдешь въ рѣку, забудешься, утонешь ты въ водѣ,
Уйдешь отъ водъ, и сонъ уйдетъ, и нѣтъ его нигдѣ.
О, дѣвушка, войди въ хрусталь, но въ воды травку кинь,
Спасетъ тебя одна трава, печаль, печаль, полынь.

VI.

ТѢЛО ИГРАЕТЪ.

Тѣло играетъ,
Душа глядитъ.
Тѣло въ лугахъ незабудки сбираетъ,
Тѣло уходитъ въ скитъ.
Маки срываетъ, мѣняетъ свой видъ,
Въ страшности, въ страстности входитъ, взираетъ.

Въ полдни и въ ночи себя убираетъ,
Выхватитъ ножъ,
Скажетъ—хорошъ.
Сплететъ, заплететъ безъ конца поцѣлуи.
Брызнетъ—огни. И огни хороши.
Вѣчныя струи.
Все жь у души
Взора оно не смутитъ.
Вотъ оно снова, по пыльной дорогѣ, на Храмъ собираетъ.
Тѣло играетъ,
Душа глядитъ.

VII.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Могучій рогъ, изогнутый и полный,
Пьянящимъ медомъ—предо мной.
Я пью, я пью, живительныя волны
Умчали душу подъ Луной.

О, Царь-Дѣвица, Лебедь вѣковая,
Какъ искрометенъ этотъ медъ.
Онъ старъ, онъ старъ, и потому, живая,
Волна въ душѣ моей течетъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
Мнѣ поднесла, становится жезломъ.
И я царю, и ты горишь, зарница,
Мы будемъ молніей вдвоемъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
Мнѣ поднесла, становится рулемъ.
И мы скользимъ, летитъ двойная птица,
И мы плывемъ, и мы плывемъ.

VIII.

ЦВѢТЪ НОЧНОЙ.

Въ мозгъ мой, въ зрѣніе, и въ слухъ
Влился нѣжный женскій духъ.
И въ душѣ расцвѣтъ цвѣтка,
Имя—дѣвичья тоска.

Этотъ ласковый цвѣтокъ
Между травокъ одинокъ.
Какъ вечерній слышенъ звонъ,
Голубой и бѣлый онъ.

А какъ Ночь на высотѣ
Звѣзды мчитъ къ одной чертѣ,
Онъ, мѣняясь каждый часъ,
Смотритъ глубью жадныхъ глазъ.

То засвѣтится какъ трутъ,
То блеснетъ какъ изумрудъ,
То ласкательно-лучистъ
Задрожитъ какъ аметистъ.

Въ маломъ домикѣ пожаръ,
Въ храмѣ свѣчи—Божій даръ.
Опрокинувшись въ водѣ,
Кличетъ въ глубь звѣзда къ звѣздѣ.

Въ спадахъ водъ хрустальный звонъ,
Цѣлый лѣсъ завороженъ.
Въ безглагольности озеръ
Звѣздно-зыбкій разговоръ.

А какъ Ночь на высотѣ
Отойдетъ къ своей чертѣ,
На прогалинѣ лѣсной
Расцвѣтаетъ цвѣтъ иной.

Онъ какъ рдяность нѣжныхъ ранъ,
Застыдился, онъ румянъ,
Онъ горитъ, не хочетъ ждать,
Хочетъ вовсе краснымъ стать.

IX.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ.

Лунный камень, тихій пламень, тихій пламень, не простой,
То прозрачный, то туманный, сребротканный, золотой.
То скользящій, словно въ чащѣ лучъ-фонарикъ свѣтляка,
То грозящій, словно въ чащѣ ждетъ колдунъ изподтишка.
То какъ тайна Океана, что, сѣдой, безсмертно-юнъ,
То какъ ранній свѣтъ тумана, то какъ звоны дальнихъ струнъ.
То какъ раковина Моря, что какъ будто бы горитъ,
А какъ будто не для глаза, а для слуха говоритъ.
То какъ змѣйный свѣтъ опала, то какъ сказка жемчуговъ,
Какъ церковный звукъ хорала въ часъ спасенья отъ враговъ.
То какъ верба въ ночь ущерба, или въ первый мигъ серпа,
Лунный камень, струнный пламень, отъ тебя въ тайникъ тропа.

X.

МАЗУРКА.

Я видѣлъ, какъ ты танцевала мазурку,
Легко ты скользила въ волнѣ звуковой,
И вдругъ я увидѣлъ—Снѣгурку—Снѣгурку,
Растаяла—тучкой летитъ предъ Луной.

Не Солнце пресвѣтлый твой ликъ озаряло,
Лучи серебристой Луны,
И было воздушно твое покрывало,
И блѣдные пѣли въ свирѣльностяхъ сны.

XI.

ВСЕЗВѢЗДНОСТЬ.

Я хотѣлъ бы быть послѣднимъ между первыми вождями,
Я держалъ бы стремя богу, видя сонмы звѣздъ надъ нами,
Я служилъ бы какъ невольникъ тѣмъ, въ которыхъ все—свобода,
Я бы каплей, каплей вспыхнулъ въ пресѣченьи Небосвода.

XII.

ПО БЛѢДНОЙ ДОЛИНѢ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ несчетные духи,
Тамъ юноши, взрослые, малые дѣти, и старцы идутъ, и старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и снова на Западъ съ Востока,
Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, не знаютъ ни часа, ни срока.
Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о благости Бога,
И всѣ, проходя, проиграютъ цѣпями, и вѣчно, и вѣчно дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное красное пламя,
Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почувствуетъ знамя.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и бархатъ, и алость,
И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнетъ ихъ усталость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о славѣ, о чарахъ,
Несчетные духи, согбенно, проходятъ, какъ тѣни, въ безмѣрныхъ пожарахъ.

По блѣдной долинѣ, въ пустынѣ, какъ въ сплинѣ, донынѣ безумствуютъ духи.
И юноши сѣды, и дряхлые дѣти, и юны, межъ старцевъ, старухи.

XIII.

ЦАРИ СІЯНЬЯ.

... Цари сіянья отошли,
Они разгнѣвались на это.
И, старымъ, нѣтъ намъ больше свѣта,
Онъ только тамъ, вверху, вдали.

Лазурные престолы пусты,
Всецѣльность превратилась въ топь,
Въ періодическую дробь,
И мраки Ада цѣпко-густы.

Когда жъ окончится нашъ срокъ,
И снова будутъ дни младые,
И снова стебли золотые
Взнесутъ лазоревый цвѣтокъ?

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

Я боялся людей, презиралъ, ненавидѣлъ ихъ,
Черезъ это прошелъ я, и рубежъ навсегда перешелъ,

Какъ могу ихъ винить, если Рокъ міровой всѣхъ обидѣлъ ихъ?
Я одинъ, но безгнѣвно, надъ темными шествіями золъ.

Здравствуй, еще и еще, Одиночество,
Я зажегъ тебѣ тихую вечернюю свѣчу,

И нѣмыя, какъ лампада, тайныя пророчества
Я качаю въ душѣ, и молчу.

XV.

ПТИЦА.

И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Когда я замолчалъ на темной высотѣ.
Внизу крутился валъ, дробился, многопѣнный,
И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Непобѣдимая въ крылатой красотѣ.

Мелькали корабли, какъ тѣни въ тускломъ свѣтѣ,
Поднявши стержни мачтъ и зыбя паруса.
На каждомъ кораблѣ блѣднѣли старцы-дѣти,
И всюду братъ съ сестрой, сквозь сонъ тысячелѣтій,
Играли въ поцѣлуй, въ цвѣткѣ была оса.

Все было сказано. Кто хочетъ, будетъ плѣнный.
Кто хочетъ, приметъ страхъ чрезъ Царскую Печать,
И будетъ врагъ Земли, и будетъ врагъ Вселенной.
Но валъ къ скалѣ придетъ, и брызнетъ сказкой пѣнной.
И буду я стоять. И думать. И молчать.

1907. Mirzo pazzo. Съ высокой башни.
Парижъ. Пасси.

ПЛЯСКА ЗНОЯ.

I.

ОНЪ.

Хотя онъ похожъ на Огонь, онъ незримъ.
Онъ былъ, когда не было жалобы:—„Было".
Вѣка передъ нимъ—какъ молитвенный дымъ.
А Солнце и Звѣзды и Мѣсяцъ—кадила.

Онъ смотритъ въ сердца замолчавшихъ людей,
Гдѣ страшныя вдругъ возстаютъ вереницы.
Въ зрачкахъ онъ у тигровъ, въ улыбкахъ дѣтей,
И въ маломъ онъ горлѣ распѣвшейся птицы.

II.

МѢСТО МОЕ.

Мѣсто мое—на порогѣ мгновенья,
Дѣло мое—безпрерывное пѣнье,
Сердце мое—изъ огня,
Люди, любите меня.

Счастье мое—въ свѣтловзорной измѣнѣ,
Сказка моя—и въ глубинахъ, и въ пѣнѣ,
Голосъ мой манитъ, звеня,
Звѣзды, любите меня.

III.

ПО МОРСКОМУ.

Въ Морѣ, съ Моремъ, по морскому,
Только грому помолясь,
Я баюкаю истому,
Радость знать перунный часъ.

Было, будетъ только это,
Радость лѣта и весны,
Брызги взрывчатаго свѣта
Съ бурно-взрытой вышины.

Радость молній преломленныхъ,
Пиръ стозвонныхъ павшихъ плитъ,
Алый храмъ въ моряхъ бездонныхъ,
И въ пожарѣ—Свѣтовитъ.

IV.

МИНУТКА.

Дать,
Взять,
Угадать.
То какъ другъ,
А то какъ тать.
Вѣчно дѣва,
Вѣчно мать,
Звукъ напѣва,
Лучъ мечты,
Крылья молній,
Это ты.

V.

АТОМЪ.

Атомъ—Ангелъ, вспышка въ Морѣ,
Человѣкъ не хочу,
Я огонь въ нѣмомъ узорѣ,
Лучшій возгласъ въ разговорѣ,
Въ мірѣ битвъ—молюсь мечу.

Дай мнѣ вѣчность—опрокину,
Я есмь я, и каждый—я,
Не хочу входить въ картину
Какъ черта, и, вольный, стыну,
Но моя мечта—моя.

VI.

ОТЪ АТОМА.

Отъ атома—до человѣка,
Отъ человѣка—до боговъ,
И въ долгій вѣкъ Мельхиседека
Отъ звона миговъ и часовъ.

Отъ неподвижности—въ самумы
Взметенно-зоркой быстроты,
Отъ тиши—въ грохоты и шумы,
Въ разломы цѣльной красоты.

Да будетъ. Это все пріемлю.
Отецъ мой—Умъ, и Воля—мать,
Но я слѣпилъ изъ точекъ землю,
Чтобъ снова точки разметать.

VII.

АТОМЫ ВРЕМЕНИ.

Мы въ извивныхъ
Вспѣвахъ взрывныхъ,
Мы втекаемъ въ Да и Нѣтъ.
Мы въ Безликомъ
Ликъ за ликомъ,
Иней звуковъ, прахъ примѣтъ.

Мы свѣченье,
Зыбь теченья
Въ Океанѣ міровомъ.
Дрожь въ намекѣ,
Малость, строки,
Буквы въ рунахъ, пѣснь въ мѣмомъ.

Мы забытость,
Глянцевитость
Всеокружнаго жерла.
Мигъ живемъ мы,
Но поемъ мы,
И звучатъ колокола.

Мы снѣжинки,
Паутинки,
Въ каплѣ влаги—милліонъ.
Онъ рыдаетъ,
Не считаетъ,
Но творимъ мы Небосклонъ.

Онъ смѣется,
Въ тайнахъ вьется,
Всо же знаемъ мы, кто Онъ.
Въ ликъ—отъ лика,
Въ пѣснь—отъ крика,
Въ хороводности Временъ.

VIII.

НАЧЕРТАНІЯ.

Круговой полетъ планетъ,
Ихъ сплетенья въ темнотѣ,
Полосой идущій свѣтъ
Метеоровъ и кометъ,
Ужасающихъ примѣтъ
Въ говорящей пустотѣ.

Это все—мои черты,
Начертанья вѣщихъ рунъ,
Это—я, и это—ты,
Чтобъ надъ бездной пустоты
Были звѣздные цвѣты
Въ нескончаемости струнъ.

IX.

ОГНЕННАЯ ЖАТВА.

Клокочетъ огненное море,
Горятъ зловѣщіе румянцы,
На Солнцѣ рушатся въ просторѣ
Вскипанья чувствъ, протуберанцы.

Что въ Солнцѣ въ этотъ мигъ боролось?
Узнать ли намъ, тѣнямъ пожара!
Но въ немъ горѣлъ гигантскій колосъ,
Свершилась жатвенная чара.

X.

СУХОЙ ПЕРУНЪ.

Сухой туманъ, когда цвѣтенье нивъ—
Проклятье дней, хлѣбовъ плохой наливъ.
У нивъ зарницы даже—на счету,
Сухой Перунъ—сжигаетъ рожь въ цвѣту.

Сухой Перунъ—роняетъ въ травы ржу,
И чахнетъ цвѣтъ, что радовалъ межу.
Перунъ желаетъ молній—изъ зарницъ,
Небесныхъ—долженъ онъ пьянить дѣвицъ.

XI.

ПОЛОНЯНИНИКЪ.

— Почему ты, духъ свирѣльный,
Вѣчно носишься, кружишься,
Ни на мигъ не отдохнешь?
На качели ты мятельной,
Вправо, влѣво, къ дали мчишься.
— Я—плѣненный.—Это что жь?
— Надо мной обрядъ крещенья
До святого завершенья
Не былъ доведенъ.

Потому что попъ былъ пьяный
Былъ онъ рваный и румяный,
Опрокинулъ свѣчи онъ,
Разукрасилъ крестъ цвѣтами,
Говоритъ: „Веселье съ нами.
Благовѣстье бытія“.
И вина онъ налилъ въ воду:
„Это душамъ дастъ погоду“.
А погода, это—я.
— Что же дальше?—Я—влюбленный,
Дрожью звуковъ полоненный,
Въ брызгахъ, въ прихотяхъ Огня.
Рабъ себя, страстей свободныхъ,
Полоняникъ Чернородныхъ,
Носятъ Дьяволы меня.
Посижу—и вдругъ соскучусь,
Погляжу—совсѣмъ измучусь.
Гдѣ я? Что я? Запою.
Все по новому о старомъ.
Все бы дальше, все бы къ чарамъ,
Вѣю, рѣю, вѣю, вью.

XII.

МАКЪ.

Кто маки срываетъ,
Тотъ громъ вызываетъ,
Въ Брабантѣ сказали мнѣ такъ.
И вотъ почему я
Весь вздрогну, лакуя,
Дрожу, запримѣтивши макъ.

XIII.

ДВѢ РѢЧИ.

Есть обиходная рѣчь,
Это—слова,
Которыми жизнь въ ежедневномъ теченьи жива.
А для единственныхъ встрѣчъ
Двухъ озарившихся душъ, или тѣлъ,
Есть и другая, напѣвная рѣчь.
Вѣтеръ ее намъ однажды пропѣлъ,
Видя въ лѣсу,
Между травъ,
Какъ въ просвѣтленности нѣжныхъ забавъ
Любовь цѣловала красу,
Вѣтеръ ее прихотливо пропѣлъ,
И закружился, и прочь улетѣлъ.
Въ этотъ же часъ
Садъ былъ отъ яблонь влюбляюще-бѣлъ,
И по Землѣ, въ отдаленный предѣлъ
Сказка любви понеслась,
Въ трепетѣ бѣлыхъ, и всякихъ цвѣтковъ,
Въ пѣніи птицъ, и людей, и громовъ.

XIV.

СТРѢЛА.

Говорятъ—полюби человѣковъ.
Хорошо. Только какъ же мнѣ быть?
Вѣдь родителей должно мнѣ чтить и любить?
Кто жь древнѣе—Атлантовъ, Ацтековъ,
Ассиріянъ, Халдеевъ, Варяговъ, Славянъ?
Коль законъ—такъ законъ. Намъ онъ данъ.

Человѣковъ люблю—въ ипостаси ихъ древней,
Глаза были ярче у нихъ, и рѣчи напѣвнѣй,
Въ ихъ голосѣ слышался говоръ морей,
Луной серебрились ихъ струны,
О богахъ и герояхъ вѣщали имъ руны,
И клинопись имъ возвѣщала о мощи великихъ царей.
Но руны, и клинопись—стрѣлы,
Острія,
Бьющаго мѣтко, копья.
Уходите же вы, что въ желаніяхъ блѣдныхъ не смѣлы,
Человѣки, въ свои удалитесь предѣлы.
Лукъ дрожитъ. Догони ихъ, вѣстунья моя.

XV.

ПЕРЕВАЛЪ.

Справа—горы, слѣва—горы,
Справа, снизу, тамъ узоры
Задремавшихъ селъ.
Слѣва—кручи, слѣва—тучи,
Слѣва слышенъ зовъ пѣвучій,
То прорвался ключъ громучій,
И завелъ,
Мысль повелъ онъ по извивамъ,
Въ бѣгѣ срывномъ и счастливомъ
Пляшетъ онъ по склонамъ скалъ,
Вотъ запалъ,
Вотъ юркнулъ,
Въ царствѣ камня потонулъ,
Снова, ящерицей, глянулъ,
Залукавилъ, промелькнулъ,
Снова скрытности оставилъ,

Выросъ, поднялъ цѣлый гулъ,
Закурчавилъ
Гребни скалъ,
И отъ селъ,
Миновавши перевалъ,
Влѣво—влѣво онъ ушелъ,
И рокочетъ, не усталъ,
И отъ выси въ самый долъ
Свѣже-брызжущую влагу лентой свѣтлою провелъ.

XVI.

НЕБЕСНЫЙ БЫКЪ.

На золотыхъ рогахъ
Небеснаго быка,
Въ снѣжистыхъ облакахъ,
Гдѣ вѣчная рѣка,—
Въ лазури высоты,
Слились живымъ вѣнкомъ
Багряные цвѣты
Надъ сумрачнымъ быкомъ.
Возрадовался быкъ,
Возликовалъ, стеня,
Любить онъ не привыкъ
Безъ громнаго огня.
Онъ гулко возопилъ,
И прокатился громъ,
Какъ будто омутъ силъ
Взыгралъ своимъ жерломъ.
Прорвались облака,
Небесный глянулъ лучъ,
Три сотни для быка
Коровъ стоятъ вокругъ.

И въ праздникѣ огня
До каждой есть прыжокъ,
И каждая, стеня,
Любовный знаетъ срокъ.
И сладостенъ разрывъ
Отъ острія любви,
И много влажныхъ нивъ
Въ заоблачной крови.
А къ вечеру вдали
Зажглась въ выси звѣзда.
И на ночлегъ пошли
Небесныя стада.

XVII.

ВѢДОГОНЬ.

У каждаго есть вѣдогонь.
Когда ты заснешь, онъ встаетъ,
Въ крылахъ его дышетъ полетъ,
Осмотрится, дунетъ, идетъ,
Окрѣпъ, улетаетъ, не тронь.

Онъ воленъ, когда мы во снѣ.
И разный намъ видится сонъ.
Вотъ птица, лазурь, небосклонъ,
Не мы это видимъ, а онъ,
И тонемъ мы съ нимъ въ вышинѣ.

Вотъ вѣтеръ бѣжитъ по цвѣтамъ.
Красивый съ красивой, ихъ два,
Безсмертная сказка жива.
Цѣлуетъ. И дышетъ трава.
Заснувшимъ такъ сладко устамъ.

Вотъ ссора, чудовищный видъ.
Съ ножомъ вѣдогони, бѣда,
Открылась и льется руда,
Ты спишь, ты уснулъ навсегда.
Смотри. Вѣдогонь твой убитъ.

XVIII.

ЕДИНО-РАЗНЫЙ.

Мы вносимы
Въ свѣты, въ дымы,
Мы крутимы
Безъ конца.
Въ свѣтозарный
Громъ ударный,
Въ мракъ сердецъ и въ свѣтъ лица.

Но покуда
Есть Іуда,
Есть и чудо
Для людей.
Свѣтлый мститель,
Искупитель
Омрачающихъ страстей.

И покуда
Намъ отсюда
Изумруда
Свѣтитъ свѣтъ,
Мчитъ насъ бѣлый
Богъ—въ предѣлы
Красныхъ солнцъ и всѣхъ планетъ.

XIX.

СЕМЬ.

Изъ дыханья—камень красный,
Изъ воздушнаго—ужасный
По громоздкости безстрастной.

А изъ камня, изъ забвенья,
Изъ земли, отяжелѣнья—
Изумрудное растенье.

Изъ растенья, изъ ночлега
Тайно-жаркого побѣга—
Звѣрь, взглянуть—такъ это нѣга.

А изъ звѣря, всталъ изъ звѣря,—
То богатство, иль потеря,—
Человѣкъ, всебожность мѣря.

Изъ него, изъ человѣка,—
То силачъ, или калѣка,—
Богъ ростетъ въ вѣка изъ вѣка.

Богъ встастъ, за богомъ боги,
Безконечныя дороги,
Многи мраки, звѣзды многи.

Это—шесть, но семь—священно,
Выше бога, неизмѣнно,
Что на Вѣчномъ—въ мигѣ пѣнно.

XX.

ВСЕБОЖІЕ.

Въ водахъ есть рыбы,—и боги есть рыбъ.
Въ воздухѣ птицы,—есть боги крылаты.
Въ травахъ свернулась змѣя вперегибъ,—
Вѣщій есть Змѣй, богъ любви, хоть проклятый.
Боги лѣсные—какъ волки глядятъ,
Боги ночные—какъ враны.
Боги дневные—какъ солнечный взглядъ,
Боги безчасья—слѣпые туманы.
Люди всегда о богахъ говорятъ,
Имъ отдаютъ всѣ несчетныя страны.
Сами богами надъ Міромъ мы здѣсь
Будемъ,—онъ нашъ будетъ весь!

XXI.

ВЫЗОВЪ.

Бряцать на кимвалахъ—умершихъ религій,
Вериги носить—отошедшихъ вѣковъ,
И вѣчно быть въ буквѣ, и вѣчно быть въ книгѣ,—
Довольно. Я въ бунтѣ. Довольно оковъ.
Я только оставлю, тамъ въ сердцѣ лелѣя,
Зелено-Перистаго Змѣя себѣ,
Волшебнаго Фея, цвѣтистаго Змѣя,—
И вызовъ бросаю Судьбѣ!

XXII.

ПѢСНИ БѢСОВСКІЯ.

Шѣсни бѣсовскія, пѣсни пріязныя,
Мысли мірскія, плесканья, плясанія,
Были вы прокляты, звѣзды алмазныя,
Подслѣповатость гнала васъ въ изгнаніе!
Гнали васъ, пляски Весны хороводныя,
Вотъ и загнали въ лѣса изумрудные,
Любо скликаться вамъ, птицы свободныя,
Сколь вы прелестныя, сколь многочудныя!

XXIII.

ДЖЭЛАЛЬЭДДИНЪ РУМИ.

Тотъ, кто знаетъ силу пляски,
Въ томъ, какъ въ вихрѣ, свѣтитъ Богъ,
Ибо смерть онъ знаетъ въ ласкѣ.
Алла—гу!

Въ дальнемъ, въ близкомъ, въ вышнемъ, въ низкомъ,
Въ мигѣ Вѣчность, въ бурѣ вздохъ,
Знаетъ онъ любви смертельность.
Алла—гу!

1907. Золотой Сентябрь. Зеленый Океанъ.
Soulac-sur-Mer.
Villa Ave Maria.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

Посвящаю мое видѣніе безсмертной памяти провидца нашихъ дней, Словацкаго.

Tu król, co jękiem harf zwyciężyć mniema
I głośniej grać... niż mroczy ludzie jęczą.
Słowacki.

1. БАЮ.

Я только зналъ, въ тѣ дни, въ тѣ дни единственные,
Когда былъ юнъ, я зналъ лишь звоны струнъ,
Лишь орлій крикъ, огни, и сны таинственные,
Поцѣловать, и вбросить въ девять лунъ.
Найдя цвѣтокъ, сорвать его съ медлительностью,
Чтобъ взять слегка съ цвѣтка цвѣточный сокъ,
И вдругъ уйти, плѣнивши ослѣпительностью,
Чтобъ жилъ въ другомъ намекъ, всегда намекъ.
И въ чемъ была та сила-чаровательница,
Что мнѣ дала такой извѣдать путь?
Не знаю, нѣтъ. Привѣтъ тебѣ, ласкательница,
Ты пѣла мнѣ: Заставь ихъ всѣхъ уснуть.
Баюкалъ я своими колыбельностями,
Качалъ мечту, качели хороши.
Изъ грёзы — жизнь, съ обрывками и съ цѣльностями,
„Баю“ любви, къ душѣ „баю“ души.

2. ЭТО БЫЛО.

... Это было, это было, и не будетъ вновь,
Потому что только Сила говоритъ: „Мой часъ готовъ!“
Потому что даже дѣти — дѣтства лишены,
И въ войну играютъ въ дѣтской, слыша рѣзкій свистъ Войны.
Все, что было затаенно, выявилось вдругъ,
Гнойность злобъ, обидъ, и гнета, расширяющійся кругъ.
Тамъ, во- внѣ, готовятъ пушки, шепчется лиддитъ,
Здѣсь, подъ тѣнью перекладинъ пляшетъ пляску динамитъ.
Обезумѣвшіе братья — злѣйшіе враги.
Револьверъ, кинжалъ, и петля. Мсти за месть. И грабь. И жги.
О, безумны тѣ, что шутятъ силою Огня.
Бойтесь жизни больше казни, разъ убійство шутка дня.
Подождите! Бой неравенъ. Пресѣките нить.
Лучше быть сто разъ убитымъ, чѣмъ хоть разъ одинъ убить.
Подождите! Претерпите пытку до конца.
Я клянусь вамъ: будетъ праздникъ Озареннаго Лица.
Но въ то время какъ я спорю съ вихрями временъ,
Отъ разстрѣловъ и пожаровъ сталъ весь красный небосклонъ.
И въ то время какъ на нивѣ въ макахъ вся межа,
Мальчикъ мой принесъ изъ дѣтской два блестящіе ножа.

3. ПѢСНЯ ОРЛИНАЯ.

Я долго медлилъ и внималъ
Напѣвамъ вышняго орла.
Луна была какъ бы опалъ,
Ликъ Солнца былъ воздушно-алъ,
Какъ будто кровью истекалъ,
И кровь ужь блѣдною была.

То не былъ день. Ни день, ни ночь.
Я былъ на бархатномъ лугу.
О, пой, орелъ! Пророчь, пророчь!
Пропой: Все было такъ точь въ точь,
Въ вѣка умчавшіеся прочь,
На Сумерійскомъ берегу.

На многобожномъ берегу,
Въ затонѣ странъ, въ рѣкѣ временъ,
Гдѣ врагъ былъ волчьи радъ врагу,
И пѣлъ кроваво: „Все могу!“
И кедры высей гнулъ въ дугу,
Чтобъ былъ отстроенъ Вавилонъ.

Смотри, орелъ, мы тоже здѣсь
Воздвигли тридцать этажей.
Мы Шаръ Земной сковали весь,
У вышнихъ тучъ мы сбили спѣсь,
Надъ Шаромъ шаръ пустили днесь,
Превыше свиста всѣхъ стрижей.

Смотри, достигнемъ и тебя,
Орелъ пѣвучій и сѣдой.
Воздушный флотъ идетъ, губя
Тѣхъ, кто въ лелѣянья себя
Слабѣе насъ. Гляди: дробя,
Мы взрывъ бросаемъ золотой.

Кто смѣлъ возстать на наше Мы,
И наше обмежить Хочу?
Внизу тамъ были воинствъ тьмы,
Но мы прошли быстрѣй Чумы,
Изъ нашей облачной сумы
Имъ выславъ пламя — саранчу.

Надъ Шаромъ — шаръ. Весь Шаръ земной
Единой Волѣ подчиненъ.
Еще немного, и съ Луной
Мы многоцвѣтной пеленой
Сплетемся въ шаръ одинъ, двойной,
И дальше, въ Звѣздный Небосклонъ!

Такъ пѣлъ я, клекоту внемля,
Что раздавался съ высоты.
Вдругъ, словно якорь съ корабля,
Орелъ упалъ. И вольно, для
Полетъ, паритъ — и гдѣ Земля!
Я съ нимъ. — Ну, что-же, видишь ты?

Я видѣлъ. Чѣмъ я дальше плылъ,
Тѣмъ больше таялъ кругъ Земли,
Земля была среди свѣтилъ
Какъ бы кадило межъ кадилъ,
Межъ точекъ точка, свѣтъ могилъ,
Земныя Чары всѣ ушли.

Но, удаляясь отъ Земли,
Я не приблизился къ Лунѣ,
И Звѣзды Неба шли и шли,
Звѣзда къ звѣздѣ, стада вдали,
Въ снѣжисто-блещущей пыли,
Въ недосягаемомъ Огнѣ.

И вдругъ я вскрикнулъ въ звѣздной мглѣ,
И вдругъ упалъ орелъ сѣдой.
Я былъ въ воздушномъ кораблѣ, —
Лежу разбитый [illegible] Землѣ.
Орлиный духъ познавъ въ Орлѣ,
Кому-жь скажу я: „Пѣсню спой!“

4. КОМЕТА.

По яйцевидному пути
Летитъ могучая комета.
О чемъ хлопочетъ пляской свѣта?
Что̀ нужно въ мірѣ ей найти?

Рисуетъ вытянутый кругъ,
Свершаетъ эллипсъ трехгодичный,
И вновь придетъ стезой обычной,
Но опрокинется на Югъ.

Она встаетъ ужь много лѣтъ,
Свой путь уклончивый проводитъ,
Изъ неизвѣстнаго приходитъ,
И вновь ея надолго нѣтъ.

Какъ слабый ликъ туманныхъ звѣздъ,
Она въ началѣ появленья —
Всего лишь дымное видѣнье,
Въ ней нѣтъ ядра, чуть тлѣетъ хвостъ.

По ближе къ Солнцу, — и не та,
Ужь ликъ горитъ, ужь свѣтъ не дробенъ,
И милліоны верстъ способенъ
Тянуться грозный слѣдъ хвоста.

Густѣетъ яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета свѣтится сердито,
Сплошной пожаръ — ея нутро.

Сопротивляется эѳиръ
Ея крылатости въ пространствѣ,
Но Солнце въ огненномъ убранствѣ
Къ себѣ зоветъ ее на пиръ.

Къ себѣ зоветъ ее, прядетъ
Вселенски-свѣтлыя дороги,
И луны, въ страсти — кругороги,
Ведутъ вѣнчальный хороводъ.

Верховная пылаетъ даль,
Все уменьшается орбита.
Въ Жаръ-Птицу Ночи -- воля влита
Все уже скручивать спираль.

Полъ-Неба обнялъ рдяный хвостъ,
Еще пронзенья и червонца,
И взрывность рухнется на Солнце,
Средь ужасающихся звѣздъ.

1908. Ночи Зимнія.
Беркендаль.

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

Псаломъ Безмолвія свершается сюда,
Горитъ закатами пустыня ледяная.
Развѣшался ширь заірезвившихъ стихій,
Безгласность ясная Полярныхъ Литурій.

Надъ моремъ Бѣлизны багряная завѣса,
Здѣсь царство хрусталей, здѣсь нѣтъ полей и лѣса.
Рядъ бѣлыхъ алтарей, глядящихъ въ Небо, льдовъ,
Всходящая мольба, безъ просьбъ, Псаломъ, безъ словъ.

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

Небо, и снѣгъ, и Луна,
Самая хижина—снѣгъ.
Вѣчность въ минутѣ—одна,
Не различается бѣгъ.

Тамъ въ отдаленіи ледъ,
Цѣлый застылъ Океанъ.
Дней отмѣчать-ли мнѣ счетъ?
Въ дняхъ не ночной-ли туманъ?

Ночь, это—блѣдная сѣнь,
День—запоздавшая ночь.
Скрылся послѣдній олень,
Дьяволъ умчалъ его прочь.

Впрочемъ, о чемъ это я?
Много въ запасѣ ѣды.
Трапеза трижды моя
Между звѣзды и звѣзды.

Слушай, какъ воетъ пурга,
Ѣшь въ троекратности жиръ,
Жди, не идетъ-ли цынга,
Вотъ завершенный твой міръ.

Жирнаго плотно поѣвъ,
Снѣгомъ очисти свой ротъ.
Новаго снѣга посѣвъ
Съ бѣлою тучей идетъ.

Вызвать на бой мнѣ пургу?
Выйти до области льдовъ?
Крѣпко зажавъ острогу,
Ждать толстолапыхъ враговъ?

Въ бѣлой холодной странѣ
Бѣлый огромный медвѣдь.
Мѣсяцъ горитъ въ вышинѣ,
Круглая мертвая мѣдь.

Вотъ, я намѣтилъ врага,
Вотъ, онъ лежитъ предо мной,
Мечъ мой въ ночи—острога,
Путь мой означенъ—Луной.

Шкуру съ медвѣдя сорву!
Все же не будетъ теплѣй.
Съ звѣремъ я звѣремъ живу,
Сытой утробой моей.

Вотъ, возвращусь я сейчасъ
Въ тѣсную душность юрты.
Словно покойника глазъ
Мѣсяцъ глядитъ съ высоты.

Стала потише пурга,
Все жъ заметаетъ мой слѣдъ.
Тонетъ въ пушинкахъ нога,
Въ этомъ мнѣ радости нѣтъ.

Впрочемъ, кому же слѣды
Въ этой пустынѣ искать?
Снѣгъ, и пространство, и льды,
Снѣжная ледяная гладь.

Я безпредѣльно одинъ,
Тонутъ слова на лету.
Жди умноженія льдинъ,
Дьяволы смотрятъ въ юрту.

* * *

Я изъ бѣдной страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Я изъ бѣдной страны.
Лѣта нѣтъ. Нѣтъ весны.
День мой малъ.

Ты изъ пышной страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Ты изъ пышной страны.
Нѣжны чары Луны.
Свѣжи снѣжные сны.
Живъ кристалъ.

Шесть безумныхъ смертей.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Шесть безумныхъ смертей,
Шесть тридцатостей дней,
Шесть безумныхъ ночей.
Я усталъ.

Шесть негаснущихъ дней.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—

Шесть негаснущихъ дней,
Шестью тридцать огней,
Шесть костровъ, все свѣтлѣй.
Вотъ, ты алъ!

— А потомъ? Что потомъ?
— Кто сказалъ?—Я сказалъ.—
— Ты, съ горячимъ лицомъ?—
— Я, вѣщунъ. Что потомъ?—
— Смерть съ вѣнцомъ.—Смерть съ концомъ?—
Я упалъ.

* * *

Явились, вотъ, одинъ, другой,
И третій, и четвертый.
Ихъ не ударишь острогой,
Не ткнуть рукой, не пнуть ногой,
Здѣсь лишь глядѣть на мертвый рой,
Здѣсь тѣни распростерты.

Ихъ пронизая остріемъ,
Не досягнешь ни мало.
Не отступаютъ предъ мечомъ,
Они во всемъ, они ни въ чемъ,
И каждый смотритъ палачомъ,
Твердя: Конецъ—начало.

Четвертый, пятый, и шестой,
Седьмой, восьмой для круга.
Тринадцать ихъ передо мной,
Темнѣютъ, зыбясь пеленой,
Внѣ чиселъ вьются подъ Луной,
Отъ Сѣвера до Юга.

Востокъ захваченъ и Закатъ,
И верхъ и низъ—все въ мірѣ.
Вездѣ на тѣнь наткнется взглядъ,
Грозящій призрачностью Адъ,
Три измѣренья, говорятъ,
Они твердятъ—четыре.

Замкнись,—недостовѣрна дверь,
Проходятъ черезъ стѣны.
Смѣшались—завтра и теперь,
И вѣрь собѣ или не вѣрь,
Кругомъ—тысячеглазый звѣрь,
Потокъ съ мерцаньемъ пѣны.

Какой-бы маленькій предметъ
Ни всталъ передо мною,
За нимъ зловѣщій тѣнесвѣтъ,
За нимъ, предъ нимъ ползучій слѣдъ,
Безплотный духъ, что мглой одѣтъ,
И оживленъ Луною.

Замкнулся наглухо въ юртѣ,
Но ждать недолго буду.
Какой-то шопотъ въ духотѣ,
И чей-то хохотъ въ темнотѣ,
Пришли, сошлись, густѣютъ—тѣ,
Со мной, во мнѣ, повсюду.

* * *

Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ.
Снѣга. Мерцанье. Тишь.

Ищи. Хоть цѣлый день.
Глупышъ. Пингвинъ. Тюлень.

Пройди. Весь снѣгъ до льдинъ.
Тюлень. Глупышъ. Пингвинъ.

И самъ я отупѣлъ.
Слѣпитъ просторъ. Онъ бѣлъ,

И самъ я сталъ какъ звѣрь.
Всѣ дни одно—Теперь.

Гляжу, передъ собой.
Сижу, слѣпой, тупой.

Себя н[illegible]зличишь.
Снѣга. Мерцанье. Тишь.

* * *

Бѣлоглазые пингвины,
Сумасшедшій птичій домъ.
Брюхомъ бѣлы, черны спины,
И какъ будто мыслятъ ртомъ.

Ужь не молятся-ли Богу,
Чтобы пищи онъ послалъ?
Нужно жь ѣсть хоть понемногу,
А животъ у нихъ немалъ.

Вверхъ поднявши клювъ прожорный,
Позабылъ летать пингвинъ,
Брюхомъ бѣлый, задомъ черный,
Растолстѣвшій господинъ.

Съ неизвѣстной мглой не споря,
Уголъ взявъ за цѣлый міръ,
Получаетъ ренту съ моря
И съ земли двойной банкиръ.

Вмѣсто крыльевъ, культи—руки,
Пища—снизу, что̀-жь летать.
Съ Небомъ лучше быть въ разлукѣ,
Близко, низко, тишь да гладь.

Паралитики для лета,
Отреклись въ своемъ крылѣ
Отъ небеснаго намета,
Чтобы ползать по землѣ.

На прибрежьи, въ числахъ цѣльныхъ,
Раздаваясь въ даль и въ ширь,
Многобрюшный, многотѣльный,
Сытый птичій монастырь.

Вонъ проходятъ надъ волнами
Чернобѣлою толпой,
И культяпыми крылами
Помаваютъ предъ собой.

Вонъ, напыжившись, яруютъ.
Два и два, откинувъ лбы,
Шеи шеями цѣлуютъ,
Привставая на дыбы.

Предполярное видѣнье,
Альбатросъ наоборотъ,
Птица—земность, отупѣнье,
Птица—глупость, птица—скотъ.

* * *

-- Дьяволъ, кто ты?—Вѣтеръ, Вѣтеръ.
— Что ты ищешь?—Я свищу.
— Что ты ищешь?—Долю, волю.
Вьюсь, свиваюсь, трепещу.
Возростаю въ вихрѣ свиста.
Замираю, чуть шепчу.
Медлю тамъ, гдѣ степь цвѣтиста.
Моровую язву мчу.
— Дьяволъ, Дьяволъ, для чего же
Ты цвѣты смѣшалъ съ чумой?
— Иль не все одно и то же?
Мчать что мчится—праздникъ мой.
И ужели не пригожо
Цвѣтъ цвѣтетъ разъятыхъ ранъ?
Красенъ макъ, и язва—тоже.
Я—прохожій чрезъ туманъ.
— Ты—жестокій! Дьяволъ, Дьяволъ!
— Ззить!—Качнулася Луна.—
— Стой!—Куда тамъ! Скрылся Дьяволъ.
Полночь. Сумракъ. Тишина.

* * *

Еслибъ мнѣ хотя вина,
Этой огненной воды!
Былъ бы бочкой я безъ дна
Отъ звѣзды и до звѣзды!

Я бы выпилъ за снѣга,
Разъ въ снѣгахъ мнѣ жить дано.
Я бы выпилъ за врага,
Разъ сражаться суждено.

Я бы выпилъ за себя,
Разъ родился я такой.
Винный кузовъ теребя,
Упивался бъ день деньской.

А теперь? Я пью лишь кровь,
Да густой, какъ деготь, жиръ,
Чтобъ идти за звѣремъ вновь,
Обезпечить скучный пиръ.

Я пьянѣю лишь тогда,
Какъ отъ лунной темноты
И отъ вѣтра, иногда,
Мѣрно пляшетъ дверь юрты.

И ручной пингвинъ въ тиши
Трется объ ноги мои,
И змѣиности души
Я качаю въ забытьи.

* * *

Я нашелъ, какъ развѣять мнѣ скуку,
Какъ быть свѣтлымъ мнѣ въ мукѣ моей.
Я отъ Вѣтра развѣдалъ науку
Быть веселымъ въ напѣвѣ скорбей.

Запою, заведу, загуторю,
Самъ съ собой безъ конца говорю.
Не позорно-ль быть преданнымъ горю?
Можно въ сердцѣ затѣять зарю.

Всю равнину отъ края до края
Я прошелъ въ этомъ царствѣ снѣговъ.

И пѣвучія руны слагая,
Заносилъ ихъ на снѣжный покровъ

И пройдя по зеркальности синей,
Начерталъ я заклятья на льду,
Опушилъ ихъ серебряный иней,
Заманилъ въ заговоръ я звѣзду.

Проиграло мнѣ хоромъ Молчанье
Безглагольную пѣсню свою.
Изъ снѣговъ предо мной изваянья
Я въ нихъ жизнь заклинаньемъ вдою.

Этимъ Мѣсяцемъ желтымъ, ущербнымъ,
Покачнувшимъ златые рога,
Сохранившимся прутикомъ вербнымъ,
Я велю вамъ: Живите, снѣга.

Оживляются странные лики,
Много созданныхъ снѣжныхъ людей.
Еслибъ было немного брусники,
Я бъ раскрасилъ въ нихъ пламя страстей.

Подожду, какъ совсѣмъ покраснѣетъ,
Предъ ущербомъ послѣднимъ, Луна.
Капли три она крови мнѣ свѣтъ,
Я ихъ вброшу, въ ихъ сердце, до дна.

* * *

Снѣжные люди устроены,
Снѣжные боги при нихъ.
Люди, какъ каста, утроены,
Богъ—дополнительный стихъ.

Мѣсяцемъ боги отмѣчены,
Кровью ущербной Луны,
Въ членахъ они изувѣчены,
Быть какъ отдѣльность должны.

Тѣ,—какъ болѣзнью слоновою
Важно распучивъ животъ,—
Съ алчностью смотрятъ суровою,
Міръ это пища имъ въ ротъ.

Тѣ, развернувъ семипалыя
Руки, по тысячѣ рукъ,
Зубы оскалили алые,—
Надо почтенья вокругъ.

Тѣ, разукрасившись блестками,—
Женская будетъ статья,—
Вмѣстѣ съ мужчинами—тезками
Славятъ восторгъ бытія.

Груди у нихъ поразвѣшаны
Вродѣ какъ будто лозы,
Взоры глядящихъ утѣшены,
Даже до нѣжной слезы.

Дальше герои вельможные,
Палица въ каждой рукѣ,
Это—столпы придорожные,
Дамбы въ великой рѣкѣ.

Если безъ нихъ, такъ разъѣдется
Влага въ чрезмѣрный разливъ,
Лобъ здѣсь у каждаго мѣдится,
Каждый охранно красивъ.

Дальше—со лбомъ убѣгающимъ,
Это совѣтники всѣ,
Взоромъ мерцаютъ мигающимъ
Въ мудрой и хитрой красѣ.

Зная, что столь предпочтителенъ
Задъ предъ невѣрнымъ крыломъ,
Ихъ хороводъ умилителенъ,
Каждый мѣшокъ здѣсь мѣшкомъ.

Дальше—фигуры медвѣжія,
Храбрости бравый оплотъ,
Кровью помазаны, свѣжія,
Сильныя, добрый народъ.

Я освятилъ ихъ заклятьями,
Кровью своей окропилъ,
Будьте здѣсь слитными братьями,
Связью устойныхъ стропилъ.

Я освятилъ ихъ напѣвами,
Кровью и птицъ и звѣрей,
Будьте какъ юноши съ дѣвами,
Въ страсти любовной своей.

Я освятилъ ихъ гаданьями,
Кровью ущербной Луны,
Будьте моими созданьями,
Будьте, хочу, вы должны.

Я прохожу въ этомъ множествѣ,
Кровью я лики кроплю,
Царствуйте здѣсь въ многобожествѣ,
Каждаго я полюблю.

Будутъ вамъ жертвы багряныя,
Алости снова и вновь,
Капли кроплю я румяныя,
Чару влагаю я въ кровь.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Я изъ бѣлой страны,
Я изъ бѣлой страны.

* * *

Прежде, видя, какъ снѣжинки
Въ воздухѣ летаютъ,
Говорилъ я: серебринки,
Говорилъ: съ цвѣтовъ пушинки,
Стаи фей летаютъ.

И конечно. Вѣдь красивы.
Ишь какъ шелушатся.
Заплетаются въ извивы,
И летятъ, какъ хлопья ивы,
Пухомъ внизъ ложатся.

Да постой. Не такъ ужь глупъ я.
Знаю тѣ алмазы.
Да, узналъ. Не такъ ужь тупъ я.
Это—кожа, это—струпья
Моровой Проказы.

Тамъ на Сѣверѣ, сѣдая,
И еще на Югѣ,
Спитъ Проказа міровая,

И скребется, возставая,
На Полярномъ кругѣ.

Позѣваетъ, поскребется,
Налущитъ лохмотій,
Глянетъ, плюнетъ, и ругнется,
Туча на небѣ сберется,
Тутъ на поворотѣ.

На углу воротъ Полярныхъ,
Вѣдьминому сказу
Послушая, въ клубахъ парныхъ
Накопила снова угарныхъ,
Понесла заразу.

На зеленыя поляны
Дунетъ, все повянетъ.
Заморозила туманы,
Броситъ между травъ изъяны,
Мертвый узелъ стянетъ.

И посыплетъ, и засѣетъ,
Съ краю и до краю.
Цѣпенѣніе навѣетъ,
Замятелитъ, завладѣетъ,
Брежу, засыпаю.

* * *

Въ западнѣ я у врага.
Гдѣ же быть мнѣ? Здѣсь въ юртѣ?
Въ этой душной тѣснотѣ?
Или выйти на снѣга?
Какъ выходятъ на луга?

Тамъ тѣснѣе въ пустотѣ,
Въ безграничности того,
Что едино и мертво.
Я вольнѣе между стѣнъ,
Гдѣ хоть тѣни перемѣнъ,
Гдѣ хоть это для меня: —
Тихій трескъ и скокъ Огня.
На равнинѣ я мертвецъ
Въ безграничности гробницъ,
Гдѣ начало есть конецъ
Въ одноцвѣтномъ безъ границъ.
Тамъ я въ вольности — скелетъ,
Здѣсь я въ тѣсности — живой.
Мной зажженный — дышетъ свѣтъ
Въ этой кельѣ гробовой.
Только выйду, видно мнѣ,
Что со мною никого.
Здѣсь же въ жаркомъ полуснѣ
Оживаетъ вещество.
Я подушку обниму,
Я съ покрышкой говорю.
И шепчу я въ полутьму
Къ невзвѣстному, ему.
Мнѣ отраднѣй и вольнѣй
Закрывать свои глаза,
Обращаясь мыслью къ ней,
Чьи глаза какъ бирюза.
Съ непостижной говорю,
Распаляюсь и горю,
Въ тѣлѣ есть такой огонь,
Что ужь вотъ я не одинъ.
Вѣтеръ взвылъ. Ну, что-жъ, трезвонь,
Но меня въ тиши не тронь,

Здѣсь не царство дикихъ льдинъ.
Здѣсь хоть въ грезѣ, я ловлю
Чье-то нѣжное „Люблю“,
Хоть въ гробу, но властелинъ.

* * *

Я узналъ сегодня ночью,
Что воочью, что воочью
Вещи всѣ — живыя.
Я зажегъ огонь, и думы
Думалъ, думалъ. Вѣтра шумы
Доходили до меня,
Круговые.
Я глядѣлъ на скокъ Огня.
Сине-красную онъ пляску
Начиналъ и измѣнялъ,
Взявши желтую окраску,
Зачиналъ иную сказку,
Становился снова алъ,
Въ дымъ бѣжалъ, въ сѣдые дымы,
Перемѣшивался съ ними,
Прогонялъ ихъ отъ себя,
Билъ ихъ прутьями цвѣтными,
Языками расписными,
Пламецвѣтности дробя,
Самъ собою обольщался,
Голубою клятвой клялся,
Что нельзя же не любя
Такъ неистово метаться,
Такъ нездержанно горѣть,
Былъ какъ золото, какъ мѣдь,
Фіолетово мерцая,
Начиналъ тихонько пѣть,

Вился, дымы обнимая,
Снова дыму пѣлъ: Не тронь,
Нѣтъ, не тронь, вѣдь я Огонь.
Золотился рѣже, рѣже,
Загрязнялся чаще, чаще.
И на шкурѣ я медвѣжей
Размышлялъ, что я пропащій,
Что когда-то я весной
Былъ съ любимою женой,
Проходилъ по вешней чащѣ,
Каждый листикъ былъ алмазъ,
Каждый цвѣтикъ нѣжилъ насъ,
О, я помню, какъ коснулся
Я губами нѣжныхъ губъ
Какъ невольно усмѣхнулся
Я на свѣжесть поцѣлуя,
Каждый, къ зубу льнущій, зубъ,
Каждый нѣжный бѣлый зубъ
Мнѣ любовно улыбнулся,
Жилъ въ отдѣльности ликуя,
О, я помню какъ меня
Тонкій токъ пронзилъ огня,
Какъ я сжалъ ее, и ало
Улыбалася заря,
И лѣсная тишь качала,
Безъ конца, и безъ начала,
Двухъ влюбленныхъ, въ комъ, горя,
Было счастье обниматься,
Такъ, вотъ такъ, прижать, прижаться,
Такъ, вотъ такъ... Постой, постой,
Что̀ такое, что̀ такое,
Что такое здѣсь со мной?
Я лежу въ палящемъ зноѣ

Съ изумительной женой!
На медвѣжей былъ я шкурѣ,
А теперь — въ объятьяхъ чьихъ?
Въ поцѣлуйной дикой бурѣ,
Мнѣ Огонь постъ свой стихъ,
Я въ истомности касаній,
Я цѣлую, я дрожу,
Я въ сіяньи, я въ туманѣ,
Кто со мной, не услѣжу,
Что со мной, не разскажу,
Я вступилъ въ огонь горячій,
Тѣломъ я вошелъ въ весну,
Я захлебываюсь въ плачѣ,
Въ сладкомъ хохотѣ стону,
И кругомъ, съ Огнемъ качаясь,
Расцвѣчаясь въ красотѣ,
Отраженьями встрѣчаясь,
Пляшутъ вещи всѣ въ юртѣ,
Пляшетъ утварь, пляшутъ стѣны,
Сумракъ шепчется живой,
Все въ дрожаньи перемѣны
Поцѣлуй есть тѣневой,
Къ огневому средоточью,
Словно шабашъ круговой,
Всѣхъ вещей стянулся рой.
Это видѣлъ я воочью,
Нынче ночью, нынче ночью,
И теперь ужь я — другой.

* * *

Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?
Что-то есть тамъ? Кто-то скрытъ?

Усмѣхнувшіяся губы?
Кто-то молча говоритъ?

Мнѣ подмигиваетъ. Вижу.
Осовѣлые глаза.
А! проклятый! Ненавижу!
Тощій дьяволъ и коза.

Закривившаяся морда,
Полусломаны рога.
А при этомъ смотритъ гордо,
Словно — вотъ, молъ, съѣмъ врага.

Шевельнулъ я краемъ шубы.
Надоѣло. Уходи.
Снова тутъ. Оскалилъ зубы.
Хвостъ означилъ позади.

Ну, чего ты? Говори же.
Разъ пришелъ, такъ для чего?
Ухмыльнулся. Смотритъ ближе.
Видно, хочетъ своего.

А чего, ему извѣстно.
Вправо, влѣво онъ мигнулъ.
Встали тѣни, такъ, что тѣсно.
Въ головѣ, какъ въ ульѣ, гулъ.

Расползлись, какъ черви, ники,
Копошатся и глядятъ.
Хоть ручные, все же дики,
И косятъ невѣрный взглядъ.

Полузвѣри, полурыбы,
Птицезмѣи, жадный ротъ.
Дивныхъ странъ живыя глыбы,
И на нихъ бѣсовскій скотъ.

Диво — пастбище видѣній
Распаленнаго ума.
Кто вы, тѣни? Что вы, тѣни?
Ваша матерь — Смерть сама?

Лугъ вашъ — духъ умалишенный?
Тощій Дьяволъ — вашъ пастухъ?
Язвы памяти безсонной,
Саранчою полный слухъ!

* * *

Вновь ушелъ, и вновь пришелъ.
Чей же это произволъ
Гонитъ внутрь, и прочь, во внѣ,
И велитъ кружиться мнѣ?

Тамъ въ клѣти—ручной медвѣдь,
Здѣсь въ юртѣ—ручной пингвинъ.
Что же, пѣсню имъ пропѣть:
Сжальтесь, звѣри, я одинъ?

Тутъ еще — ручной тюлень.
Что ли, съ нимъ поговорить?
Я, молъ, видывалъ сирень,
Я умѣю нектаръ пить.

Тоже былъ, молъ, кое-гдѣ,
Тоже я не кто-нибудь,

Обратя свой взоръ—къ звѣздѣ,
Начиналъ свой дальній путь.

А не выгорѣло, — что-жь,
Приходи сюда другой.
Посмотрю я, какъ пойдешь
По безбрежности морской.

Посмотрю я, какъ дойдешь
До величья бѣлыхъ льдинъ,
Какъ мечта увидитъ ложь
Ею тканыхъ паутинъ.

Это Полюсъ? Можетъ, да.
А быть можетъ, что и нѣтъ.
Полюсъ нашъ въ душѣ всегда,
Въ первозданности примѣтъ.

Вотъ примѣта: Поцѣлуй.
Вотъ примѣта: Вздохъ—люблю.
Вотъ примѣта: Взрывность струй.
Зовъ русалки: Утоплю.

Вотъ примѣта: Долгій взглядъ.
Сердце къ сердцу. Полюсъ — здѣсь.
Ты-же шелъ — всегда назадъ,
Проходя просторъ свой весь.

Ты лишь думалъ, что впередъ
Уходилъ и уходилъ.
И ушелъ. Въ безцѣльномъ. Вотъ.
Въ безглагольности свѣтилъ.

* * *

Какая ночь! Всѣ звѣзды. Полны числа.
Узоры думъ, что мыслятся не здѣсь.
Качается златое коромысло,
И влагой звѣздной міръ обрызганъ весь.

Въ сіяньи свѣчъ, округлую равнину
Повсюду куполъ ночи обступилъ,
Въ раскинутомъ величіи я стыну,
О, атомъ пытки въ торжествѣ свѣтилъ.

* * *

Я вспомнилъ что-то изъ того,
Что было нѣкогда моимъ,
Теперь же — призракъ, ничего,
Отшедшій звукъ, ушедшій дымъ.

Я былъ у моего окна,
Въ какомъ-то сладостномъ бреду,
А голубая вышина
Зажгла Вечернюю Звѣзду.

И вдругъ я понялъ, что звено
Есть между вышнею и мной,
Что темный съ свѣтлой есть одно,
Что я земной и неземной.

И такъ душа была жива,
Какъ въ Маѣ пляска свѣтлыхъ дѣвъ,
Душой — въ одно слившись два,
Я пѣлъ вселенскій свой напѣвъ.

* * *

Въ мое окно глядитъ Вечерняя Звѣзда.
[Она же Утренняя].
Вокругъ меня шумятъ ночные города.
[Они же утренніе].
Въ моей душѣ навѣкъ слились и Нѣтъ и Да.
[И Да и Нѣтъ — ихъ нѣтъ].

Въ моей груди дрожитъ благоговѣйный вздохъ.
[Въ немъ и проклятіе].
Вокругъ моихъ гробницъ сѣдой и цѣпкій мохъ.
[Онъ и съ расцвѣтами].
Со мною говорятъ и Сатана и Богъ.
[Ихъ двое, я одинъ].

* * *

О, паденье росы, при рожденіи дня,
Вѣтромъ навѣянное!
Даръ дивящихся травъ, добровольная дань,
Ночью надуманная!

О, паденье дождя, на продольность долинъ,
Облакомъ свѣянное!
О, рожденіе слезъ, въ день единый изъ дней,
Вѣдѣнье свидѣвшихся!

* * *

Зачѣмъ, звено съ звеномъ свивая,
Сюда спустился свѣтлый сонъ,
Звуча зурной, струной, свирѣлью,
Струя струю свѣтлѣй зари?

Свѣвая сказки сонныхъ листьевъ,
И въ свисты свѣжій вѣтеръ вливъ,
Зачѣмъ влагаетъ въ слухъ — ихъ слитность,
Зачѣмъ зоветъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

За слоемъ слой снѣга въ подлунной,
Пришла весна, весна ушла,
Зачѣмъ же свѣтлый звонъ свирѣли,
Весло въ волнѣ зачѣмъ, зачѣмъ?

Шутя, блестя, шурша, какъ шалость,
Зачѣмъ тотъ шопотъ — шелкъ пришелъ,
Свирѣли счастья въ саркофагѣ
Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

* * *

Гдѣ же я?
Гдѣ же я?
Вѣетъ, сѣетъ Небо снѣгъ.
Гдѣ же я?

Еслибъ плыть.
Еслибъ плыть!
Можно бъ встрѣтить тихій брегъ,
Еслибъ плыть!

Я въ цѣпяхъ.
Я въ цѣпяхъ!
Тѣло бѣло, мысли ледъ.
Я въ цѣпяхъ.

Не привстать.
Не привстать!

Не стряхнуть мертвящій гнетъ.
Не привстать!

Время нѣтъ.
Время нѣтъ!
Время было и прошло!
Время нѣтъ.

Бѣлый свѣтъ.
Бѣлый свѣтъ.
Гдѣ же я? Дрожитъ крыло!
Бѣлый свѣтъ!

* * *

Не могу я быть въ юртѣ,
Не могу ужь, не могу.
Захлебнулся я въ мечтѣ,
Эти мысли, тѣ, и тѣ,
Вѣчно мысли стерегу.
Быть въ измысленной чертѣ
Не могу ужь, не могу.

Не могу въ юртѣ я быть,
Зрячій филинъ — и слѣпой.
Самого себя любить,
Душу въ малости дробить,
Чтобъ себя же обступить
Все собой, самимъ собой.

Въ Бѣлый Міръ пойду теперь,
Бѣлый Адъ хочу избыть,
Распахну я настежь дверь,
Быть съ собою — то не быть.

Бѣлый Міръ, вступаю въ бой,
Съ Бѣлымъ Дьяволомъ, съ тобой.
Бѣлой Смерти я вкусилъ,
Столько, столько, что не счесть.
И вкушу еще, до тла.
Вотъ, ты есть и ты не есть,
Ты скорѣе лишь была.

Не считая капель силъ,
И глядя на токъ свѣтилъ,
Я узоръ мечты плету,
Я бросаю свой уютъ,
Зажигаю я юрту,
Языки Огня поютъ.
Бѣлый Міръ, въ послѣдній бой
Выхожу теперь — съ тобой,
Ты не сможешь побѣдить,
И въ тебѣ найду я нить
Въ сказку Жизни Голубой.

* * *

А воистину-ли тамъ,
Гдѣ обрубленъ ледъ водой,
А воистину-ли тамъ
Праздникъ жизни золотой?

Не приснилось-ли мечтѣ,
Что когда-то былъ я тамъ?
Не приснилось-ли мечтѣ,
Рай и Ева и Адамъ?

Это вымыслы мои,
Чтобы спрятать круглый путь?

Это вымыслы мои,
Чтобъ въ снѣгахъ не потонуть?

Это хитрость предъ собой,
Не скружиться на кругу?
Это хитрость предъ собой,
Жить хоть какъ-нибудь въ снѣгу?

А коль я наоборотъ,
Или тотъ-же вѣчный кругъ?
А коль я наоборотъ,
Или вѣчно я самъ-другъ?

А коль я на перебѣгъ,
Не достигну-ль я себя?
А коль я на перебѣгъ,
Или тотъ-же вѣчный снѣгъ?

А коль я направо — такъ —?
Что-то спуталось во мнѣ.
А коль я налѣво — такъ —?
Всѣ тропинки я смѣшалъ.

Снова впрямь на перебѣгъ,
Тамъ, быть можетъ, новый путь?
Снова впрямь на перебѣгъ,
Есть тутъ лодъ, не только снѣгъ.

Ну, а если я пойду
Безъ оглядки вдаль по льду?
Ну, а если все впередъ,
Можетъ, что-нибудь найду?

Вплоть до синей до воды
Если я пройду всѣ льды?
Ой, какъ скользко! Гладкій ледъ!
Нѣтъ ни смерти, ни бѣды.

Вплоть до влаги я дойду,
Къ синей влагѣ припаду.
Что тамъ? Лишь не снѣгъ, не ледъ!
Что-нибудь, но тамъ найду!

* * *

Вызвѣздило. Мѣсяцъ въ дымкѣ скрытъ.
Спряталъ онъ во мглѣ свои рога.
Сумрачно. Но блѣдный снѣгъ горитъ.
Внутреннимъ огнемъ горятъ снѣга.

Въ призрачности бѣлой я слѣжу,
Сколько ихъ, тѣхъ звѣздныхъ паутинъ.
Какъ бы сплесть изъ нихъ мнѣ мережу?
Въ Вѣчномъ я. Одинъ, одинъ, одинъ.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ? —
Я изъ бѣлой страны.
На иную межу.
Я изъ бѣлой страны
Ухожу.

* * *

Морской леопардъ — онъ не тронулъ меня,
Полярный медвѣдь — онъ не тронулъ меня,
Лежали моржи и глядѣли,
И словно сосульки застывшей мятели
Бѣлѣли у нихъ клыки.

Тюлени толпами — прощайте навѣкъ,
Прощайте пингвины, отродье калѣкъ,
Уходитъ, уходитъ отъ васъ человѣкъ,
Уходитъ.

Вверху огоньки, и внизу огоньки,
Вверху звѣздомлечность Великой Рѣки
Узорныя волны проводитъ.
И всполохи встали въ цвѣтистомъ бреду,
Сгораютъ.
А тутъ, на звенящемъ и призрачномъ льду,
Отвѣтныя звѣзды играютъ.
Свершилось. Звѣзду увидала звѣзда.
На льды голубая заходитъ вода.
Иду!

1908. Ночи Зимнія. Бѣлое Утро.
Долина Березъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Бѣлый лебедь.

Стр.

Бѣлый лебедь 5

2. Тринадцать лунъ.

Январь 15
Февраль 16
Мартъ 17
Апрѣль 18
Май 20
Іюнь 22
Іюль 24
Августъ 25
Сентябрь 26
Октябрь 28
Ноябрь 30
Декабрь 31
Тринадцатый 32

3. Майя.

Играть 37
Египетъ 37
Оахака 38
Цвѣтокъ цвѣтку 39
Пѣснь звѣзды 40
Ландыши 41
Лишь Богъ 42
Для чего? 43
Люблю тебя 43
Струнность 43
Разсвѣтъ 44
Ау 45
Майя 46

4. Голубая птица.

Стр.

Голубая птица 49
Идува 49
Ленъ 50
Вѣнчанные 51
Семикъ 53
Тѣло играетъ 53
Царь-Дѣвица 54
Цвѣтъ ночной 55
Лунный камень 56
Мазурка 56
Всезвѣздность 57
По блѣдной долинѣ 57
Цари сіянья 58
Одиночество 58
Птица 59

5. Пляска зноя.

Овъ 63
Мѣсто мое 63
По морскому 64
Минутка 64
Атомъ 65
Отъ атома 65
Атомы Времени 66
Начертанія 67
Огненная жатва 67
Сухой Перунъ 68
Половинникъ 68
Макъ 69
Двѣ рѣчи 70
Стрѣла 70
Перевалъ 71
Небесный быкъ 72
Вѣдогонь 73
Едино-Разный 74
Семь 75
Всебожіе 76

Вызовъ. 76
Пѣсни бѣсовскія. 77
Джэлальэддинъ Руми. 77

6. Крадущееся завтра.

Крадущееся завтра. 81

7. Въ бѣлой странѣ.

Псаломъ Безмолвія. 89
Небо, и снѣгъ, и Луна. 91
Я изъ бѣдной страны 93
Явились, вотъ. 94
Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ 95
Бѣлоглазые пингвины. 96
Дьяволъ, кто ты? 98
Если бъ мнѣ хотя вина 98
Я нашелъ, какъ развѣять мнѣ скуку. 99
Снѣжные люди. 100
Я изъ бѣлой страны. 103
Снѣжинки. 103
Въ западнѣ я у врага. 104
Я узналъ сегодня ночью. 106
Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы? 108
Вновь ушелъ, и вновь пришелъ 110
Какая ночь. Всѣ звѣзды. Полны числа. 112
Я вспомнилъ что-то 112
Въ мое окно глядитъ Вечерняя Звѣзда. 113
О, паденье росы, при рожденіи дня. 113
Зачѣмъ звено съ звеномъ? 113
Гдѣ же я? 114
Не могу я быть въ юртѣ. 115
А вонстину ли? 116
Вызвѣздило 118
Я изъ бѣлой страны. 118
Морской леопардъ—онъ не тронулъ меня. 118

КАТАЛОГЪ К-ва „СКОРПІОНЪ“.

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

„СКОРПІОНЪ“

ЯНВАРЬ 1909 ГОДА.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Жатва Дня. Печатается.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина). М. 1909 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданья). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV, V, VI, VIII, IX, готовятся къ печати.

Томъ VII. (Жаръ Птица). Фронтиспись К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Путии перепутья. Стихи 1892—1907 г.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse, Tertia Vigilia). М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos) М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1908 гг. (Всѣ напѣвы). Выйдетъ въ февралѣ.

Ив. Буниnъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Гимны, пѣсни, исповѣди, въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна работы Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к.

Юрій Верховскій. Первая книга стиховъ. М. 1903. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Speculum Speculatum. Эросъ. Выйдетъ въ февралѣ.

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портр. автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. (Баллада Рэдингской тюрьмы). Пер. размѣромъ подлинника К. Бальмонта М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Четвертая симфонія. Кубокъ метелей. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни. XVI в. Части I и II. М. 1908. Ц. 3 р.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Разсказы. Томъ I. Печатается.

Жагадзесъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы. сказки. Печатается второе изданіе.

Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ III. Страшные разсказы, гротески. Печатается.

BINDING SECT.

OCT

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.9

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov